

ОДЕСЬКИЙ ДЕРЖАВНИЙ УНІВЕРСИТЕТ ім. І.І. МЕЧНИКОВА
ФАКУЛЬТЕТ РОМАНО-ГЕРМАНСЬКОЇ ФІЛОЛОГІЇ

ОДЕСЬКЕ ЛІНГВІСТИЧНЕ ТОВАРИСТВО

ЗАПИСКИ
З РОМАНО-ГЕРМАНСЬКОЇ
ФІЛОЛОГІЇ

Випуск 2

Одеса

1997

Редакційна колегія:

проф. І.М.Колегаєва

(головний редактор),

доц. О.Ю.Карпенко

(відповідальний секретар),

проф. В.Г.Таранець,

доц. Л.М.Голубенко,

доц. Н.Р.Григорян,

доц. В.Г.Зінченко,

доц. В.П.Коляда,

доц. Е.І.Костильова,

доц. В.В.Шишков,

доц. М.З.Яцій.

*Друкується за рішенням Вченої ради
факультету романо-германської філології ОДУ*

ПЕРЕДМОВА

Під обкладинкою цього збірника наукових праць Одеського держуніверситету ім. І.І.Мечникова, факультету романо-германської філології, зібрані філологічні студії як мовознавчого, так і літературознавчого напрямків. Одні з них висвітлюють більш загальні прагматичні, лінгвістичні проблеми дискурсу, цілого тексту. Інші присвячені більш детальному аналізу окремих рівнів ієрархічної системи мови та їх мовленнєвого втілення.

В центрі дослідницької уваги публікацій, які включені до №2 нашого збірника, є англomовні та франкомовні твори, що функціонують у межах наукової, художньої, суспільно-політичної комунікації і належать до різних родів, функціональних стилей і жанрів літературної творчості.

Авторами статей є досвідчені фахівці, а також молоді філологи, які тільки опановують таємниці науково-дослідницької діяльності.

Збірник наукових праць Одеського держуніверситету, а саме "Записки з романо-германської філології" включені ВАК України у перелік фахових видань, в яких можуть публікуватися основні результати дисертаційних робіт (Бюлетень ВАК України, 1998, №1, с.19).

Запрошуємо до співробітництва і обміну думками щодо проблем, про які йдеться в статтях. Якщо ви зацікавлені в публікації наукових досліджень у галузі германської або романської філології, звертайтеся за інформацією до головного редактора збірника проф. Колегаєвої Ірини Михайлівни:

— за телефоном

(0482) 21-87-60;

— за адресою:

270058, м. Одеса, Французький бульвар,
24/26, Одеський держуніверситет,
факультет РГФ, кімната 109.

Е.В. Абаимова

ПРОСОДИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ ЦЕЛЕУСТАНОВОК "ДОКАЗАТЕЛЬСТВО" И "СООБЩЕНИЕ" В АНГЛИЙСКОЙ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Многочисленные исследования, проводимые в области коммуникативной лингвистики, с большой достоверностью подтверждают тот факт, что речевая интенция, заложенная в основе порождения текста, определяет его семантико-синтаксическое и интонационное оформление /1, 2, 3, 5 и др./ . Вместе с тем, остаётся нерешённым ряд вопросов, связанных с определением роли коммуникативной функции просодии и её компонентов в передаче различных текстовых значений, а также с системным описанием особенностей просодической организации различных видов текста.

Объектом комплексного анализа данной статьи стали 352 монолога объёмом не менее 5 фраз, отобранные методом сплошной выборки из диалогической речи 15 художественных произведений современных английских авторов. Для проведения инструментального анализа были отобраны 6 монологов, которые, по мнению информантов — носителей языка, наиболее чётко выражали коммуникативные целеустановки "доказать что-либо" и "сообщить о чём-либо", имели стабильную композиционную структуру и содержали

максимальное количество синтаксических средств, свойственных данным видам.

Запись монологов на магнитную ленту проводилась в ЛЭФ ОГУ с привлечением 6 дикторов-англичан.

Проведённый аудиторский анализ с участием филологов-носителей языка выявил специфические воспринимаемые характеристики исследуемых видов. Для "доказательства" это было наибольшее количество фраз, произнесённых громко, на высоком уровне голосового диапазона, с замедлением темпа на фразах, несущих наибольшую смысловую нагрузку; чёткая периодичность синтагматического членения на синтагмы средней длины; наибольшее количество слов, отмеченных логическим ударением (до 41%). Отсутствие незаполненных пауз, максимальная скомпрессированность высказывания способствуют реализации цели данного вида — доказать слушающему правильность своей мысли.

Особенностью монологов, передающих сообщение на уровне восприятия, явилось наличие большого количества фраз, произнесённых на низком высотном уровне, замедление темпа в зачине из-за наличия внутрисинтагменных пауз, в основном предикативных, а также пауз перед обстоятельственными группами. Кульминационный момент отличался убыстрением темпа, увеличением длины синтагм. Данные характеристики также способствуют максимальной реализации цели монолога — сообщить слушающему новую информацию, привлекая внимание к наиболее важным сведениям.

Обобщённые показатели результатов аудиторского анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Воспринимаемые просодические характеристики монологов, передающих доказательство и сообщение.

Воспринимаемые акустические характеристики, %	Громкость			Темп			Высотный уровень			Типы пауз			Длина синтагм		
	громко	нормально	тихо	быстро	нормально	медленно	высокий	средний	низкий	длинные	средние	короткие	длинные	средние	короткие
Доказательство	47	42,5	10,5	19	32	49	49	36	15	34	48	18	7	70	23
Сообщение	39,8	48,4	11,8	24	39	37	23	46	31	19	24	57	13	48	39

Как известно, исследование просодической организации цельного текста вызывает ряд лингвистических проблем, в первую очередь, связанных с отбором характеристик, присутствующих не только единицам, составляющим текст, но и тексту в целом. В данной работе за основу исследования просодической организации цельного текста принято системное описание акустических признаков, разработанное в ЛЭФ ОГУ [6;3], позволяющих охарактеризовать текст с 4 точек зрения:

- 1) акустические признаки структурных элементов синтагм и фраз, составляющих текст — нач. безударн. слоги, 1-й ударн., ядерн. слог, заударн. /ядерн. слоги;
- 2) акустические признаки фраз в разных позиционных условиях в составе микротематического единства (МикТМЕ) и текста в целом;
- 3) соотношение акустических характеристик на границах фраз, составляющих МикТМЕ и текст в целом;

4) акустические признаки каждого из исследованных текстов в целом.

Электроакустический текстологический анализ дал возможность выделить просодические дифференторы, отличающие исследуемые монологи.

Среди частотных характеристик, специфических для монологов, передающих доказательство, отмечались: более широкий частотный диапазон, более значительный интервал перепада частот между концом предшествующей и 1-ым ударн. слогом последующей фразы, более высокие показатели пик ЧОТ начальных, конечных, ключевых фраз и монолога в целом. На уровне структурных элементов фраз было выявлено, что значение пик ЧОТ 1-го ударн. слога, начальных и ключевых фраз МикТМЕ и монолога в целом были наибольшими также в доказательстве.

Наибольшее значение максимальных ЧОТ в сообщении имело место на 1-ом ударн. слоге (до 83%). В доказательстве, помимо 1-го ударн. (до 25%), наблюдалось большое количество локализации частотных максимумов на ядре (до 65%).

При анализе особенностей соотносённости частотных параметров 1-х ударных и ядерных слогов был сделан вывод о том, что монологи, передающие доказательство, отличаются более сложной конфигурацией тонов, большей их крутизной, более высоким тональным уровнем, более контрастными соотношениями ЧОТ 1-го ударного слога и ядерных слогов соседних фраз.

Специфической особенностью “сообщения” стала примерно равная частотность использования низкого нисходящего тона (14,2%), высокого нисходящего (15,4%), восходя-

щего нисходящего (13,1%) и нисходяще-восходящего (15,1%). В “доказательстве” значительно большей была доля высокого нисходящего тона (до 35,6%) и восходяще-нисходящего тона (до 27%).

Для получения динамического интонационного портрета каждого подвида использовался метод обобщённого тонального контура, разработанный в ЛЭФ ОГУ /4/, способствующий созданию адекватной картины изучаемого речевого явления и представляющий его во временной цепи с учётом всех связей и взаимодействий составляющих его элементов. Как известно, тональный контур формально выделим в речевой последовательности и соотносителей с определёнными смысловыми значениями — семантическими и коммуникативными, концентрируя в себе наиболее типичные, существенные признаки речевых явлений. Для построения ОТК были взяты нормированные значения ЧОТ по мужским и женским голосам. На рис.1 представлены ОТК фраз, составляющие исследованные монологи.

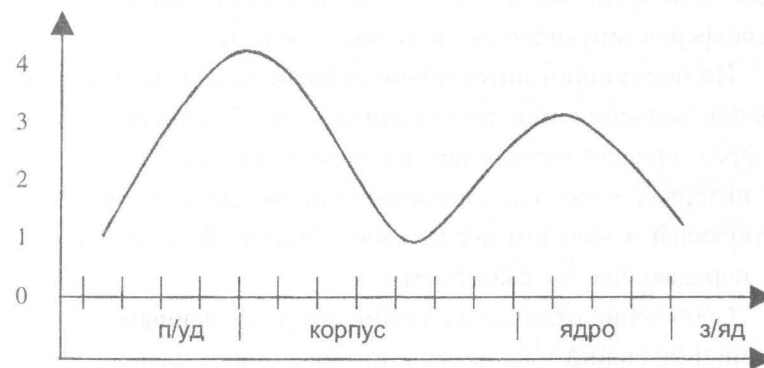

Рис.1. Обобщённые тональные контуры фраз монологов, передающих доказательство и сообщение.
(—) — доказательство; (—) — сообщение.

Как видно из рис. 1, фразы монологов, передающих доказательство, отличаются крутым восходящим движением в пределах предупредного начала; крутым нисходяще-восходящим движением в корпусе; резким нисходящим движением в ядре. Область повышенных значений располагается на 1-ом ударном слоге и ядре. Данная тональная структура адекватно реализует логико-семантическое содержание высказывания.

Фразы монологов, передающих сообщение, характеризуются плавным восходящим движением в предупредных слогах и плавным нисходящим движением в корпусе и ядре; пологим завершением, узким тональным диапазоном. Полученные данные полностью подтвердили правильность выводов, полученных при проведении количественного анализа. Далее была проведена статистическая обработка (критерий Стьюдента) полученных акустических характеристик с целью выявления существенности различий между физическими признаками "сообщения" и "доказательства". На рис. 2 графически представлены частотные признаки, наиболее чётко дифференцирующие исследуемые подвиды.

По показаниям интенсивности было выявлено, что наибольшие значения пик интенсивности структурных элементов фраз, среднеслоговая интенсивность фраз, а также средний интервал перепада интенсивности между концом предшествующей и началом последующей фразы были в монологах, передающих доказательство.

Сообщение отличалось примерно равномерным распределением значений максимумов интенсивности на 1-ом ударном слоге (до 46,2%) и ядре (до 40%). Доказательство имело большее количество максимума интенсивности на ядре (до

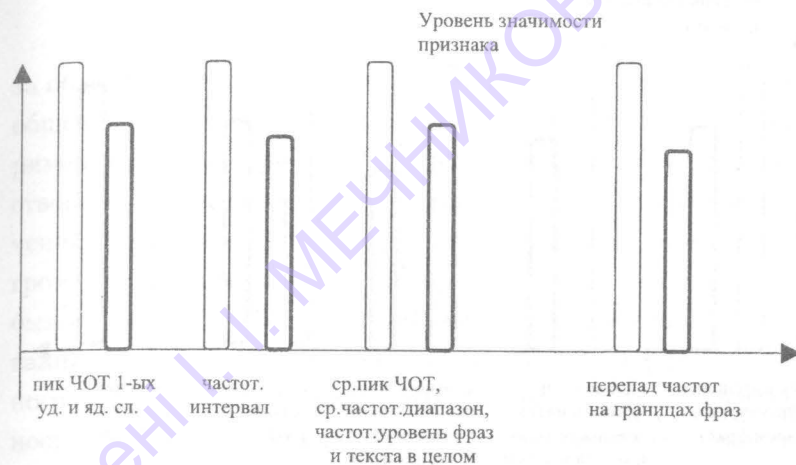

Рис. 2. Гистограмма дистинктивных частотных признаков, отличающих "доказательство" от "сообщения"
(—) — доказательство; (■) — сообщение.

57%). Кроме того, монологи, передающие доказательство, имели наибольшие значения среднепиковой интенсивности, диапазона и уровня интенсивности текста.

При рассмотрении темпоральных характеристик монологи доказательства отличались наибольшей длительностью 1-го ударного слога и ядерного слога фразы. Для монологов обоих подвидов было характерно преимущественное наличие межсинтагменных и межфразовых пауз на стыках, обусловленных семантически или синтаксически.

На рис. 3 представлены динамические признаки, наиболее чётко дифференцирующие исследованные монологи.

Средние значения акустических характеристик исследованных монологов представлены в табл. 2.

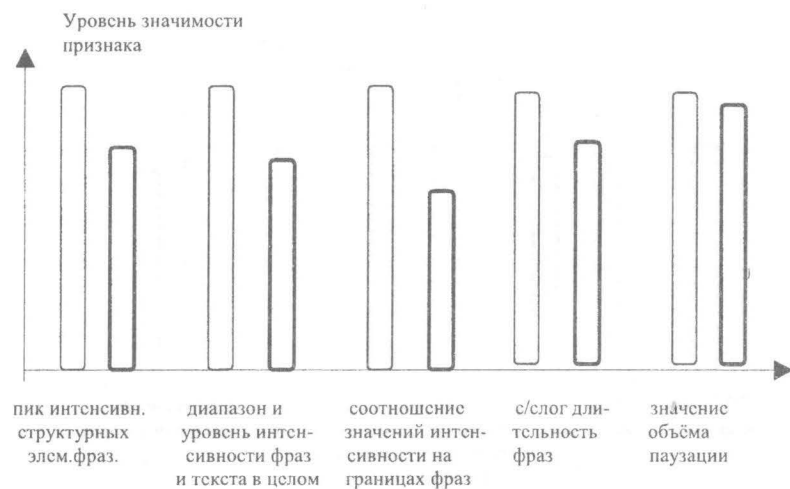

Рис.3. Гистограмма дистинктивных динамических признаков, отличающих "доказательство" от "сообщения"
(—) — доказательство; (---) — сообщение.

Таблица 2.

Дистинктивные акустические признаки монологов, передающих доказательство и сообщение.

Акустические характеристики	Дикт.	Частотные характеристики текста		Интенсивность		Длительность			
		Ср. пик ЧОТ текста, Гц	Ср.-частотный диапазон текста, отн.ед.	Частотный уровень текста, Гц	Ср. пик интенсивн. текста, мВ	Диапазон интенсивн. текста, отн.ед.	Ср.-слог. длительность текста, мсек	Длительность межфразных пауз, мсек	Объем паузации текста, %
Виды монологов	ж	338	2,964	228	461	15,4	380	562	27,3
	м	267	2,811	189	302	12,2	366	530	28,4
Доказательство	ж	220	2,210	170	261	6,9	250	789	26,6
	м	165	2,001	122	210	6,0	202	501	29,1

Полученные в результате электроакустического анализа объективные физические признаки "доказательства" и "сообщения" согласовались с результатами аудиторского эксперимента. Так, восприятие слога как более высокого соответствовало повышению ЧОТ в обоих видах. Увеличение значений интенсивности чётко совпадало с зонами повышенной громкости, отмеченными аудитором. В ходе эксперимента было замечено, что повышение высотного уровня высказывания часто воспринималось как результат координированного действия нескольких характеристик: ЧОТ и длительности, ЧОТ и интенсивности, что было наиболее характерно для доказательства. Повышение громкости восприятия иногда соответствовало не только увеличению интенсивности, но увеличению интенсивности и длительности одновременно, в частности в сообщении.

Выводы, полученные в ходе эксперимента, явились наглядным подтверждением дифференцирующего участия просодических средств в реализации коммуникативной интенции текста. Результаты анализа могут быть использованы при обучении различным видам речевой деятельности на английском языке, а также в формантном синтезе речи.

Литература:

1. Амзаракова И.П. "Монолог" в немецкой разговорной речи. — Дисс. канд филол.наук. — М., 1985. — 248 с.
2. Багмут А.Й. Семантика і інтонація в українській мові. — Київ: Наукова думка, 1991. — 168 с.
3. Бровченко Т.А. О просодике коммуникативных единиц

монологической речи //Интонация. — Киев, 1978. — С.88-103.

4. Бровченко Т.А., Волошин В.Г. Методические указания по математической обработке и анализу результатов фонетического эксперимента. — Одесса: Изд-во Одесск.ун-та, 1986. — 48 с.
5. Носенко Т.К. Монолог в драме: Семантико-синтаксические и функционально-просодические особенности. — Дисс. ... канд.филол.наук. — Одесса, 1993. — 158 с.
6. Отчёт ЛЭФ ОГУ по х/теме № 241 “Компьютерное моделирование интонационных структур звучащего экспрессивного текста”. — Научн.рук.проф. Э.А. Нушикян — Одесса, 1993. — 140 с.

О.Б. Алексеева

СУДЬБА ПУБЛИКАЦИЙ ФРАНЦУЗСКОГО ДРАМАТУРГА Э. РОСТАНА В РОССИИ И В УКРАИНЕ

Судьба творчества Э. Ростана в России и в Украине схожа с судьбой многих других зарубежных авторов, долго и плодотворно трудившихся на литературном поприще, но заслуживших славу, известность и признательность главным образом благодаря популярности одной книги. В России в дореволюционный период сочинения Ростана издавались с известной периодичностью и были доступны широкому кругу читателей. В 1895 году появилось отдельное издание пьесы “Романтики” у Д. Ефимова, и в том же году перевод был включен в издаваемый Е.Ф. Разсохиным драматический сборник “Сцена” (4). В 1896 году драма “Принцесса Греза” была издана отдельной книгой в переводе Т.Л. Щепкиной-Куперник. За ним последовало издание “Принцессы Грезы” — литография Московской Театральной библиотеки в том же переводе, который был посвящен Л.Б. Яворской (дозволено цензурой 19 апреля 1897 года). Далее был издан “Шантеклер” (перевод Т.Л. Щепкиной-Куперник, 1897 г.). В 1898 году журнал “Театр и искусство” опубликовал пьесу Э. Ростана “Сирано де Бержерак” в переводе А.М. Федорова, а

московский театр Корша намеревался поставить эту же пьесу в совершенно безграмотном переводе артиста этого театра Константинова. В 1914 г. издательство А.Ф. Маркса в Санкт-Петербурге выпускает полное собрание сочинений Ростана в двух томах, в качестве приложения к журналу "Нива" за 1914 год. Таким образом, в дореволюционной России писатель был широко известен, чего нельзя сказать об Украине. В Украине издание Ростана до революции не было осуществлено, по крайней мере, переводы этого времени неизвестны, то есть, как современный драматург он не был известен читателям.

Причины подобной известности драматурга легко объяснить: в 1890-1900 годы в России сложилась революционная ситуация. Ростан трактовался читателями и критиками как оппозиционер существующему строю и этим заслуживал высокой оценки современников. Большую роль в создании общественного мнения на том этапе сыграл А.М. Горький. Именно он явился распространителем творчества Ростана в России. Его статьи о "Принцессе Грезе" и "Сирано де Бержераке" быстро приобрели известность и стали критерием оценки творчества драматурга. Появившаяся пьеса Э. Ростана "Орленок" моментально получила ярлык революционной, так как противостояние автора государственному устройству Франции было сродни сложившейся в России ситуации. В 1910 году в издательстве "Речь" был частично опубликован перевод Т.Л. Шепкиной-Куперник пьесы "Шантеклер", вошедший в вышеупомянутое полное собрание сочинений. Существовали и другие переводы этой пьесы: перевод Зин. Львовского (СПб., изд. "Обществен-

ная польза", 1910) и перевод А. Вознесенского и Н. Чернова (изд. В.М. Саблина, М., 1910).

Что же касается Украины, то здесь приблизительно в этой же роли — роли распространителя — выступила украинская поэтесса, писательница, классик украинской литературы и политический деятель Леся Украинка. Ее статьи о драме вообще и о Ростане в частности на украинском языке не настолько известны, как отзывы Горького или Луначарского, но все же в масштабах Украины и для украинского читателя они значили много (Украинка Л., Собрание сочинений в 5-ти томах, т.4, художественные переводы, статьи, 1884-1910, Государственное издание художественной литературы, Киев, 1954). Леся Украинка очень высоко ценила творчество Ростана и уважала его не только за политические воззрения, но и за стиль и язык его произведений.

Впоследствии постреволюционный период вознес творчество Ростана в ряды борцов за свободу нации, бросающих вызов деспотии и тирании.

Между изданиями произведений Ростана 1890-1910-х годов и постреволюционными публикациями (то есть советским периодом) можно наблюдать большой временной разрыв. В 1920-1950-е годы появление новых переизданий работ драматурга было большой редкостью. В 1938 году издательство "Искусство" выпустило пьесу "Сирано де Бержерак" в новом, ранее не известном переводе, точнее, это была вольная переделка В. Соловьева со вступительной статьей Бориса Бегана. Практически сразу за этой пьесой последовало издание "Романтиков" для детского театра, стек-

логография, изданная в 1940 году. Вроде бы ничем не обусловленная забывчивость читателей и критиков к до этих пор столь любимому ими Ростану закончилась лишь в середине 50-х годов. Следовало бы вспомнить, что с 1947 по начало 50-х в Украине не издавали зарубежных классиков вообще. Но в середине 50-х как на русского, так и на украинского читателя обрушилось огромное количество изданий произведений Ростана и статей о нем. В 1958 году вышли "Пьесы" Ростана в серии "Библиотека драматурга" под редакцией С.С. Мокульского со вступительной статьей Ф. Наркирьер; "Сирано де Бержерак" в переводе великого русского философа и поэта В. Соловьева появились в 1961 году, а в 1964-м в переводе Ю. Айхенвальда; эта же героическая комедия в переводе Т.Л. Щепкиной-Куперник издательства "Детская литература" вышла в 1972 году; а в 80-е годы появились "Два Пьеро или Белый ужин", которые до этого времени существовали только в полном собрании сочинений; сборник пьес, "Шантеклер" и комментарии к нему. Статья о Ростане, написанная Ф.С. Наркирьер, появилась в Большой Советской Энциклопедии (БСЭ, т.22, стр. 313, ст. 925, 926, М., СЭ, 1975). Издание Ростана в серии "Библиотека драматурга" явилась признанием его как классика мировой литературы, драматургии. Он вошел в учебники зарубежной литературы, такие как "История зарубежной литературы" под редакцией С.Д. Артамонова, "История зарубежной литературы XIX века" под редакцией В.Н. Богословского и др., наравне с В. Гюго, О. де Бальзаком, Г. Флобером, статьи о нем также можно найти в "Краткой литературной энциклопедии" под редакцией А.А.

Суркова, издательства "Советская энциклопедия", М., 1971, в "Театральной энциклопедии" под редакцией П.А. Маркова, того же издательства, 1965 г. и т.д.

Тем самым Ростан утвердился как классик в глазах русскоязычного читателя.

В Украине большую роль в это время сыграл перевод академиком М.Ф. Рыльским произведений Ростана, конкретно говоря, его пьесы "Сирано де Бержерак", сделанный в 1945 году и вскоре опубликованный. Этот перевод произвел огромное впечатление на украинских читателей, из которых лишь немногие были знакомы с французским драматургом по русскоязычным изданиям. Известный украинский деятель культуры дал возможность всем желающим землякам познакомиться с творчеством Ростана на родном языке. Глубоко уважаемый в советское время А.М. Горький был, естественно, известен и в Украине, а следовательно его "рекомендация" Ростану, данная еще в начале века, теперь сыграла новую роль: она дала возможность читателю принять Э. Ростана не как абстрагированного от него француза, а как близкого ему по духу и тематике своих произведений классического писателя. Конечно, Украина не изобиловала количеством публикаций Ростана, но то, что появлялось в России, немедленно переиздавалось у нас и пользовалось огромным спросом читателей.

Сравнивая судьбу творчества и публикации Э. Ростана у нас в стране и во Франции, можно заметить, что драматург вошел в классики и у французских и у русскоязычных читателей и критиков. Выше говорилось, что издание Ростана под редакцией А. Мокульского уже само по себе

было признанием писателя как классика в России. Что же касается Франции, не признать Э. Ростана было нельзя, хотя бы потому, что он был членом Французской Академии. Французы отказывались признавать его как “великого политического” деятеля и “вестника революции”, но отдавали должное его языку и стилю. Уровень и количество публикаций Э. Ростана в России и в Украине, а также все возрастающий интерес к его творчеству, являются лучшим признанием автора и художественной ценности его произведений.

С.П.Бухлева

УДАЛЕННОСТЬ ГЛАГОЛЬНОГО ПРОЦЕССА ОТ СООТНОСИТЕЛЬНОГО МОМЕНТА

Различные мнения о степени удаленности глагольного процесса от соотносительного момента существуют лишь по отношению к перфектным формам. Так, некоторые исследователи отмечают, что настоящее перфектное употребляется для выражения глагольных процессов, закончившихся непосредственно перед моментом речи [2,146; 3,188]. С другой стороны, многие англисты, напр. М.Брайант и Дж.Эйкен [4;208], считают, что перфект о величине разрыва между моментом речи и концом прошлого глагольного процесса ничего не говорит.

Рассмотрим фактический материал. Перфектные формы могут обозначать глагольный процесс, закончившийся как непосредственно перед соотносительным моментом, так и в период, отстоящий сколь угодно далеко от него.

Present Perfect:

1. At last with a swift grab he caught her and pulled her close to him. So I've caught you, my fairy [21;72].
2. I want love. I thought I'd married the handsomest man in England, and I've married a tailor's dummy [19;55] – (Julia to Michael after about a year's married life).

3. Woman, you have given birth to a monster [12;192] (Steve was a man of about twenty).
4. I ave had another aby since I saw you. I've only had her two days [18;40].

Past Perfect:

1. I, at least, had no illusions; but it was I, too, who a moment ago ad been so sure of the power on of words [5;178].
2. She leaned lightly on his arm, as lightly as when she had danced with him a few hours before [13;60].
3. Life had been so hopeful a few minutes ago, now it was depressing and cruel [22;245].
4. A full realization of what had been done the day before was clear now in the minds of all [24;503].

Future Perfect:

1. Go and lie down in your room. You'll sleep, and when you wake these fancies will ave gone [15;240].
2. Another twenty years and four children and you'll have forgotten all about it [28;391].
3. We, in this age, do not see the beauty of that dog. We are too familiar with it. In 2288 people will gush over it. The making of such ogs will have come a lost art. Our descendants will wonder how we did it, and say how clever we were [12;53].

В последнем примере процесс, обозначенный глаголом в перфектном будущем, отстоит от момента соотнесения (in 2288) на сотни лет. В исследуемых источниках разрыв между глагольным процессом и соотносительным моментом доходит до нескольких месяцев для перфектно-распространен-

ного настоящего и до десятков лет для перфектно-распространенного прошедшего.

Present Perfect Continuous:

1. Oh, I'm kind of tired. been pounding pretty hard at the office [16:156].
2. I'll make some offee, Mrs. Thompson said, gathering the plates together. Jenny got up to give her a hand, but Dick Thompson would not allow this. No, no, you've been traveling, he said... [14:18] — Jenny had come to lodge at Dick Thompson's place some hours before.
3. here Cecilia, who has been talking to Stairs, turns to them with faintly flushed cheeks [15;132].
4. This winter the farmer as been putting the final touches to modernizing the pigry and equipment [8;2].
5. I know she has been living with him there (in London) and is now living with him under your eyes (in New York) [10;340].

Past Perfect Continuous:

1. The woman announced that during the week of July... she and her husband had been camping on the east shore of Big Bitten [9;159] — it was now August.
2. This truly was the beautiful, the exquisite Sondra whom months before he had met at his unde's and concerning whose social activities during the preceding summer he ad been reading in the papers [9;377] — the month now was November.
3. This morning he told me that he'd been dreaming (that night) about the mountains of Nebraska [20;229].
4. There was a knight from Hungary who gad received

wounds in a tournament seven years before. He had been fighting with a man called Sir Alphagus [26;517].

5. She told him about the pneumonia of Neville as a child; how they had been staying in Cornwall, miles from a doctor... [17;90] — Neville was now a woman of 43.

То, что простое прошедшее может обозначать глагольные процессы, сколь угодно удаленные от момента речи, общепризнано; безразлично к величине разрыва между временем протекания глагольного процесса и моментом речи и распространенное прошедшее: он может быть как угодно большим. В следующем предложении, напр., он составляет более 2 тысяч лет: What we do know for certain is that Xenophanes was still alive and making poetry at the age of 92 [27;126] — Ксенофан — древнегреческий философ и поэт ок. 570-480 до Р.Х.

Следует лишь подчеркнуть, что обозначенный глаголами в этих формах процесс может быть и сколь угодно близким к моменту речи, напр.:

Past Indefinite:

1. The woman with the pink velvet poppies turned round and clutched the lean arm of her host. "Now I got you!", she said. "Now you can't get away" [23;40].
2. As Macomber fired he heard a whunk that meant that the bullet was home. "I hit him", Macomber said [11;99].
3. I unlimbered my package. "I brought these specimens to show Professor Fleming. Please look at them" [7;259].

Past Continuous:

1. Hello! Sister left a message asking you if you could go on night duty at ten. — Hell! Wouldn't that rock you?

Here I was looking forward to a decent night's sleep [25;316].

2. That chair you are sitting in is your father's. Still no answer came. "Are you deaf and dumb as well as stupid, you careless hussy? Like a sleeper suddenly arised Mary looked up — "Were you sleeping, Grandmother?", she said [6;25].
3. But it is wrong, he said. — What is wrong? the preacher asked. — Nothing, I was just talking to myself [1;52].

Итак, фактический материал показывает, что для перфектных форм разрыв между временем протекания глагольного процесса и моментом соотнесения может быть от нескольких мгновений до сотен, тысяч и даже миллионов лет. Для перфектно-распространенного прошедшего од достигает в проанализированных источниках нескольких десятков лет. Для простого и распространенного прошедшего величина удаленности глагольного процесса от момента речи может быть сколь угодно малой и сколь угодно большой.

Литература

1. Abrahams P. The path of thounder. — M., 1954.
2. Baine A. A first English Grammar. — Lnd., 1888.
3. Baine A. A higher English Grammar. — Lnd., 1904.
4. Bryant M., Aiken G. Psychology of English. — NY., 1940.
5. Conrad J. Lord Jim. — M., 1959.
6. Cronin A. Hatter's castle. — M., 1960.
7. Cronin A. The Green years. — Boston, 1946.

8. Daily Worker. — 1963, Apr. 1.
9. Dreiser Th. An American tragedy. — M., 1951. — Book 2.
10. Dreiser Th. The Stoic. — M., 1962.
11. Hamingway E. The short happy life of Francis Macomber //Modern English short stories. — M., 1961.
12. Jerome K. Jerome Three men in a boat. — M., 1948.
13. Joyce J. The dead //Modern English short stories. — M., 1961.
14. Kingsley A. Take a girl you like. — Victoria, 1963.
15. Lawrence D. A Paris letter. — Lnd., 1961.
16. Lewis S. Babbitt. — M., 1962.
17. Nacaulay R. Dangerous ages. — NY., 1937.
18. Mansfield K. Prelude. — Lnd., 1956.
19. Maugham W.S. Theatre. — Lnd., 1937.
20. Maugham W.S. Rain //Modern English short stories. — M., 1961.
21. Mitchell M. A warning to Wantons. — Lnd., 1934.
22. Norris J. The Octopus. — M., 1962.
23. Parker D. Arrangement in Black and White. — M., 1959.
24. Walpole H. The old ladies. — Leipzig, 1928.
25. Webster's elementary dictionary. — NY., 1961.
26. White T. The once and future king. — NY., 1960.
27. Wilson S. The man in the gray flannel suit. — NY., 1956.
28. Wilson M. Live with lighting. — M., 1957.

Ваврищук И. А.

РЕДУПЛИКАЦИЯ И КОНВЕРГЕНЦИЯ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ДРАМАТУРГИИ)

Как известно, интонационный диапазон реальной речи весьма широк. Графические средства могут лишь приблизительно отразить все многообразие обертонов. Тем не менее, в арсенале драматургов имеются различные средства для того, чтобы более точно отразить интонационный рисунок роли. В частности, редупликация одного и того же знака позволяет точнее передать коммуникативную роль и степень экспрессии высказывания. Чаще всего редупликация предполагает двойное повторение знака (!! или ??). Гораздо реже используются триплексы (!!! или ???). Крайне высокая степень удивления передается тройной редупликацией вопросительного знака.

Bones: Ah! — Bones!

George: What?

Bones: As in rags — and.

George: Rags and bones???

[Stoppard, "Jumpers", p.34]

Анализ ДТ в XX веке показал и наличие случаев многократного повторения знака, что призвано передать наивысшую степень эмоционального напряжения.

Еще более сильную позицию занимает в этом отношении сочетание вопросительного и восклицательного знаков (?!!).

Archie: < . . . > McFree's dead.

George: What ? ! !

[Stoppard, "Jumpers", p.34]

В результате высказывание приобретает многослойную смысловую нагрузку, что делает высказывание весьма емким, одновременно реализуя несколько коммуникативных функций: удивление и эмоциональную реакцию на реплику собеседника.

Конвергенция знаков препинания нормативно не закреплена, хотя встречается довольно часто в произведениях конца XIX — начала XX века.

Отметим, что конвергенция затрагивает прежде всего те знаки, которые являются внешними. Это точка, вопросительный, восклицательный знаки и многоточие, а также знак тире, который в отдельных случаях может выполнять функции внешнего знака.

Наши исследования в области драматургического текста указывают, что не все авторы одинаково используют все виды конвергенции знаков препинания.

Мы выявили 13 комбинаций знаков препинания, характерных для драматургических произведений конца XIX — начала XX века:

.	...	!	-	.	-	?	...	?	-	-	!	...	!	...	?	-?	-!
---	-----	---	---	---	---	---	-----	---	---	---	---	-----	---	-----	---	----	---	-----	------

Не все печатные издания четко различают конвергенцию точки и многоточия (. ...) и многоточия и точки (... .), а также четырехэлементное многоточие (....). О. Уайльд четко выделяет эти комбинации в своих произведениях.

Lord Goring: Lady Chiltern, I have sometimes thought that ... perhaps you are a little hard in some of your views on life. I think that ... Often you don't make sufficient allowances. In every nature there are elements of weakness, or worse than weakness. Supposing, for instance, that — that any public man,

my father, or Lord Merton, or Robert, say, had, years ago, written some foolish letter to some one ...

Lady Chiltern: What do you mean by the foolish letter?
[Wilde, "Ideal Husband", p. 216]

Точка в конце реплики лорда Горинга указывает на завершение длинного и путанного объяснения положения Роберта, мужа леди Чилтерн. Многоточие перед точкой передает паузу и логически связано с двумя другими многоточиями внутри реплики лорда Горинга. Все три многоточия следует рассматривать как способ передачи тщательного подбора слов и сбивчивого объяснения. Многоточие перед точкой выполняет именно данную функцию, а не указывает на грамматически незавершенную картину высказывания.

В драматургических текстах эта комбинация чаще всего служит одним из средств передачи особенностей телефонного разговора. В пьесе Т. Раффигана "Росс" Лауренс разговаривает по телефону с Адмиралом. Многоточие, представленное четырьмя и тремя точками соответствует паузам, связанным с репликами-вопросами собеседника — Адмирала. Вместе с тем имеет место и конвергенция знаков (. ...) и (-...).

Lawrence: < > Oh, I'm sorry. Didn't I tell you. ... Yes, we took it. ... From the land. Rather a long way round, but it seemed to work all right. ... No. They didn't appear to expect us ... < >
[Rattering, "Ross", p. 61]

Конвергенцию многоточия и точки следует считать маркером длинной паузы, т.к. авторская ремарка дает подсказку для расшифровки всей ситуации. Точка, следующая за многоточием, сигнализирует о том, что продолжения данного рассуждения ожидать не следует, — оно так и останется незавершенным. В отличие от многоточия, которое может показывать подхват, временной перерыв в говорении с последующим продолжением, точка после многоточия, как правило, показывает, что продолжения не будет.

Комбинация (! ...) используется для выделения из группы предложений междометий и восклицаний и придания им эмоциональной окраски, связанной с выражением радости, удивления, восторга или же, наоборот, недоумения, разочарования, негодования:

Jack: Good heavens! ... I had quite forgotten that point. < >
[Wilde, "The Importance of Being Earnest", p. 348]

Многоточие передает прерывистый характер речи, связанный с волнением. Конвергенция восклицательного знака и многоточия вполне объяснима. Эмоциональный всплеск часто сопровождается прерывистостью.

Такие сочетания, как (! -) и (? -), встречаются при отражении душевных состояний, для передачи быстрой смены чувств, возникновения противоречивых эмоций и переживаний.

Восклицательный знак в сочетании с тире в рамках реплики после зависимых членов позволяет выделить экспрессивную доминанту определенного отрезка.

Rebecca: Mama, do you know what I love most in the world — do you? — Money.

[Wilde, "Our town", p.19]

Из этого примера видно, что тире выступает как парный знак и в соответствии с грамматической нормой выделяет уточняющую фразу, которая является вопросительным предложением, на что знак вопроса и указывает.

Тире как самостоятельный знак передает резкую остановку в говорении, тот факт, что реплику — вопросительную фразу не дали закончить.

У многих авторов можно встретить тире после точки (. -), которой заканчивается предложение, что во многом можно считать данью традиции, которая сложилась в XVIII — XIX вв., когда было принято в рамках реплики отделять

одну относительно независимую структуру от другой. В настоящее время сфера применения точки и тире (. -) значительно сузилась. Это сочетание знаков служит, прежде всего, для обозначения перехода к новой тематической группе предложений, т.е. тире служит маркером переключения внутри персонажной реплики, что синонимично сочетанию точки и многоточия, описанному выше.

В пьесе Дж. Голсуорси "Побег" сочетание точки и тире служит маркером адресатного переключения.

MATT. < > When you're an old woman you'll be able to say you met Murderous Matt. — Mr. Browning, you won't give me a chance?

[Galsworthy, "Escape", p. 57]

Следует отметить, что это сочетание знаков более характерно для художественных прозаических текстов, а в ДТ оно встречается в длинных монологических репликах.

Основываясь на длинном анализе видов конвергенции знаков препинания, различаются следующие случаи конвергенции:

а) конвергенцию, при которой каждый знак в рамках конвергенции выполняет свою функцию, например, многоточие / тире указывает на незавершенность фразы, а восклицательный знак — на интонационный рисунок фразы. Сюда можно отнести такие виды, как:

I — ... ; ; ... ? ; _ ? ;

II ? ... ; ! ... ;

где многоточие указывает на переход к другой тематической группе, а восклицательный или вопросительный знак — на интонационное оформление;

б) конвергенция, при которой два знака выполняют одну функцию, усиливая друг друга, например, сочетание (... ?) передает замешательство;

в) конвергенция, при которой определенный смысл может передаваться только совокупностью данного набора знаков, например синонимичные сочетания (. ...) и (. —) служат маркерами переключения темы разговора или адресатного переключения.

Следует отметить те сочетания нескольких знаков, где присутствует многоточие. Оно создает эффект неторопливого размышления, додумывания, нерешительности, более медленного произнесения реплики и сопровождает грамматически незаконченные конструкции. Сочетания, где присутствует тире, передает более быструю смену эмоций и различных оттенков чувств и ощущений, темп речи в таких фразах не замедляется.

Отдельно выделим сочетание точки и тире, которое является маркером адресатного, тематического, эмоционального переключения.

Анализ ДТ показал тенденцию к использованию широкого диапазона редупликации и конвергенции знаков препинания по сравнению с повествовательным прозаическим текстом, что позволяет более точно отразить особенности устной звучащей речи в письменной форме.

Литература

1. Galsworthy J. *Escape // Plays*. — N.Y.: Pen Books, 1967. — P. 3-35.
2. Rattigan T. Ross // *Plays of the Sixties*. — L.: Pen Books Ltd., 1966. — Vol. 1. — P. 7-119.
3. Stoppard T. *Jumpers*. L.: F.F., 1986. — 78 p.
4. Wilde O. *An Ideal Husband // Plays*. — M.: Foreign Languages Publishing House, 1961. — P. 169-227.

Т.В.Весна

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ЗНАЧЕНИЯ ЗООМОРФИЗМОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

(НА МАТЕРИАЛЕ ОРИГИНАЛА И ПЕРЕВОДА ГАЗЕТЫ
"МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ" за 1991-1992 гг.)

Универсальным явлением для лексико-семантической системы русского и французского языков, и в частности для политического словаря, есть использование названий животных в качестве оценочно-характеризующего средства. Схожесть географических и природных условий двух стран определили наличие практически одних и тех же видов животных, поэтому основы французских и русских зооморфизмов в целом единообразны.

Общим является и сам механизм образования оценочной квалификации лица или социального денотата в результате вторичной номинации. Людям было свойственно уподоблять себе окружающую природу: животные и растения символически наделялись человеческими чертами. Закрепившись в фольклоре, литературных произведениях, эти ассоциативные образы вновь переносились на мир человека. Таким образом, особенностью оценочной характеристики социальных референтов является сравнение их не с собственно экстралингвистической сущностью, а с тем метафорическим образом, который сложился в узусе носителей языка в виде социально-психологического стереотипа, поэтому зооморфиз-

мы представляют собой культурно-исторические символы, специфичные для каждого народа. При метафорическом переносе сохраняется ассоциативно-образная связь исходного денотата с обозначением непрямого наименования. Семы, выступающие основанием для переноса значения, выполняют оценочно-характеризующую функцию. Коннотация зооморфизмов выражается через определенные понятийные признаки, вызывающие у говорящих соответствующие образы, оценки, эмоции.

В языке политики символические зоонимы приобретают идеологический компонент эмотивного характера, который сочетается с национально-культурным компонентом, основанным на ассоциативно-образной мотивации. Экспрессивность зоометафор обуславливает большие прагматические возможности данной ЛСГ в политическом дискурсе. Особенностью оценочной рамки зооморфизмов является специфика оценочной шкалы В.Н.Телия, которая разграничивает собственно-оценочную шкалу и квазистереотипную шкалу [4;50], т.е. систему ассоциативно-образных представлений, выступающих эталоном при формировании оценки. В создании зоо-характеристик оценочная интерпретация объекта соотносится с квазистереотипной шкалой.

Несовпадение языков и национальных “картин мира” выражается в существовании в разных социумах своих квазистереотипов и традиционных символов, которые хранят информацию, существенную для видения мира данным народом [4;444]. Являясь универсалиями сознания, квазистереотипы глубоко национальны по своему содержанию. Напр., понятие о плохой памяти, забывчивости французы ассоциируют с образом зайца (*memoire de lievre*), а русские — с

образом курицы (куриная память). Названия различных животных образуют в обоих языках аналогичную форму ласкового обращения: *mon gros (petit) loup* (волк) — *мой зайчик, зайнька*.

Зоонимы, устойчиво выполняющие определенную характеристическую функцию, могут совпадать, что подтверждает историческая общность культур и их взаимодействие в определенный период: *храбрый, смелый* — лев, *le lion*; *хитрец* — лиса, *le renard*; *волчий голод* — *faim de loup*.

Оценочные характеристики, ориентированные на один и тот же денотат (животное), могут представлять его эталоном различных качеств: *нелюдим, грубиян* — *l'ours*, но рус. *медведь* — неповоротливый, неуклюжий человек.

Понятийные или коннотативные расхождения зооморфизмов свидетельствуют о национальной специфике образного мышления представителей различных культур.

Прием зоосемизма как один из прагматически эффективных способов оценочной характеристики активно использовался в советском политическом дискурсе 20-30-х годов [1;18; 3;52]. Наиболее продуктивными были выражения, смысловым центром которых являлись названия агрессивных, опасных животных и рыб (*акула, кит, зубр, хищник*), а также мифологических существ (*гидра контрреволюции*). ключевым словом стала лексема *акула*, образовавшая ряд устойчивых идеологизированных сочетаний: *акулы империализма, империалистические акулы, антантовские акулы*. Переносное значение слова зафиксировано в словарях: *об эксплуататорах-капиталистах* [6;21]; *корыстный делец, хищнически пользующийся чужим трудом и имуществом, эксплуататор* [9;26].

Общее функционирование данных зоонимов в качестве символических образов капиталистической действительности закрепило за ними в газетной публицистике негативную оценочную специализацию и превратило их в идиомы политической речи того периода.

Зоолексикон языка политики начала 90-х годов характеризуется тематическим разнообразием: рыбы (*акула, рыбешка*), птицы (*орел*), звери (*зубр, тигр*), доисторические животные (*динозавр*). Часть из них (*зубр, акула, рыбешка*) стала собственно газетной лексикой, другие суть окказиональные авторские метафоры и заимствования.

С развитием рыночных отношений и появлением новых форм собственности возвращается в политический словарь существительное *акула*. Сохранив прежние отрицательные коннотации, оно изменяет контекст употребления: объектом оценочной квалификации становятся реалии советской действительности. Эта лексема в политической коммуникации имеет два значения:

1. Более широкое — *акулы бизнеса*, т.е. все представители альтернативной экономики, предприниматели;
2. Узкое — *акулы*, т.е. бывшие номенклатурные работники, руководители крупного бизнеса, составляющие одну из трех групп советских миллионеров перестроечной эпохи [данные Группы изучения советской элиты Института социологии АН СССР; "Московские новости". — 1991, №8].

Современное восприятие слова, его близость к терминологической сфере сглаживает ту заостренность идеологической оценки, которая была ему присуща в послереволюционный период.

Во французском языке ЛЕ *requin* (*акула*) получила пе-

реносное социальное значение еще в XIX в.: *personne cupide et impitoyable en affaires* (les requins de la finance, les grands requins d'affaires). Отрицательные коннотации французского зооморфизма актуализируются семантикой *жадный, корыстный, жестокий, беспощадный*. В словарных дефинициях русского зооморфизма эксплицируется политическая направленность: капиталист, делец, эксплуататор, чужой труд. В случаях нетерминированного употребления стилистически нейтральной ЛЕ *акула* соответствует в переводе другой метафорический образ: *les manitous du business*. В прямом значении *manitou* — название божества у североамериканских индейцев. Переносное значение характерно для разговорного стиля. *Grand manitou* выступает как фамильярное название руководителя: *шишка, важная особа, заправила, воротила*. Таким образом, имеем стилистическое "расхождение" оригинала и перевода.

Ассоциативно переносное значение получило слово *рыбешка* как противопоставление *акуле*. Первоначально оно являлось разговорным вариантом, уменьшительным от *рыба*. Получив переносное значение "незначительный, невлиятельный человек, мелкая сошка", словосочетание *мелкая рыбешка* и *le menu fretin*, перешли в разряд оценочной газетной лексики. Понятийная адекватность оригинала и перевода дополняется стилистической (разговорное) и коннотативной (уничижительное) эквивалентностью.

В 20-30-е годы в политический словарь вошел собственно русский зооморфизм *зубр*, имевший такие значения:

- перен., публ. презр. "О крайнем реакционере" [6;230];
- перен. публ., ритор. "Консервативный до дикости, упорный в своей закостенелости человек" [9;№119];

перен. “О косном, консервативно настроенном человеке” [7;237].

Создание эмоционально-образного смысла было связано с развитием негативного идеологического компонента, узально эксплицировавшегося в словарных пометах (презрительное) и дефинициях (косный, консервативный, отсталый, реакционер и т.д.). В конце 70-х — начале 80-х годов было зафиксировано новое переносное значение слова *зубр* — *знаток* [5;207]. Таким образом, один и тот же зоосемизм становится основанием для различных зооморфных характеристик с противоположными оценочными компонентами. Актуализация того или иного смысла и, следовательно, мелиоративная или пейоративная квалификация социального объекта происходят только в контексте. В исследуемом газетном материале отмечается еще одно переносное использование слова *зубр* и появление нового сочетания *старые зубры*, которым социологи и журналисты условно называли третью группу советских миллионеров. Это цеховики, основавшие еще в застойные времена теневой бизнес. В новых социально-экономических реалиях выражение *старые зубры* сочетает как позитивные, так и негативные коннотации, что подтверждается контекстом. Положительные оттенки связаны с понятиями “опытность, деловитость, умение организовать прибыльное производство”. Однако ведущим в социальной оценке остается отрицательный компонент, основанный на признании незаконности теневой экономики.

Автор иноязычного текста, пытаясь сохранить экстралингвистическую основу вторичного наименования лица, вводит словосочетание *les vieux loups* (*старые волки*), так как русский зооморфизм не имеет французского эквивалента.

Такая замена является не совсем адекватной: *vieux loup* представляет фамильярное название старого, опытного моряка, а *jeune loup* — молодого, честолюбивого человека или политика. Раскрыть смысл оригинала помогает контекст: описательным словосочетанием *les magnats de l'économie parallele* переводчик заменяет русское *цеховики*.

Употребление зоосемизма *тигр* в политическом тексте связано с метафорическим переосмыслением автором статьи китайской пословицы «Не привязывай крылья тигру», что означает: “Не стоит человека, обладающего значительной властью, наделять еще большей силой”.

Пословицы и поговорки являются самым ярким воплощением национального менталитета и культурно-исторических традиций народа.

Для китайского народа *тигр* — это символ, закрепляющий в сознании носителей языка определенные социально-психологический стереотип. Тигр означает «опасный». Фольклорная традиция разработала целую градацию данного признака. Различная степень опасности выражена в метафорах:

бумажный, мертвый тигр — тот, кто только кажется опасным, чья сила преувеличена;

живой, железный тигр — представляет подлинную опасность;

улыбающийся тигр — по-настоящему опасен и агрессивен, но хорошо это маскирует [2;167].

Для русского этноса ЛЕ *тигр* не является такой значимой в метафорическом отражении действительности. Переносное значение не содержит какой-то определенной положительной или отрицательной оценочной квалификации лица.

Тигр — перен. О человеке, напоминающем повадками, чертами характера тигра [8;434].

Потенциальная оценка может быть имплицирована из понятия «хищное животное». Однако некоторые случаи использования этого зоонима указывают на положительное восприятие. Например, выражение «тигр снегов» — это почетное звание проводника, восходителя на горные вершины. Актуализация сем «надежности», «силы», «защиты» происходит при использовании образа тигра в названии формы или в рекламе средств безопасности.

Во французском языке зооморфизм «*tigre*» еще в 16 в. получил конкретную негативную коннотацию — «жестокый, кровожадный, безжалостный человек» [10;1883], что делает этот образ более близким китайскому, чем русскому аналогу.

Тигры в интерпретации автора оригинала — это представители перестроечной партократии, которые, пользуясь своими привилегиями, создали крупный капитал. Обыгрывая содержание китайской пословицы, публицист создает яркие оценочные образы: «летающие тигры, крылатые звери» и др. Окказиональный отрицательный идеологический компонент лексемы «тигр», обозначающей социальный денотат, создается:

1. прагмемами: *коррупция, бандитизм, репрессии, ярость, бешенство, презрение, проклинать, ненавидеть, политический беспредел;*

2. оценочными эпитетами: *разбойничья хватка, бандитская приватизация, хапающая номенклатура, лагерная цивилизация;*

3. разговорными словами, жаргонизмами: *хапающий,*

укокошенный, распределителка, быдло, сколотить капитал, блатная поручка;

4. оценочными иноязычными синонимами-субститутами: *украсть, ограбить, прикарманить, свистнуть, спереть, хапнуть, хряпнуть;*

5. оценочными неологизмами: *партспекуляция, партфункки, совковые капиталисты, блатаризация всей страны* и др.;

6. метафорами: *разгул зверской стихии, компартия-кормилица, пить вино победы из черепа КПСС, преуспевающие печенёги перестройки;*

7. игрой слов: *утопить страну в утопии коммунизма, политологи, социологи и стоматологи, научно исследуя эту пасть (о тигре) и эту напасть.*

Образам «тигра», «крылатого» или «летающего», во французском тексте соответствуют «*tigre*», «*tigre partocratique*», «*pterotigres*», «*predateurs volatiles*».

«*Pterotigres*» (птеротигры) — окказиональный неологизм переводчика, который по своему морфологическому строению напоминает зоологический или палеонтологический термин по аналогии с «птерозаврами» или «птеродактилями». Необычность этой формы вызывает ассоциации архаичности, обреченности на вымирание.

Зоологический термин «*predateur*» может быть переносным наименованием лица и означать:

в этнологии — относящееся к преисторической эпохе: *человек, живущий охотой и собирательством;*

устар. название грабителя [10;1481].

Таким образом, во французском тексте происходит актуализация основного терминологического значения «хищ-

ник», которое окказионально метафоризируется, а также, предположительно, и одного из переносных употреблений, чья семантика связана с контекстом.

Отрицательный идеологический компонент переносного «tigre» заложен в значении зооморфизма и эксплицируется в словаре и дополняется в речи. Однако гамма оценочных средств иноязычного текста намного беднее оригинала, поэтому прагматическое воздействие на русского читателя, возможно, будет сильнее, чем на французского.

Сопоставление русского и французского вариантов текста выявило следующие типы контекстуальных зоосемных соответствий:

1. Рус. зооним — эквивалентный франц. зооним. Адекватное содержание метафорического образа и коннотаций: *акула, рыбешка, тигр* — *requin, fretin, tigre*.

2. Рус. зооним — эквивалентный зоонеологизм: *тигр* — *pterotigre*.

3. Рус. зооним — неэквивалентный франц. зооним:

а) имеющий в узусе переносное значение другого содержания: *зубр* — *loup*;

б) имеющий в узусе переносное значение, адекватное контексту: *орел* — *vautour*.

4. Рус. зооним — фр. зоологический термин: *тигр* — *predateur*.

5. Рус. зооним — ЛЕ другой тематической группы, имеющая в узусе переносное значение, близкое к оригиналу: *requin, manitou*.

6. Рус. зооним не имеет соответствия.

Анализ газетного текста и словарных материалов различных временных периодов показал развитие новых значе-

ние для некоторых зооморфизмов (*акула, зубр*). Появление других смыслов может создавать двойную когнитивную и прагматическую интерпретацию зоометафоры (*зубр*). Семантика образа зависит также от его основы, первоисточника. «Орел» — «мелиоративный символ в русском и французском фольклоре и негативный в Евангелии» («Ибо, где будет труп, там соберутся орлы» — Еван. от Матфея, гл. 24, ст. 28). Использование в русском тексте одного и того же зооноима (орел) делает зооморфизмы полиэмоциональными. Во французском языке отрицательные коннотации библейского образа сосредоточены в другом зоониме — *гриф* (*vautour*).

Контекст, особенно иноязычный, помогает раскрыть содержание метафоры и усиливает ее оценочную функцию. Спецификой русского политического текста с зооморфизмами является высокая степень экспрессивности, которая значительно ослабевает или утрачивается при переводе за счет: 1) меньшего количества эмотивной и стилистически маркированной лексики; 2) отсутствия некоторых образов; 3) замены эмоционально-оценочного компонента рационально-оценочной или нейтральной ЛЕ.

Отдавая приоритет идеологическому компоненту, который является ведущим в политическом дискурсе, переводчик, в какой-то мере, жертвует национально-культурным компонентом. Потеря информации национального характера связана с различием в видении и восприятии мира носителями двух языков. Таким образом, в силу специфичности национальных стереотипов, прагматический компонент оригинала и перевода не совпадает, и воздействие политического сообщения на русского читателя и французского будет неадекватным.

Литература:

1. Григорьева Д.М. Идеологизированные устойчивые словесные комплексы именного типа в газетно-публицистической речи (на материале советской прессы 1920-1980 годов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Харьков, 1986.
2. Национально-культурная специфика речевого поведения. — М., 1977.
3. Солганик Г.Я. Лексика газеты (функциональный аспект). — М., 1981.
4. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. — М., 1986.
5. Новое в русской лексике: Словарные материалы-77, 80. — М., 1983.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М., 1964.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М., 1961.
8. Словарь современного русского литературного языка. — М.-Л., 1948-1965. — Т.15.
9. Толковый словарь русского языка/Под. ред. Д.Н.Ушакова. — М., 1935.-1940. — Т.1.
10. Larousse de la langue française. Lexis. — P., 1979.
11. Petit Robert Dictionnaire de la langue française. — P., 1967.

Ю.П. Водяницкая

МЕТАФОРА КАК ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ

Человеческий язык представляет собой функциональную систему семиотического характера, которая используется людьми как средство общения и выражения мыслей. Будучи неотъемлемым элементом языка, метафора имеет знаковую природу и может быть рассмотрена с позиций лингвистической семиотики.

Как и любой языковой знак, метафора имеет план выражения и план содержания. В плане выражения метафоры могут варьироваться от одного слова (*Пример 1.* "You... you elephant." А.Нuxley) до суперсинтаксических единиц или даже целого текста (например, стихотворение П.Б.Шелли "The Cloud"). Что касается плана содержания, то он достаточно сложен даже в простых метафорах, выраженных одним словом. Эта сложность заключается в самой природе **метафоризации**, представляющей собой явление косвенной номинации, способ переосмысления на основе сходства или аналогии признаков в понятийном отражении обозначаемого объекта и в сигнификате переосмысляемого слова [1;94]. В результате такого переосмысления происходит своего рода совмещение признаков двух разнородных объектов и закрепленных за ними в языке наименований, слияние их в единое целое — метафору. Актуализируясь в речи, метафора

приобретает множество дополнительных ситуативно обусловленных смыслов и оттенков значения.

Для всех знаков, в том числе и языковых, характерно наличие трех типов внутренних и внешних отношений, в которые они вступают [2;246]. Рассматриваемая с этой точки зрения метафора представляет собой типичный языковой знак, так как она способна вступать во все указанные типы отношений:

- 1) внутренние отношения, соединяющие означаемое с означающим, или символические отношения (в приведенном выше примере слово "elephant" символизирует неуклюжесть, неповоротливость; именно этот признак приобретает решающий вес для употребления данного слова в качестве метафоры);
- 2) внешние виртуальные парадигматические отношения, относящие знак ко множеству других знаков, откуда он извлекается для включения в речь (из множества метафор, зафиксированных в языке и основанных на сходстве человека с животными — "snake", "ass" и т.д. — выбирается слово "elephant", подходящее для данной ситуации);
- 3) внешние актуальные синтагматические отношения, присоединяющие знак к другим знакам высказывания (метафора в тексте вступает в синтагматические отношения с другими словами).

Однако некоторые исследователи отрицают знаковую сущность метафоры, выдвигая в качестве основного аргумента тезис о невозможности осуществить адресованный речевой акт (например, пригрозить кому-либо или предостеречь кого-либо) с помощью метафоры, а также полагая, что метафора

не может служить для передачи сообщения, поскольку она препятствует пониманию или затрудняет его (в качестве примера приводится употребление метафоры как прозвища) [3; 23-24]. Тем не менее мы считаем целесообразным придерживаться более широкого понимания знака, состоящего в том, что знаком может считаться любое событие или явление (в том числе и языковое), если оно интерпретируется как знак каким-либо интерпретатором [4;15]. Что касается способности метафоры выступать в качестве средства осуществления адресованного речевого акта, то это представляется вполне возможным, поскольку в конкретной речевой ситуации отношение говорящего к окружающей действительности, так же, как и побуждение адресата к какому-либо действию, не всегда выражено прямо и буквально и, даже будучи высказанным в завуалированной, метафорической форме, вполне может быть правильно понято адресатом сообщения. Это можно подтвердить примерами:

Пример 2. If you say that again I'll remodel your face. [5;76].

В данном высказывании, представляющем собой предупреждение (или, скорее, даже угрозу), употреблен метафорический перифраз, не умаляющий его иллокутивной силы и не мешающий его адекватному пониманию адресатом.

Будучи употреблена в речи в качестве прозвища, метафора также может быть правильно и без каких-либо затруднений понята тем, кому адресована, при условии, что между участниками диалога существует некая предварительная договоренность о том, к кому относится это прозвище. В таких случаях метафора не утрачивает своей знаковой сущно-

сти, но приобретает свойства скорее семиотического, чем лингвистического знака:

Пример 3. “Oh, Teddy Bear, what an age you’ve been! “It was a fresh and childish voice that spoke the words. (A. Huxley).

Ласковое прозвище “Teddy Bear” — метафора, достаточно “прозрачная” и не затрудняющая понимание ни персонажа, которому она адресована (мистер Хаттон знает, что это прозвище относится к нему), ни читателя, который тут же получает “ключ”, подсказку в виде эпитета “childish”, объясняющего выбор именно этого прозвища: Дорис обожает мистера Хаттона так, как дети обожают своего плюшевого мишку.

Таким образом, метафоры могут употребляться говорящим с целью передачи слушающему какой-либо информации либо своего отношения к действительности, другими словами, функционируют как языковые знаки [4;16]. Выступая как интерпретатор, адресат восстанавливает референцию сообщения, его замысел, цель, определенным образом реагирует на данное сообщение. При этом интерпретация метафоры адресатом является самостоятельным явлением и не обязательно должна совпадать с интенцией говорящего, хотя и опирается на конкретные речевые факты.

В семиотике принято подразделять все знаки на знаки-индексы, знаки-символы и иконические знаки [4;16-20; 6; 144-148]. Иконическим считается такой знак, который обозначает что-либо на основании сходства или подобия с каким-либо объектом (Ibid.). Поскольку метафора является результатом переосмысления значений слов именно по сходству (the ground) (реальному или воображаемому) между

двумя объектами (the tenor and the vehicle) [7;48], будет правомерно утверждать, что она обладает чертами иконического знака или, другими словами, такой характеристикой, как **иконичность** [8;37]. Иконичность метафоры проявляется как ее способность создавать воображаемую картину или почти визуальный образ, в котором совмещаются черты и одного, и второго объектов. При этом оба объекта как бы преломляются в сознании автора метафоры или того, кому она адресована, и в то же время они остаются узнаваемыми, порождая своего рода визуальный и концептуальный гибрид [4;96]. Метафора, по существу, является вербальным иконическим знаком, слиянием “смысла и ощущения, образа” [9; 447-448].

Сходство между образом и метафорой признается большинством исследователей. Термин “образ” в широком смысле означает отражение внешнего мира в сознании человека [10;104-147]. Художественный образ как одна из форм этого отражения есть особый вид его, специфика которого состоит в том, что, помогая человеку по-новому увидеть мир, он одновременно передает и определенное отношение к отражаемому. Подобно тому, как различаются два вида образа — образ как практическое средство мышления и образ художественный, поэтический [11;11], существуют и две разновидности метафоры: концептуальная метафора как средство осознания человеком окружающего мира и метафора художественная, используемая автором художественного произведения как средство создания образа, которая базируется на концептуальной метафоре. Некоторые ученые используют для создания модели образа трехчастную модель метафорического процесса “the tenor — the ground — the vehicle”

[12;142], подчеркивая тем самым родство двух названных выше феноменов. Метафора, таким образом, может быть рассмотрена как частный случай проявления образности мышления человека, ее лингвистическое преломление.

Образность может быть выражена в языке с различной степенью интенсивности / насыщенности. Это утверждение справедливо и для метафоры: практически все известные классификации метафор учитывают критерий образности (наличие или отсутствие, степень выраженности), включая и общепринятую дихотомию “языковые метафоры / речевые метафоры” (*trite metaphors / genuine metaphors*). Именно в связи с низкой степенью образности языковые метафоры называют иногда “мертвыми” (“*dead metaphors*”). Однако многие исследователи справедливо полагают такое название не совсем удачным, так как при определенных условиях “мертвые” метафоры способны “оживать”, и предлагают более гибкие термины, в частности, “*sleeping metaphors*” [5;20]:

Пример 4. “We started at the foot of the mountain and by the evening we had reached its knee”. (*Ibid.*).

По словам В.Н.Телии, такие “увядшие метафоры” все же сохраняют связь с исходным образом, подобно тому как “увядшие цветы ассоциируются с их живой красотой” [13;67]. Но, в отличие от увядших цветов, “увядшие”, или “спящие”, метафоры подлежат “пробуждению” за счет потенциальной возможности развития или интенсификации образа, заложенной в метафоре.

X	is like Y	in respect to Z
Mountain	Man	Parts (of the body)

Из концепта “части тела” извлекается понятие “колено”, которое, будучи употреблено рядом с привычным сочетани-

ем “*подошва горы*”, оживляет данную стершуюся метафору, повышает ее экспрессивность. В данном случае мы можем, по аналогии с эмотивной валентностью [14;98], говорить о наличии у метафор экспрессивной валентности как их потенциальной способности служить средством создания ярких, “живых” образов в сознании адресата художественного текста или, другими словами, об иконичности как одной из базовых характеристик метафоры.

Понятие “экспрессивность” имеет в лингвистике множество толкований. Традиционно экспрессивность рассматривается как одна из составляющих коннотации, наряду с эмоциональным, оценочным и стилистическим компонентами значения [12;7]. Другие исследователи предлагают относить к коннотации только эмотивность как лингвистическое выражение эмоциональности [15;14-31], считая оценочный, экспрессивный и функционально-стилистический компоненты значения денотативными. Если в вопросе о сущности образности большинство ученых единодушны, то, рассматривая образность в связи с эмотивностью и экспрессивностью, они пока не пришли к единому мнению из-за неоднозначной трактовки последних. Можно выделить два основных подхода к решению данного вопроса. Согласно первому из них, именно образность является необходимым (и достаточным) условием или стимулом для возникновения эмотивности [16;18-25]. Однако анализ языкового материала показывает, что это не всегда справедливо. Так, примеры 1 и 3 являются явно эмотивными, в то время как пример 4 таковым не является, хотя все три примера представляют собой метафоры и во всех трех присутствует образность. Представляется более целесообразным придерживаться второго под-

хода, разграничивающего экспрессивность и эмотивность и относящего образность, наряду с интенсивностью, к основаниям экспрессивности [15;31], а не эмотивности. Таким образом, все метафоры, за счет присущей им иконичности, обладают экспрессивностью, но не все являются эмотивными. Метафора, как и другие языковые единицы, приобретает эмотивную окраску в речи, в контексте. По степени иконичности метафорические тропы можно разделить на метафорические тропы низкой степени иконичности (которая в соответствующих условиях может развиваться до более высокой степени), или языковые метафоры в традиционной терминологии; метафорические тропы средней степени иконичности — аллегории, персонификации, речевые (образные), индивидуально-авторские метафоры, метафорические эпитеты, аллюзии, метафорические перифразы, сравнения-метафоры, антономазии; метафорические тропы высокой степени иконичности, или метафоры-символы. В каждой из вышеуказанных групп метафорических тропов иконичность проявляется по нарастающей. Экспрессивность метафор проявляется при их употреблении в речи и воспринимается адресатом коммуникации как внешнее, текстовое проявление иконичности.

В метафорах-символах иконичность реализуется в полную силу, вследствие чего они так же отличаются от других видов метафорических тропов, как знаки-символы от других типов знаков. В семиотике знак-символ — это знак, обладающий наиболее условным характером по сравнению с другими типами знаков [6: 148]. Внутренние отношения, соединяющие означающее с означаемым, в нем прослеживаются лишь в диахроническом плане, будучи в синхронии немотивированными. Символичность, присущая метафоре, — это

высшая степень проявления ее иконичности, переход на более высокую ступень, в новое качество.

Четкую границу между метафорой и символом провести порой очень нелегко. Например, такая разновидность метафор, как антономазия, относится некоторыми авторами к разряду символов [8;54-57]. Тем не менее, большинство исследователей сходится во мнениях о том, в чем состоит основное отличие метафоры от символа [2;350-353; 8;57; 4;141]: это относительная однозначность метафоры по сравнению с многозначностью символа. Метафора имеет значение сама по себе и указывает только на самое себя, при этом она не может быть воспринята в буквальном смысле. Символ же не имеет самодовлеющего значения, а свидетельствует еще и о чем-то другом, субстанционально не имеющем ничего общего с образами — представлениями об объектах, входящими в состав метафоры. Представляя какое-либо понятие, отличное от содержащегося в нем самом, символ может восприниматься буквально как репрезентирующий это понятие. Символ обладает устойчивостью, позволяющей ему сохраняться во времени на протяжении определенного периода жизни языкового коллектива, но осознание его обществом может изменяться [2;351].

В художественном тексте метафора-символ обычно воспринимается как таковая не в процессе чтения и “распутывания” текста адресатом, а как результат, как итог этого процесса. Для осознания символичности метафоры адресату необходимо завершить первичную работу по восприятию текста в целом, и лишь тогда он сможет воспринять многозначность, множественность символических смыслов, присущих данной метафоре. Текстовый материал показывает, что мета-

фора-символ обычно повторяется несколько раз по ходу текста, указание на нее может быть дано полностью или частично, возможно “высвечивание” разных сторон ее через развитие создаваемого ею образа (образов). Метафора-символ “пронизывает” весь текст (если речь идет о коротком рассказе) или отдельный отрезок текста, обладающий относительной смысловой завершенностью (если это текст значительного объема, например роман или повесть). Характерным также является вынесение символа в заглавие произведения.

Для того, чтобы проследить, как именно функционирует в художественном тексте метафора-символ, рассмотрим рассказ Ю.Уэлти “The Key”, действие которого происходит в зале ожидания маленькой железнодорожной станции. Среди пассажиров, терпеливо ожидающих своего поезда, супружеская пара — Альберт и Элли Морган, глухонемые, которые смогли наконец осуществить давно задуманное ими путешествие к Ниагарскому водопаду.

Пример 5.

Among the others in the station was a strong-looking young man... He had a small key in his hand and was turning it over and over in his fingers, nervously passing it from one hand to the other, tossing it gently into the air and catching it again. ...Suddenly it became a gesture of abandonment: one hand stayed passive in the air, then seized too late; the key fell to the floor. ...Now it lay in the dust at Albert Morgan's feet.

...The little man had probably been staring at the floor, thinking. And suddenly in the dark surface the small sliding key had appeared. You could see memory seize his face, twist it and hold it. What innocent, strange thing might it have brought back to life — a fish he had once spied just below

the top of the water in a sunny lake in the country when he was a child? This was just as unexpected, shocking, and somehow meaningful to him.

...Albert was replying to his wife. On his hands he said to her, “I found it. Now it belongs to me. It is something important! Important! It means something...” “...This key came here very mysteriously — it is bound to mean something...”

“You must see it is a symbol”, he began again, his fingers clumsy and blurring in his excitement. “It is a symbol of something — something that we deserve, and that is happiness. We will find happiness in Niagara Falls”.

...Happiness, Albert knew, is something that appears to you suddenly, that is meant for you, a thing which you reach for and pick up and hide at your breast, a shiny thing that reminds you of something alive and leaping. (E. Welty).

Заглавие рассказа с самого начала настраивает читателя на “символический” лад: если слово “ключ” выносится в заглавие, то, очевидно, его следует воспринимать не только в прямом, но и в переносном смысле (решение проблемы, указание пути). Однако в начале рассказа ключ предстает перед читателем не как символ, а как вполне реальный материальный объект, то есть ожидания адресата сначала не оправдываются. В дальнейшем им суждено вновь подтвердиться: реальный объект приобретает значение символа. Ключ, упавший Альберту под ноги, для него полная неожиданность: ведь Альберт не мог слышать звона при его падении. Поэтому он воспринимает появление ключа как чудо, как тайну, ключ пробуждает в нем воспоминания и становится для него символом счастья, наконец-то улыбнувшегося маленькому, незаметному человеку. В речи Альберта выс-

казывание "This key...is a symbol" не является метафорой, а имеет буквальный смысл. Метафора-символ появляется почти в самом конце рассказа, причем она не содержит эксплицитно выраженного понятия "ключ": оно заменено перифразом "a shiny thing", не затрудняющим понимание читателя, поскольку из предшествующей части рассказа уже ясно, о каком именно блестящем предмете идет речь.

Ключ, ставший символом счастья для Альберта и Элли, остается обычным металлическим предметом для молодого человека, обронившего его. Хотя он разгадал значение этой находки для них и даже "уравнивал их права", вручив Элли второй ключ, сам он осознает нелепость и бесполезность своих действий, понимая, что ни один, ни два ключа не помогут Альберту и Элли добраться до尼亚гары. Однако эти же ключи, с точки зрения супругов Морган, могут помочь им почувствовать себя более удачливыми, возможно, лучше понять друг друга. У читателя два пути: принять точку зрения либо Морганов, либо молодого человека. Несмотря на многократно повторяемое в тексте слово "a symbol", именно читателю предстоит решить, является ли ключ в данном случае символом счастья или же просто обычным ключом.

Подводя итоги проведенного выше анализа функционирования метафор в художественном тексте, можно сделать вывод о том, что метафоры являются вербальными иконическими знаками, способными вызывать в воображении адресата художественного текста образы различной интенсивности и глубины за счет присущей им иконичности и тем самым подсказывать читателю пути декодирования текстовой информации и понимания текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Языковая номинация: Общие вопросы. — М.: Наука, 1977. — 360 с.
2. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика/ Пер. с фр./ Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К.Косикова. — М.: Прогресс, 1989. — 615 с.
3. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс: Вступ. ст./ Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. — С. 5-32.
4. Eco U. Semiotics and the Philosophy of Language. — Bloomington: Indiana University Press, 1986. — 242 p.
5. Backman G. Meaning by Metaphor. — Uppsala, Acta Univ. Ups., 1991. — 203 p.
6. Scholes R. Semiotics and Interpretation. — New Haven and London, Yale Univ. Press, 1982. — 161 p.
7. Ричардс А. Философия риторики// Теория метафоры. — М., Прогресс, 1990. — С. 44-67.
8. Лосев А.Ф. Проблема вариативного функционирования живописной образности в художественной литературе// Литература и живопись: Сб. ст. — Л.: Наука, 1982. — С. 31-65.
9. Рикер П. Живая метафора// Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. — С. 435-453.
10. Крутецкий В.А. Психология. — М.: Просвещение, 1986. — 336 с.
11. Шкловский В.Б. О теории прозы. — М.: Советский писатель, 1983. — 383 с.
12. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: Стилистика декодирования. — Л.: Просвещение, 1973. — 303 с.

13. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. — М.: Наука, 1986. — 143 с.
14. Шаховский В.И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи// Вопросы языкознания, 1984, №6. — С. 97-103.
15. Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. — Волгоград: Изд-во ВГПИ им. А.С.Серафимовича, 1983. — 96 с.
16. Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация// Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности/ Ин-т языкознания РАН; Отв. ред. В.Н.Телия. — М.: Наука, 1991. — С. 5-35.

О.В. Воронюк

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ИСХОДНОЙ ЕДИНИЦЕЙ И ИТОГОМ ПАРОНИМИЧЕСКОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПРИ ПАРОНИМИЧЕСКОЙ АТТРАКЦИИ

Статья посвящена систематизации различных семантических отношений, которые возникают между прототипами и коррелятами паронимической аттракции (ПА) в заголовках текстов средств массовой коммуникации. Под ПА понимается явление сознательного сближения в речевой цепи сходных по звучанию и/или орфографии слов, вступающих в новую семантическую связь, на базе которой ассоциативно переосмысливаются традиционные лексические единицы, задействованные в данном приеме. Изначально в ПА участвуют прототипы, виртуальные языковые единицы, которые актуализируются в корреляты, речевые единицы, непосредственно участвующие в формально-смысловой игре, ведущей к ПА. Обязательным условием вступления соответствующих единиц в ПА является сходство (вплоть до торжества) их формальной оболочки. Принимая во внимание тот факт, что созданию ПА способствуют не только формальная близость прототипов и особенности их семантики, но и различного

рода ассоциации каждого отдельного слова, задействованного в ПА, мы считаем, что учет ассоциативной связи между компонентами паронимического высказывания, оказывается особо существенным для изучения закономерностей функционирования ПА.

Ассоциативные, в терминах Ф. Сосюра [8;155], или парадигматические отношения между прототипами и коррелятами ПА обнаруживаем, сопоставляя значение паронимической единицы (паронимической морфемы, паронимического слова, паронимического словосочетания) со значением исходных, мотивирующих ПА единиц, по звуковой/графической модели которых они созданы. Под парадигмой, вслед за О.С. Ахматовой, понимаем ассоциативный план взаимоотношений языковых единиц одного уровня. Парадигматика — это “рассмотрение единиц языка как совокупности структурных единиц, объединяемых в памяти и связанных отношением противопоставления” [3;310]. Языковые единицы, о которых в данном случае идет речь, это противопоставленные друг другу прототип — виртуальный, т. е. подразумеваемый, трансформируемый член ПА и коррелят — актуализированный трансформированный член этой оппозиционной пары, которая и образует собственно ПА.

Причины структурно-семантической трансформации при ПА могут быть внутриязыковые (влияние языкового окружения, аналогия, контекст), культурные, социальные, психологические (табу, эвфемизмы, синестезия) и т. д. Считается, что, независимо от причин изменения, между старым и новым значением сохраняется определенная связь.

Связи между двумя или несколькими значениями являются необходимым условием развития языковой единицы [9;211].

В применении вышеизложенного к ПА, можно сказать, что автор ПА, с одной стороны ориентирован на поиск близости между смыслами слов, стремясь к созданию окказионального единства далеких понятий, а с другой стороны, он не в меньшей степени ориентирован на сохранение различий и отдаленности задействованных слов, вплоть до противоположности номинируемых понятий.

Психолингвистический аспект явления ПА заключается во вторичном осмысливании, растормаживании звуковых/графических связей формально сходных или тождественных слов, приравнивании их к связям семантическим. В результате вторичных ассоциаций, возникающих при формально-смысловой игре, происходит ассоциативное переосмысление корреляции ПА.

К структурно-семантическим трансформациям, которые имеют место при ПА, мы относим: сужение объема значения, антитезное противопоставление, метафорический и метонимический переносы.

При сужении объема значения коррелят ПА выражает более узкое, более конкретное понятие, нежели его прототип. Идентификация нового предмета, процесса и т.п. происходит по частному, конкретизирующему признаку коррелята, при этом оба значения — исходное и производное сохраняются в паронимической единице для адекватного декодирования высказывания с ПА. Примечательно, что окказионально создаваемое суженное значение кор-

релята включает как денотативные, так и коннотативные характеристики нового понятия и, таким образом, формируется эмоционально — оценочная часть значения паронимического высказывания, например в заголовке рекламного текста “A kid’s cereal you can feel Berry Berry good about” (Berry Berry kix cereal), (Time, May, '95) положительное качество рекламируемого товара — хлопьев фирмы “Berry Berry kix” усилено в результате выполнения идеографической функции корреляцией Berry Berry :: very very, когда отношение опорных слов подобно атрибутивному: подразумеваемый прототип “very very” специализирует значение реально представленного в высказывании прототипа “Berry Berry”. Семантическая контаминация прототипов в актуализированной единице — корреляте “Berry Berry” ведет к номинации нового понятия, ассоциативно переосмысленного.

В основу наименования на паронимической базе может браться как собственный, так и относительный признак. При этом отметим, что наиболее распространенную группу композитов паронимической корреляции, в которой взаимодействуют либо собственные, либо относительные признаки, представляют собой слова — прототипы с незатемненной мотивацией. Например, в газетном заголовке “One — Stop Styling” (The Daily Telegraph, Sep 14, '95), который актуализирует семантически монолитную единицу stop, “остановка” :: step, “расстояние в один шаг” :: shop, “магазин”, коррелирует относительные признаки действия (stop, step) и места (shop). Семантическое согласование признаков слов — прототипов выражается соответ-

ствующей связью между значениями широкого семантического поля “shop” и значениями уточняющих его признаков “stop”, “step”. В результате паронимической семантизации корреляция наполняется новым смыслом, а заголовок с ПА становится маркером содержанием озаглавленной статьи, в которой речь идет о новых магазинах, в которых покупатель может не только приобрести все необходимое, но и воспользоваться услугами бюро Lesley Egberts и получить консультацию по стилю одежды, причёски и макияжа — все это возможно осуществить “под одной крышей” (under one roof) или “в один прием”, сделав одну остановку и сэкономив время.

Приведенные выше примеры показывают, что специализация значения, имеющая место при ПА, обусловлена “пересечением областей референции” [2;155] вступающих в оппозицию прототипов. Благодаря амбивалентности, соотносительности одновременно с несколькими лексическими языковыми единицами паронимическое высказывание (заголовок текста) воспринимается как эмоционально окрашенное и более емкое по содержанию. Такое высказывание имеет минимальную предсказуемость и обновляет устойчивые связи единиц — прототипов путем структурно — семантической трансформации.

Нередко коррелят ПА и его прототип противопоставляются друг другу как контекстуальные или языковые антонимы, и выразительность корреляции ПА в таком случае строится на применении антитезы. В формальном плане антитеза определяется О.С. Ахмановой как фигура речи, состоящая в “антонимировании сочетаемых слов” [3;49]. В се-

мантическом же плане антитеза базируется на противоречивых, контрастных понятиях. Паронимически построенное высказывание может реализовать антитезу двух разновидностей. Одна из них воспринимается парадигматически, так как представлена антонимичными друг другу прототипами и коррелятом. Другая представлена антонимичными коррелятами ПА и воспринимается синтагматически. Рассмотрим каждую из разновидностей. Иллюстрацией первой из указанных разновидностей может служить ПА в следующем контексте: "All is Disquiet on the Southern Front" (Times, Nov 24, '94). Заголовок газетной статьи о беспорядках в Южной Африке есть коррелят ПА. Его прототипом является заголовок известного произведения Э.Ремарка "All is Quiet on the Western Front". Манифестантом формальной близости прототипа и коррелята является идентичность корневой морфемы "-quiet", слов и словосочетаний "all, on thefront", всей синтаксической и силлабической структуры обоих высказываний. Семантическая противопоставленность прототипа ПА quiet, "мирный, спокойный" корреляту disquiet, "неспокойный" базируется на формальных манифестациях, благодаря чему контрастность приобретает очевидный характер. Признаком противопоставления является префикс dis-, доводящий значения до антонимичности. Реализация ПА подобного заголовка, т.е. адекватное восприятие адресатом возможно только в случае наличия у него определенных фоновых значений. Расшифрованная аллюзия, умноженная на адекватно воспринятую ПА, делают высказывание выразительным. Это, в свою очередь, способствует выполнению одной из важнейших функций газетного заголовка — привлечению читательского внимания.

Вторая разновидность антитезной ПА основывается на антонимичности самих коррелятов. Например, в заголовке "An Heroic Anti-hero" (Guardian Weekly, Dec. 4, '94) паронимически обыгрываются два коррелята "an heroic" и "anti-hero", степень графической близости которых равна 75%*. Оксюморонное словосочетание на фоне самой статьи окрашивается положительными коннотациями — в тексте статьи речь идет об известном французском писателе алжирского происхождения Д.Рой, выступающем против лжи и насилия, которые сопровождают военные действия в Алжире (40-летняя война).

Как показывает наш материал, антитеза, использующая оппозицию коррелятов ПА (а не прототипа и коррелята), более доступна для восприятия, поскольку не содержит имплицитных компонентов языковой игры. Как антитеза, так и ПА — суть самостоятельные явления, которые, взаимодействуя друг с другом, могут образовывать весьма сложный семантический рисунок, мотивирующий амбивалентность паронимического высказывания, его экспрессию.

К числу факторов, усиливающих эффект ПА, относятся и разнообразные переносы значения, которые можно условно свести к метафорическим. В результате переноса значения происходит "сдвиг" структурно — семантических и тематических свойств слова, при этом фигуры метафорического тождества представлены сравнением. В основе сравнения лежит частное уподобление двух объектов или явлений дей-

* Сумма повторяющихся букв а, п, h, e, r, o (12 единиц) составляет 75% от суммы всех букв, образующих графическую форму обоих коррелятов (16 единиц).

ствительности. Из коннотации их сходства, подобия рождается новое видение объекта или явления, новый образ. Паронимические отношения между компонентами метафоры и ПА значительно усиливают последние.

В основе создания нового паронимического образа лежит переименование, т.е. установление такого отношения между двумя именами, что денотат второго имени становится его смыслом, а денотатом его становится денотат первого имени (то, что называло первое имя, называется вторым именем) — окказиональный денотат имени. Контекст ПА становится актуализатором переименования и обуславливает тропеизацию ПА, в данном случае метафорическую. Проиллюстрируем это положение следующим примером: “Body Shopped?” (Guardian Weekly, Sep. 11, '94), в котором прототипами ПА являются лексические единицы Body Shop, название компании, косметическая продукция которой помечена маркой (англ. chop) “Not Tested on Animals” и широко известна во всем мире :: chop, “марка, клеймо” :: chopped, “рубленный, нарезанный”. Данная корреляция представляет собой приписывание корреляту “Body Shopped” новых денотатов, представленных прототипами ПА, причем денотаты “chopped” и “chop” явно окказиональны и вне приводимого контекста не существуют. Узуальный денотат “Body Shop” остается доминирующим на уровне прототипов, однако в паронимически преобразованном корреляте доминирующими становятся окказиональные денотаты, что ведет к новой содержательной и экспрессивной наполненности паронимического высказывания (газетного заголовка): в реальности проводящая испытания на животных, компания находится под угрозой распада из — за ши-

рокого освещения ее деятельности в средствах массовой коммуникации.

Столкновение прямого и переносного значений дает двуплановое изображение, основанное на выражении одного предмета через признаки других и представляющее собой своеобразный метафорический образ паронимического высказывания. Мы считаем, что метафоризация ПА происходит на следующих последовательных этапах: 1) наличие двух или нескольких объектов для сравнения; 2) их наложение, т.е. установление определенного отношения между ними на основе некоторого сходства, при условии, что все остальное должно быть совершенно разным; 3) возникновение нового образа. Метафорический перенос происходит на основе формально — семантических и, сказали бы мы, текстуальных ассоциаций, и является ассоциативным мостиком, позволяющим превращать прототипы ПА (означаемые — узуальное и окказиональные) в корреляты ПА.

В тех случаях, когда ПА строится с участием метонимического переноса, мы говорим о метонимической тропеизации ПА, или представлении явления (вещи, действия, состояния, качества) не в виде одного из моментов, а в корреляции с ним, при этом в качестве такого момента может выступать и впечатление от представляемого явления, вещи и т.д. При метонимической деривации паронимическое высказывание становится информативно насыщенным за счет того, что и признак, и сам предмет уже налицо представлены в нем. Как при метафорическом, так и при метонимическом переносе категорий, объединяющим план выражения и план содержания, является образ, который пони-

мается нами как лингвистическая амбивалентность, наложение двух или нескольких объектов. Следует подчеркнуть, что именно контекстуальная обусловленность паронимического переименования способствует его тропеизации. Так, например, в статье, озаглавленной "Glove Child" (Newsweek, Feb. 24, '94), говорится о том, что любимый сын М.Джексона, известного певца и "мастера эффектов неестественности", с первых минут своей жизни окутан стремлением отца спрятать его от внимания людей и от реальной жизни. Статья заканчивается ироническим вопросом — ответом: "Какой подарок преподнесен ребёнку "в перчатке"? — Очевидно, рукавица". Частичное формальное сходство прототипов love, "любовь, имеется в виду все внимание, обрушенное на ребенка" :: glove, "перчатка", неизменный аксессуар одежды М.Джексона, обозначающий как бы заместителя, или представителя чрезмерной опеки. В корреляте "glove" налицо представлены оба ассоциируемых по вовлеченности в одну ситуацию названия, дающие в результате метонимического переноса название обыгрываемому отвлеченному понятию: стерильная, неестественная опека над младенцем — любовь, олицетворяющая в данном контексте самого М.Джексона + перчатка, — вещь, по которой легко узнаваем сам человек. Таким образом, рассматриваемое паронимическое слово образовано окказионально сочетаемыми словами, которые ориентируют свое развитие друг на друга. Появление переносного значения у одного члена бинарной оппозиции вызывает соответствующее переносное значение у другого, а затем происходит перенос значения всей корреляции, что ведет к двойной актуализа-

ции, которая свойственна сложному взаимодействию ПА и метонимии.

Как видим, высказывание, построенное на ПА, — это амбивалентное высказывание, истинный смысл которого зависит от значений слов — прототипов и от характера парадигматических отношений между прототипами и коррелятами ПА в определенном синтагматическом окружении заголовка газетного или рекламного текста.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. — М.: Наука, 1974.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. — М.: Наука, 1988.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. — М., 1969.
4. Гальперин И. Р. Информативность единиц языка. — М.: Высшая школа, 1974.
5. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производственного слова. — М., 1981.
6. Кузнецов А. М. Структуро-семантические параметры в лексике: На материале английского языка. — М.: Наука, 1980.
7. Семантическая структура слова: Психолингвистические исследования. — М.: Наука, 1971.
8. Соссюр Ф. Избранные труды. — М.: Прогресс, 1977.

9. Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантическом аспекте языка. — М.: Наука, 1968.
10. Языковая номинация. Виды наименований. — М.: Наука, 1977.
11. Языковая номинация. Общие вопросы. — М.: Наука, 1977.

А.Ю. ДУБОВИК

ФЛОРИСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ Х.ДУЛИТЛ

1. Основные характеристики творческого метода Х.Дулитл как наиболее последовательной представительницы имажизма

В 10-х гг. XX в. в английской и американской поэзии родилось новое течение — имажизм. В значительной степени на эстетику имажизма повлияли философские взгляды Т.Э.Хьюма, который рассматривал романтизм как последнюю, упадническую ступень гуманизма. Стиль имажистов возник как неприятие романтических традиций и был призван передавать впечатления, внезапно возникающие при созерцании разнообразных объектов. Кредо имажистов являлась идея “чистого образа” (отсюда название течения — “имажизм”).

Эзра Паунд выработал принципы имажизма, которым должны были неукоснительно следовать все поэты — имажисты. Некоторыми из этих принципов являются, например, следующие: направленность на использование лексики обыденной речи, поиск точного слова, свободный выбор тем, стремление передавать детали, а не обобщения, избегать неясности и неопределенности высказывания и др.

Поэтесса Хильда Дулитл выделялась тем, что она, единственная среди имажистов, всегда до конца следовала принципам этого течения и при этом создала ряд весьма значительных произведений. По свидетельствам различных исследователей её творчества Х.Дулитл являлась единственным настоящим имажистом. Совершенным имажистом (“perfect imagist”) поэтессу считали и сами представители этого течения [Beckson K., 1990; p.121].

Эзра Паунд, хорошо знавший поэтессу, в одном из своих произведений назвал её Дриадой (Dryad). Как известно, в греко-римской мифологии дриадами являлись лесные нимфы, жившие в листве деревьев. Считалось, что они рождались и умирали вместе с деревьями. Сама поэтесса в своей поэзии признается в том, что поклоняется природе (“I worship nature...”), и это поклонение, этот своеобразный культ природы, и в частности флоры, обнаруживаются в ее поэзии.

2. Основные количественно-качественные характеристики флоризмов

Всего из поэтических произведений Х.Дулитл выделено 99 флоризмов¹ ($SFa^2=522$). Самый частый из них — флоризм “flower” ($Fa=59$), который является одним из ключевых слов ее поэзии. Такое частое употребление этой флористической номинации не случайно: в контексте всей поэзии Х.Дулитл цветок (“flower”), наряду с женским нача-

¹ Под флоризмом понимается наименование целостных растительных объектов, их органов и структурных частей.

² SFa — суммарная абсолютная частота флоризмов — представитель всех рассматриваемых в работе групп (подгрупп).

лом (нередко цветок отождествляется с женщиной и наоборот), олицетворяет силу природы: “flower ... had power over the whole earth” [HD, p.106]. На втором месте по частоте употребления стоит флоризм “leaves” ($Fa=33$), на третьем флоризм “grass” ($Fa=31$), на четвертом — “tree” ($Fa=24$).

Х.Дулитл в своем творчестве устремлена в античность, в греко-римское прошлое. Отсюда одна из особенностей использования флористических номинаций: многие из них “окаймляют” пейзажный фон античных городов и используются ею при воссоздании/пересказе древних греческих, египетских, а также языческих и библейских мифов и сказаний. Более 20 флоризмов ($Fa=162$) используются в своеобразном “мифотворчестве” поэтессы, переработавшей различные легенды. Среди них, например, можно найти “flower” ($Fa=59$), “rose” ($Fa=20$), “lily” ($Fa=17$), “petal” ($Fa=19$), “olive” ($Fa=13$), “fruit” ($Fa=12$), “rhododendron” ($Fa=12$) и др.

Как известно, растения издревле помогали человеку понять явления окружающего мира. Человек искал аналогии человеческой жизни в жизни растений и создавал соответствующие параллели, легшие в основу мифов. В своих произведениях поэтесса путем воссоздания античных мифов с их растительными параллелями стремится объяснить различные эмоциональные переживания и психологические состояния человека, такие как любовь, влечение, гнев и т.д., причем влияние основателя психоанализа З.Фрейда в ее творчестве очевидно. Любопытно, что произведение “Учитель” (“The Master”) посвящено З.Фрейду, который помогал поэтессе преодолеть ее психологические проблемы и убедил ее

в наличии у нее поэтического дара. Именно благодаря его влиянию утвердились и феминистские взгляды поэтессы, которые легко уловимы в подтексте ее поэзии и являются основной темой ее творчества.

Флористические номинации, выделенные из поэтических произведений Х.Дулитл, можно распределить по следующим группам и подгруппам:

Группа №1: флоризмы — наименования целостных растительных объектов — 69 наименований (69,7 % от Fa^3). В составе данной группы выделяются следующие подгруппы:

- 1) названия травянистых растений (“Т”) — 40 наименований (58,0%);
- 2) названия растений с одревесневающим стволом (“ДС”) — 29 наименований (42,0%):
 - а) Названия деревьев-кустарников (“Д/К”) — 16 наименований (55,2% флоризмов данной подгруппы);
 - б) Названия деревьев (“Д”) 8 наименований (27,6%);
 - в) Названия кустарников-полукустарников (“К/П”) — 5 наименований (17,2%).

Группа №2: флоризмы — названия частей растительных объектов — 30 наименований (30,3%).

Данную группу составляют следующие подгруппы:

- а) Названия вегетативных и генеративных растительных органов (“О”) — 28 наименований (93,3%);
- б) Названия структурных частей растительных органов (“СЧ”) — 2 наименования (6,7%).

Рассмотрим подробнее подгруппу “Т” — “названия травянистых растений”.

³ Fa — суммарная абсолютная частота флористических номинаций — представителей отдельных групп (подгрупп).

Самые частотные флоризмы данной подгруппы — “flower” ($Fa=59$), “grass” ($Fa=31$), “rose” ($Fa=20$), “violet” ($Fa=20$), “lily” ($Fa=17$). Флоризмы широко используются Х.Дулитл при воссоздании мифов. Так, например, в случае воссоздания мифа об Адонисе, упоминается цветок, возвративший к жизни Адониса, который, как известно, был смертельно ранен вепрем во время охоты: “the flower/ that springs Adonis from the dead” [HD, p.64]. Поэтесса не уточняет родовое наименование этого растения. Согласно одному из вариантов мифа об Адонисе, этот цветок — роза [Золотницкий Н.Ф., 1994; с.12-13]. Вероятно, упомянутый миф повлиял на название другого растения — adonis — горичвет, растение семейства лютиковых.

В одном из самых сложных произведений Х.Дулитл “Елена в Егунте” (“Helen in Egypt”) воссозданы события, описанные в “Палиноде” Стесихоруса и “Елене в Египте” Эврипида. В целом это произведение — размышление автора о травме, наносимой человеку любой войной, и в частности — травме, нанесенной поэтессе второй мировой войной.

Героиня произведения Х.Дулитл Елена узнает об ужасах греческой драмы с помощью иероглифов египетского лотоса, и в ее воображении возникают события египетской легенды воссоединения семьи богини Исиды. Видения Елены — это видения самой поэтессы, а ее стремление преобразовать общество основывается на истерии страха (Angsthysterie) — неврозе, основным симптомом которого являются различные фобии [Фрейд З., 1990; с.442]. Под фобиями, как известно, понимаются непреодолимые навязчивые страхи перед каким-либо предметом или явлением,

вытесненные из повседневной жизни в область подсознательного и проявляющиеся на особом символическом языке, “словарь и способ построения которого Фрейд попытался восстановить” [Ярошевский М.Г., 1990; с.19]. Выражение различных комплексов Фрейд искал в памятниках культуры: мифах, обычаях, искусстве, литературе, что в целом повлияло на интерес Х.Дулитл — пациентки и, в некоторой степени, ученицы З.Фрейда. Поэтесса страдала разнообразными неврозами, которые были порождены травмирующими ее сознание испытаниями военного времени. В то время, как Елена разгадывает значение лилии, ее видения в какой-то мере напоминают видения самой писательницы во время ее лечения у Фрейда в клинике Корфу в 1920 г. В видении Елены сам процесс “чтения лилии” базируется на фрейдовском анализе истерии, симптомы которой “являются остатками и символами воспоминаний об известных (травматических) переживаниях” [Фрейд З., 1990; с.351].

В самом начале видения Елены Ахилл упрекает ее в том, что она явилась причиной смерти его греческих воинов в Трое. При этом, на первый взгляд, лексема “flower” реализует значение “цвет общества”, “избранных, лучших людей”;

...the chosen, the **flower** /of all-time, of all-history, my children, my legions;/ for you were the ships burnt
[HD, p. 185].

После этого Елена замечает корабль Озириса. В древнеегипетской мифологии бог солнца Ра (Рэ) каждую ночь путешествует по подземному царству в виде мертвого Озириса и только на рассвете возрождается из цветка лотоса в виде новорожденного Горуса. Древние египтяне посвятили

лотос богу солнца Озирису, его жене богине Исиле и Горусу. В соответствии с этими преданиями египтяне приписывали лотосу силу возрождения. В видении Елены проходит весь цикл путешествия Озириса, и внезапно она замечает паруса греческого военного флота в виде столепестковой лилии (“thousand-petalled **lily**“):

mine, all the ships, / mine, all the thousand **petals** of the **rose**,
mine, all the **lily petals** [HD, p. 188].

По свидетельству поэтессы, загадочная лилия связана с покровительскими функциями греческой богини Фетиды и ее египетским прототипом — Исидой, а следовательно, она символизирует жизнь:

This is no death-symbol but a life-symbol, it is Isis or her
Greek counterpart,
Thetis, the mother of Achilles” [HD, p. 181].

Все погибшие воины как бы воссоединены в своеобразной лилии-корабле (вместо лепестков у нее паруса). Кроме того, воссоздающая сила лилии (лотоса) показана как возрождение Озириса в виде Горуса.

Итак, в произведениях поэтессы символизм флористических номинаций “flower” и “lotus” дополняется значением “производящая, целительная сила”, что в некоторой степени перекликается с символическими значениями лотоса как символа “всех форм эволюции” [Керлот Х.Э., 1994; с.295].

В контексте творчества Х.Дулитл флоризмы являются своеобразной силой, противостоящей горю, нищете, вызываемой войной, так, например, в произведении “Дань” (“The Tribute”) поэтесса описывает жалкое состояние го-

рода (символизирующего весь мир), который покинули боги “радости и веселья” из-за того, что люди изгнали их и стали молиться другому богу — богу войны. Поэтесса умоляет их снова вернуться в город. Х.Дулитл, пережившая две войны, печально сказавшиеся на ее личности и судьбе, резко отрицательно относится к войне. Силой, противостоящей богу войны, являются боги различных растений и боги воды, к которым должны обратиться люди “за излечением”:

we cry to you now from our hearts,/
O heal us — bring balm for our sickness,
return and soothe us with bark/
and hemlock and feverwort (ibid.).

Таким образом, растения являются своеобразной силой, способной вернуть людей к нормальной жизни, избавив их от поклонения богу войны.

Представляется, что боги войны, упомянутые в произведениях Х.Дулитл, ассоциируются у поэтессы с живительными силами. Как известно, живительная сила воды как символа жизни связана с библейским символом — источником, текущим от чертогов райских. Вероятно, то же символическое значение реализуется в творчестве поэтессы, в произведениях которой встречаются разнообразные библейские аллюзии. Поэтому многие растения воображением поэтессы превращены в “водные” (“морские”). Эта тенденция прослеживается в целой серии произведений: “Морская роза” (“Sea Rose”), “Морская лилия” (“Sea Lily”), “Морская фиалка” (“Sea Violet”), “Морские маки” (“Sea Poppies”), “Морской сад” (“Sea Garden”), “Морской ирис” (“Sea Iris”) и др. В

контексте творчества поэтессы они ассоциируются с живительной силой источника.

В отличие от мифологизма древности, базирующегося на категориальной ошибке древнего человека, мифологизм Х.Дулитл преодолевает эту категориальную ошибку. Как известно, в древности люди, стремясь дать объяснения непонятным для них проявлениям природы, в частности возникновению растений, приписывали их созидательному действию богов. В результате этого различные природные объекты, в том числе и объекты флоры, находились по отношению к богам в подчиненном положении. Об этом свидетельствуют и различные мифы о возникновении растений, о спасении людей путем превращения их в растения и т.д. В результате этого боги воспринимаются как сила, подчиненная силе природы. Именно так происходит, например, в произведении “Волшебник” (“Magician”).

Следует отметить, что эти две силы, взаимодополняющие друг друга, порождают как бы новую реальность (intolerable radium), которая пока не доступна для человеческого понимания:

white,/ radiant,/ pure; who are you?/ we are unsure ...
[HD, p. 69].

В поэзии Х.Дулитл мак (poppy) сохраняет свое символическое значение сна. Здесь также просматривается влияние Фрейда: путешествие в “другой мир” означает не только смерть, но и путешествие по ту сторону бессознательно, т.е. сон. Особенно чувствуется в этом произведении влияние работы З.Фрейда “О сновидении” и в целом его теории бессознательного:

... there is no faith and hope/ without sleep;

the **poppy-seed** is alive to wake/
you to another world; take:
take the **poppy-seed** ... [HD, p. 72].

Самый частотный флоризм подгруппы Д/К (деревья/кустарники) — “olive” (Fa=13). Частое употребление этого флоризма связано с большим значением культуры маслины в древней Греции. Как известно, первоначальным местом ее распространения в Греции считались Афины. С возникновением маслины были связаны различные мифы. Одним из самых известных является миф, рассказывающий о споре богов за господство над Аттикой. В этом споре победила богиня Афина, предложившая в дар греческому народу маслину. Этот миф упоминается в различных произведениях поэтессы, в частности в поэме “Елена в Египте”. Предание гласит, что до тех пор, пока растет маслина, Афинам ничего не грозит: “When our **olive-tree** dies”, “the Athenians had been taught from childhood”, “our city is lost” [HD, p. 127].

В произведении “Цветение посоха” (The Flowering of the Rod“) Х.Дулитл творчески перерабатывает библейскую легенду. В целом произведение звучит как гимн природе и ее элементам, в частности флоре и ее разнообразным объектам, — от мельчайших структурных частей растений до самых крупных объектов-деревьев.

Библейский символ воскрешения, упоминаемый в начале произведения, употребляется как объяснение названия:

... paused to give
thanks that we rise again from death and live
[HD, p. 165].

Эта библейская аллюзия помогает автору создать своеобразный гимн природе, становясь символом возрождения всех ее элементов.

Традиционная символическая нагрузка **лилия (lily)**, связанная с египетской мифологией, дополняется авторской: каждый лепесток лилии представлен целым королевством.

... it is a **lily**, if you will,/ each **petal**, a kingdom ...
[HD, p. 173].

Данное произведение является примером использования флоризмов — представителей всех рассматриваемых в работе групп и подгрупп. Все упоминаемые растения и их структурные части используются автором для воссоздания процесса биологического развития **дерева**: мельчайшее семя, в котором скрыта сила древнеегипетского символа лилии, — это магическая сила возрождения:

... it is the **seed** of the **lily**/ that having flowered, will
flower again (ibid.);

Семя прорастет, образуя дерево, которое постепенно покрывается ветвями:

the least of **seeds**/ that grows **branches** (ibid.),

причем произросшее из семени растение является “наиболее главным из всех трав“, и оно становится деревом:

it is the greatest among **herbs**/ and becomes a **tree** (ibid.).

Следовательно, биологический процесс рождения дерева, осложненный символическим значением лилии, символизирует возрождение природы.

3. Образное использование флоризмов

Исследование образного употребления флоризмов показало, что 18,3% флористических наименований поэта употребляет образно.

Флористические образы представлены метафорами 64,1% от Q_i^4 (в том числе персонификации 10,7%). На долю стертых метафор приходится 54,0%, индивидуально-авторские метафоры представляют 30,0% от Q , все они — индивидуально-авторские, квазитождества⁵ — 5,9%.

Случаи использования метонимии в поэтических произведениях Х. Дулитл не зафиксированы.

Примером индивидуально-авторских метафор может послужить, например, отождествление цветка с волшебной силой (“a sceptre”), способной “убить зиму” в стихотворении “Загадки” (“The Mysteries”):

... a sceptre/ and a **flower** — shaft/ and a spear,
one flower may kill the winter,/...rare enchanter/
and magician
[HD, p.63].

Таким образом поэтесса создает символическую картину смены времен года. Цветок реализует здесь еще одно значение — значение наступающей весны.

Все образные сравнения, используемые поэтессой в ее произведениях, являются индивидуально-авторскими. Это связано с одним из основных принципов имажизма — особое внимание уделять созданию образа. Большая часть ин-

⁴ Q_i — общее количество случаев употребления флоризмов.

⁵ Q_i — под квазитождеством, вслед за С.М.Мезениным, понимается троп, представленный идентифицирующей структурой N1 is N2

дивидуально-авторских сравнений связана с характеристикой женщины.

Зрители, восхищенные мастерством балерины, имитирующей в танце различные явления природы — огонь, лед и т.д., вслед за ней сами становятся на время соответственно огнем, льдом, и при этом в тишине слышится звук их сердец, подобный древесным сокам:

... we are more than ice,/ listening to the slow/
beat of our hearts,/ like under-current of sap in a
flowering tree [HD, p. 93].

Мастерство балерины, проявляющее искусство перевоплощения, помогает другим женщинам осознать свою значимость: “we are more than we know ...” (ibid.) Таким образом, при участии образных сравнений с флористическими компонентами создается феминистическая направленность произведений Х. Дулитл.

Наиболее обобщенное деление флористических образов по характеру основания позволяет выделить сравнения, основанные на:

1) общности качества (форма, звук, размер, цвет и т.д.) — 65,5%. Так, поэтесса использует следующие сравнения:

you are clear/ O **rose**, cut in rock,/ hard as the descent
of hail [HD, p.7];

2) общность действий — 25,5%. Так, например, движение бровей ассоциируется с движением ветки дерева:

... you lifted your brow/ as a sun-parched **branch** to the
rain [HD, p. 79];

3) общность оценочных элементов — 9,0%. Большинство образов являются нейтральными (87,0%), но встречаются также мелиоративы (13,0%). Один из примеров —

отождествление женщины и растения на основе красоты (основного момента уподобления) или утонченности:

...her feet are the delicate pulse of the **narcissus bud**
[HD, p. 105].

Мелиоративная окраска растений во многих случаях связана с преклонением перед женщиной, с которой эти растения сравниваются.

Все случаи употребления квазитождества являются индивидуально-авторскими. Так, например, женщина-танцовщица, имитирующая различные объекты растительного мира, сама как бы превращается в них:

you are wind in a stark **tree**,/ you are the stark **tree**
unbent (ibid.)

Проведенное исследование позволяет сделать следующие **выводы**:

1. Флористические номинации в поэзии Х.Дулитл являются одним из основных предметов описания. Традиционно флоризмы участвуют в создании пейзажных и портретных характеристик, выступая в качестве изобразительной детали.

2. В своих произведениях поэтесса использует как традиционную, так и индивидуально-авторскую символику. Особенности использования традиционной греко-римской символики связаны с авторским переосмыслением теории учителя и врача Х.Дулитл З.Фрейда. Встречаются также библейские аллюзии, которые иногда используются наряду с образами древнеегипетской мифологии.

Специфический момент символики Х.Дулитл связан со своеобразным преодолением "категориальной ошибки" древних мифов в ее поэзии. Растения возвышаются до уровня богов, способных избавить человечество от войн, болезней и т.д. У Х.Дулитл "божественными" становятся различные растения и травы, в том числе лотос, цветок вообще, а также — олива.

3. Флористические образы в основном нейтральны (87,0%). Для характеристики женщины, занимающей одно из центральных мест в поэзии Х.Дулитл, поэтесса использует параллели с растительным миром. При участии флоризмов-мелиоративов (13 %), выступающих в качестве изобразительной детали, создается феминистическая направленность произведений Х.Дулитл.

Литература

1. Золотницкий Н.Ф. Цветы в легендах и преданиях. — Киев: Довіра, 1994. — 256 с.
2. Керлот Х.Э. Словарь символов. М.: Repl-book, 1994. — 608 с.
3. Фрейд З. Психология бессознательного /Под ред. М.Г. Ярошевского. — М.: Просвещение, 1990. — 448 с.
4. Ярошевский М.Г. Зигмунд Фрейд — выдающийся исследователь психической жизни человека // Фрейд З. Психология бессознательного/ Под ред. М.Г. Ярошевского. — М.: Просвещение, 1990. — С.3-36.

5. Beckson K., Ganz A. Literary Terms. A Dictionary. — 3-rd ed. — L.: Billing and Sons Limited, 1990. — 308 p.
6. Edmunds S. "I Read the Writing When He Seized my Throat": Hysteria and Revolution in H.D's Helen in Egypt // Contemporary Literature. — Vol.32, 1991. — №4. — Madison, Wisconsin Press. — P. 471-495.
7. Hilda Doolittle⁶. Selected Poems/ Ed. By Martz L.L. — N.Y.: New Directions Publishing Corporation, 1988. — 198 p.
8. Martz L. Introduction // Collected Poems of Hilda Doolittle. — N.Y.: New Directions Publishing Corporation, 1988. — P. VII-XIV.

⁶ В тексте статьи при ссылке на данный сборник используется обозначение HD.

А.А.Изотова

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ ШИРОКОЗНАЧНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ *MAN* И *PERSON* И ИХ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

1. Проблема широкого значения

Исследование структурных и функциональных особенностей существительных является частью общего комплекса исследования лексического значения слова, а также одной из важнейших проблем современной семасиологии. В одной из работ А.В.Ленца указывается, что "изучение слова с точки зрения охвата его значением предметов деятельности, а также в плане смыслового объема, уровня обобщенности вливается в общую проблематику широкозначности словесной единицы" [11; 4]. Таким образом, изучение широкого значения слова является одним из важнейших аспектов семасиологических исследований словарного запаса любого языка.

В современной науке взгляды ученых на проблему дифференциации многозначности и широкозначности разнятся. В 60-70 гг., как отмечает Л.Я.Гросул, "было показано на выделившееся ранее принципиальное различие между широкозначностью и многозначностью..." [6; 97]. В процессе изучения данного вопроса некоторые исследователи пришли к

выводу о существовании широкозначных слов в чистом виде, понимая эврисемию и полисемию как принципиально различные лексико-семантические категории. Например, В.Н. Ярцева, В.Я. Плоткин, Л.Я. Гросул и другие выделяют характерные черты полисемичных слов, определяя их индивидуальность и доказывая их контрастность. Примером может служить мнение Л.Я. Гросул: "... широкое значение слова — это его основное, зачастую единственное значение, и широкозначные слова тем самым оказываются объединенными с однозначными, вместе с которыми они противопоставляются многозначным" [6; 97].

Ряд ученых (С.Н. Димова, О.Н. Селиверстова) изучают обе лексико-семантические категории как находящиеся в диалектическом единстве части и целого. Можно, на наш взгляд, выдвинуть предположение в поддержку этой точки зрения. Основанием может служить положение, не вызывающее сомнения у большинства ведущих специалистов в этой области, заключающееся в том, что источником широкозначности является полисемия. В результате этого факта у них должны были сохраниться определенные отношения, наиболее сходные, по нашему мнению, между целым и частью.

Широкозначность и полисемия рассматриваются нами как два лингвистических явления, несомненно обладающих специфическими чертами. Вопрос о взаимоотношениях между этими явлениями представляется довольно сложным и прийти к четкому заключению по поводу отношений между данными лингвистическими феноменами возможно, по нашему мнению, только проведя более глубинное теоретическое исследование, привлекая категории других гуманитарных наук (в частности философии и логики).

2. Особенности изучения семантической структуры английских широкозначных существительных MAN, PERSON.

Под семантической структурой слова мы понимаем, вслед за И.В. Арнольд, "упорядоченное множество лексико-семантических вариантов" [4; 29]. Под лексико-семантическим вариантом понимается "такой двусторонний знак, который является единством звучания и значения, сохраняя неизменное лексическое значение в пределах присущей ему парадигмы и системы синтаксических связей" [4; 30]. Множество называется "упорядоченным", поскольку ЛСВ связаны между собой не только выраженностью одним комплектом морфем, но и возможностью объяснения каждого варианта хотя бы через один из остальных.

Для анализа семантической структуры слов нам необходимо допустить, что ее современное состояние статично, хотя это определенная неточность, так как семантические границы слова подвижны, а семантическая система языка непрерывно развивается.

Существительное **man** германского происхождения, В. Скит отмечает одно его значение **a human being**. Он выдвигает предложение о связи данного слова с корнем из санскрита **manu-**, со значением "человек". В санскрите, также отмечает автор словаря, есть глагольная основа **man**, передающая значение "думать"; однако Скит отрицает возможность исходного значения "мыслить". Интересна в данном случае точка зрения Уэбстера, который также, указывая на связь с санскритом, выделяет основное этимологическое значение "другой (тот), который думает".

М.М. Маковский, предметом исследований для которо-

го является лингвистическая комбинаторика, обращает внимание на то, что “значение слова не существует изолированно, как независимая величина: каждое значение является элементом того или иного семантического спектра” [12; 36]. Прослеживая семантические взаимосвязи самых различных слов родственных языков в их историческом и современном контексте, он указывает, что значения “быть”, “можить”, “мять”, “резать” часто переходят в значения “жидкая масса”, “жидкость”, “мокрый”, а последние могут дать значения “семя”, “мужчина”, “производитель”, “производить на свет”, “рождать потомство”.

Таким образом, наблюдаются две основные тенденции в попытке объяснения исходного значения существительного *man* — “думать” и “производить на свет” — различные, на наш взгляд, грани широкой семантической структуры данного слова, позволяющие заглянуть глубже в сущность его значения.

Развитие семантической структуры существительного *man* характеризуется следующим образом. Значение, зафиксированное в словаре Скита *a human being* — “человек”, сохранилось в современном языке, но в оксфордском словаре занимает лишь вторую позицию. Авторы считают, что основным значением является *a male human being* — “мужчина”, по-видимому, из-за более высокой частотности употребления. Однако, с точки зрения развития, это значение вторично, образовалось оно в результате специализации значения и стало инвариантом для следующих значений: *husband* — “муж”, *lover* — “любовник”, *a male person under the authority of another* — “подчиненный (слуга, солдат)”, *male person having the good qualities associated with men* — “мужи-

на, обладающий качествами, характеризующимися как “мужские” (мужество, сила характера, воля и т.д.), *a player in a team* — “игрок в команде”, *the person required* — “нужный человек”. Кроме того, на основе метаморфического переноса возникли значения: *a ship* — “корабль” (в морской терминологии) и *a piece used in such games as chess* — “пешка”, которые могут быть отнесены к разряду узкоспециализированных, даже терминологических.

В семантической структуре данного слова существует также значение *the human race, all mankind* — “человечество”, образовавшееся в результате расширения значения *a human being*.

Таким образом, представляется возможным указать на наличие семантического пучка, инвариант которого — *adult male human being*, довольно широкий по объему, является обобщенным названием лица.

При более детальном анализе приходим к выводу, что исходное значение также довольно широко по объему и является обобщенным названием лица. Кроме того, оба эти значения широко употребляются в устойчивых сочетаниях.

В словарной статье также имеется список сложных слов, частью которых является корень *man*. Причем, в эти случаях *man* десемантизируется и превращается из полнозначного существительного в своеобразную морфему, полуаффикс со значением агента, деятеля.

Итак, семантическая структура существительного *man* характеризуется сложным (или смешанным) типом развития значений. Данное слово обладает двумя ЛСВ широкого объема.

Что касается существительного *person*, то его истори-

ческое развитие тесно связано с романскими языками, а точнее: оно заимствовано из французского языка, куда оно пришло из латыни. Латинским словом **persona** называли актерскую маску с большим ртом. Она являлась своеобразным резонатором голоса актера, во всяком случае, народная этимология связывает ее название именно со звучанием, а исследователь Уолд — с греческим словом “звук”. В латинском языке существует глагол **perso-nare** — “звучать”.

У существительного **person** исходными являются два значения: “роль, действующее лицо (пьесы)” и “отдельный человек”.

В.Скит фиксирует два значения данного слова. Им в современном языке соответствуют ЛСВ со значением **character, a role in a play** — “роль, персонаж, действующее лицо”, которое еще сохранилось на сегодняшний день, но является устаревшим, и ЛСВ со значением **man, woman** — “мужчина, женщина”. Именно это значение стало исходным для образовавшихся в результате изменения значения следующих ЛСВ: “тело человека, физическое лицо” (метонимия); “личность, существо” (метонимия); “субъект права”, используемое главным образом в законодательстве (сужение); “одна из трех духовных ипостасей (Отец, Сын и Святой Дух) в “Троице”, употребляющееся в церковном лексиконе (метафорический перенос). Кроме этих значений, ЛСВ **man, woman** имеет широчайший круг референтов и представляет из себя обобщенное название лица. Это слово может также использоваться в устойчивых сочетаниях.

Семантическая структура слова **person** характеризуется прежде всего сложным (смешанным) типом развития значений, одно из которых имеет широкую понятийную основу.

Существительное **man** наиболее часто реализует в речи свое первое значение **adult male human being** (87,5% всего отобранного материала).

В своем основном значении данное существительное способно обозначить любое лицо мужского пола, участника ситуации, и иногда требует контекстуального или ситуативного уточнения.

Существительное **person** также в большинстве случаев реализует свое основное значение **man, woman** (99,5% всего отобранного материала). Заместительная потенция данного слова достаточно велика: оно может являться субститутутом обозначения любого лица мужского или женского рода.

3. MAN в функции полуаффикса

При исследовании функционирования существительного **man** обнаруживается грандиозное количество слов, образованных с помощью элемента **man**. Долгое время лексикологи английского языка рассматривали этот элемент как бесспорный компонент сложных слов. Однако существуют такие образования, как например **foreman, footman, handyman**, в которых **man** выполняет функции скорее полуаффикса, нежели второго полнозначного компонента сложного слова. Характерным для подобных образований является то, что в отличие от сложных слов, в которых смысловая нагрузка падает, в основном, на второй компонент, у них основное значение сохраняется за первым компонентом, а номинативное — **man** привносит лишь агентивное значение.

Обращает на себя внимание тот факт, что в современном языке не только не сократилось количество подобных образований, а, наоборот, их число неуклонно растет. Если

принять за 100 процентов общее количество употреблений **man** в определенном текстовом объеме, то проведенное исследование дало около 35 % сложных и производных слов с элементом — **man**.

Наблюдается, что написание слов с данным элементом бывает различным: слитное, дефисное, раздельное и с инфиксом —s между основой и элементом — **man**.

Особый интерес представляют следующие сочетания с существительным **man**: **a traveling man** — “путешественник”, **a look out man** — “наблюдатель, впередсмотрящий” (мор.), **a publishing man** — “издатель”, **a medical man** — “медик, медбрат”, **an animal man** — “ветеринар”, **a gingerbread man** — “продавец пряников”, **a customs man** — “таможенник”, **an ex-service man** — “бывший военнослужащий”.

Во всех вышеуказанных примерах существительное **man** также функционирует как полуаффикс со значениями агента, деятеля, несмотря на раздельное написание с препозитивным словом.

Исследуемый элемент несомненно обладает рядом особенностей. Среди них можно выделить следующие:

1. Элемент **man** может присоединяться к различным частям речи (существительным, прилагательным, глаголам). Подавляющее большинство образований с — **man** носит отыменный характер и обозначает лицо, связанное с предметом, орудием и т.п., обозначенными основой. Наблюдения в процессе проведенного исследования приводят к выводам, во многом совпадающим с мнением П.М. Карасука о том, что “в сочетании с основами прилагательных данный элемент часто обозначает лицо, проживающее в определенной местности, на которую указывает основа.

Когда элемент **man** сочетается с глагольными основами, он выражает значение лица, выполняющего то действие, на которое указывает основа” [8; 53]. В подобных случаях полуаффикс — **man** является синонимичным бесспорному суффиксу — **er**, однако их нельзя назвать прямыми конкурентами, поскольку каждый из них имеет свою собственную сферу действия, и, даже если они образуют сочетания с одними и теми же именными основами, их значения, как правило, не одинаковы.

2. Элемент **man** характеризуется тем, что обозначает лиц мужского пола. Многим образованиям с — **man** могут быть противопоставлены параллельные образования с — **woman**, обозначающие лиц женского пола. Иногда вместо элемента — **woman** употребляется — **maid** и — **lady**, а в последнее время, под влиянием активного распространения феминистских тенденций, и — **person**.

Однако наивысшую степень десемантизации, или семантического опустошения, **man** проявляет в сложном суффиксе — **manship**, например в слове **workmanship** — “искусство, мастерство, квалификация”, **autormanship** — “писательское мастерство”, **oneupmanship** — “постоянное преимущество, большая осведомленность” или **penmanship** — “каллиграфия, чистописание, характер почерка”. Основное значение данного суффикса определяется авторами “Большого англо-русского словаря” как выражение преимущества, превосходства, умения хорошо делать что-либо. Все приведенные примеры являются выразителями абстрактных понятий, и, на наш взгляд, именно десемантизированный элемент **man** вносит сему абстракции в семантическую структуру подобных слов.

4. Семантические отношения широкозначных существительных *MAN* и *PERSON*

Поскольку одной из характерных черт широкозначной лексики является высокая заместительная потенция (а также способность к десемантизации и, зачастую, дейктичность), нас заинтересовали все существующие аспекты взаимоотношений эврисемичной лексики, несомненно имеющие, на наш взгляд, большую значимость для раскрытия и глубокого понимания феномена широкого значения; возможности взаимной субституции; факторы, являющиеся возможными препятствиями для проявления таковой; а также достаточно широкий круг вопросов, возможно, связанный с перечисленными аспектами.

Примером для подобного анализа могут служить взаимоотношения между английскими эвристическими существительными *man* и *person*. Тот факт, что таковые определенно существуют, не вызывает сомнения. Во-первых, эти существительные — члены одного семантического поля. Во-вторых, они входят в лексико-грамматическую микросистему обобщенных названий лица единой системы английских широкозначных существительных. И, наконец, в-третьих, на основании синонимичных отношений их широкозначных ЛСВ они способны являться субститутами друг друга. Насколько же свободно может происходить подобная субституция?

Некоторые наблюдения в процессе практического анализа приводят нас к выводам, которые мы представляем.

Слово *man*, используемое в тексте для обозначения определенного, описываемого контекстом или ситуацией лица, наиболее часто несет значение “мужчина” и является обозначением представителя мужского пола (в подобном случае

оно обычно употребляется с определенным артиклем). Использование *man* с неопределенным артиклем часто влечет за собой реализацию значения “человек”, а само слово является обозначением любого отдельного представителя человеческого рода. При отсутствии артикля наиболее часто проявляется обобщенное, наиболее широкое, представляющее наивысшую степень абстракции значение “человек”.

Замена *man* на *person* в вышеуказанных случаях наиболее вероятна в двух первых: при обозначении конкретного мужчины, а также любого отдельного представителя человеческого рода. Например, высказывания: **a man who is brought up in this way ...** [19; 30]; **be a clever man...** [19; 45]; **both man were under police guard...** [20; 12]; а также **this letter belonged to the man, whose life was devoted to writing...** [19; 28] — легко трансформируются в аналогичные синтаксические единицы со словом *person*. В свою очередь, в максимально широком значении, когда *man* означает либо весь человеческий род, либо всех представителей мужского пола, оно практически незаменимо на *person*: **Man is mortal; Woman is man's equal; Man says it with flowers** [20; 10].

В сочетании с прилагательными *young* и *old* слово *man* не трансформируется в вокативной функции. Это связано с тем, что подобные сочетания могут рассматриваться как сложные слова, несмотря на их раздельное написание. В функции же обращения у *man* акцентируется значение “мужчина”, что делает невозможным его замену другим словом.

То же значение “мужчина” наиболее ярко проявляется в контексте в оппозиции с *woman* или другим обозначением лица женского пола (замена на *person* в таких случаях представляется возможной). Некоторые иллюстрации: **We are creatures**

of the sun, we men and women [19; 47]; Married men have wives, and donyt seem to want them; and young single fellows cry out that they canyt get them [19; 44], а также предложение, в котором нет четкого противопоставления, но имеется ситуативное уточнение: **How to spy on your man** [21; 9].

В тех случаях, когда **man** и **person** выполняют адъективную функцию (в частности **man** обозначает некоторую совокупность определенных качеств, традиционно считающихся характерными для сильной половины человечества; а **person** — некое единство характеристик и качеств, в целом составляющих личность человека) взаимная субстанция данных существительных принципиально невозможна из-за специфики данных значений. К примеру: **You'll be man enough to be my man...** [25; 8]; **Once these things were in her hand, on her person, she might dream of giving them up...** [18; 128]; **...He said that it was an intelligent sensitive person, but also very masculine** [22; 6].

Выше уже упоминалось о том, что в современном языке в сложных словах, где —**man** является полуаффиксом с агентивным значением, он довольно часто заменим на **person**: **sales person, camera person, fire person** и т.п.

Естественно, что в рамках данной статьи мы не можем описать все возможные случаи субституции исследуемых существительных. На наш взгляд, эта тема безгранична в связи с постоянным и исключительно быстрым в наше время изменением словарного состава языка, и предоставляет нам широкое поле для широкого научного анализа как данного аспекта, так и общей проблемы явления эврисемии в английском языке.

Литература

1. Аносова Н.Н. К вопросу о лексическом значении слова. // Вестник ЛГУ. — Л., 1957. — №2. — С.152-168.
2. Арбекова Т.И. Лексикология английского языка. — М., 1977. — 240 с.
3. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. — М., 1973.
4. Арнольд И.В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика его исследования. — Л.: Просвещение, 1996.
5. Горшкова К.А. Имя существительное широкой семантики "thing" в современном английском языке. / Автореферат дисс., канд. филологических наук. — Одесса, 1973.
6. Гроссул Л.Я. Широкозначные глаголы состояния в английском языке // Грамматические и лексикологические исследования. — Кишинев, 1977. — С.97-103.
7. Дианова Е.М. Анализ семантической структуры и сочетаемости существительного широкой понятийной основы / Семантические и стилистические особенности английских слов и словосочетаний. — М., 1985. — С.86-95.
8. Карашук П.М. Словообразование английского языка. Учебное пособие. — М., 1977. — С.52-58.
9. Кудрявцева М.П. Широкозначная субстантивная лексика в английской разговорной речи / Автореферат дисс. канд. филологических наук. — Одесса, 1988.
10. Лебедева Л.Б. Функциональные особенности имен существительных широкой семантики // Теоретические проблемы семантики и ее отражение в одноязычных словарях. — Киев, 1982. — С.86-90.
11. Ленц А.Л. Широкозначность глагола и контекст. — Кишинев, 1987.
12. Маковский М.М. Лингвистическая комбинаторика. — М., 1988. — С.33-173.

13. Плоткин В.Я., Гросул Л.Я. Широкозначность как лексико-семантическая категория // Теоретические проблемы семантики и ее отражение в одноязычных словарях. — Киев, 1982. — С.81-86.
14. Смирницкий А.И. Значение слова // Вопросы языкознания. — М., 1955. — №2. — С. 78-89.
15. Уфимцева А.А. К вопросу о так называемом дефиниционном методе описания лексического значения слова // Слово в грамматике и словаре. — М., 1984. — С.134-150.
16. Уфимцева А.А. Слово о лексико-семантической системе языка. — М., 1968. — С. 75-111.
17. Черданцева Т.З. О многогранности слова // Слово в грамматике и словаре. — Кишинев, 1977. — С.97-103.
18. Jerome K Jerome. Three Men in a Boat. — Moscow, 1985. — 170 p.
19. Daily Mirror. — February 16, 1996.
20. Mirror woman. — February 7, 1996.
21. Observer Life. — April 14, 1996.
22. Weekend. — February 4, 1994.

Словари

1. Большой англо-русский словарь: В 2-х т. — М., 1979.
2. An Etymological Dictionary of the English Language. W.W.Skeat. — Oxford, 1956.
3. Oxford Advanced Learners Dictionary of Current English. A.S.Hornby., — М., 1982.
4. The Now World Dictionary. Webster. — London, 1956.

А.А. Изотова

ДИСТИНКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ АНГЛИЙСКИХ ШИРОКОЗНАЧНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

В последние десятилетия лексикологи уделяют довольно большое внимание широкозначной лексике. В 8 работах известных ученых в этой области можно встретить термины: «слова весьма общего, отвлеченного, растяжимого значения» (А.И. Смирницкий), «широкое значение», «слова широкой семантики» (Н.Н. Амосова, К.А. Горшкова, В.Н. Ярцева), «словесные знаки широкой понятийной основы» (А.А. Уфимцева), «широкозначные лексемы», или «ШЗЛ» (Н.П. Кудрявцева).

Вопрос о широком значении еще во многом остается проблематичным, хотя по некоторым аспектам большинство исследователей сходятся во мнениях.

Как отмечал А.И. Смирницкий, «слова весьма общего, отвлеченного и растяжимого значения составляют очень важный, если не важнейший контингент слов в любом языке» [11;131]. И.В. Арнольд высказывает мнение о том, что в словах широкой семантики наиболее отчетливо представлено категориальное значение каждой части речи, а также определяет их как «слова с большей степенью обобщенности, называющие понятия, передаваемые той или иной частью речи,

например, понятия предметности у существительных thing, matter, job; действия в глаголах do, make и т.д. [3;302].

Согласно работе Н.Н.Амосовой «К вопросу о лексическом значении», под широким значением понимается лексическое значение, содержащее максимальную степень обобщения, которое проявляется в условиях изоляции слова из речи и получает известное сужение и конкретизацию при употреблении данного слова. Основное различие между словом широкой семантики и многозначным словом заключается в том, что широкое значение «остаётся основой любого специализированного своего варианта» [2;162], в то время как употребление многозначного слова «исключает все его лексические значения, кроме одного действующего в данный момент» [2;127].

А.А.Уфимцева подчеркивает, что широкая понятийная основа широкозначных слов позволяет им широко употребляться, приближая сигнификативное значение слова к абстрактному понятию. «Общеизвестно, чем шире сфера употребления словесного знака, тем беднее его смысловое содержание, представляющее собой в высшей степени абстрактное понятие» [12;104].

В работе К.А.Горшковой отмечается, что «сигнификативное значение слова широкой семантики», т.е. его понятийная соотнесенность, «представляет собой инвариантное значение, заключающее в себе максимальную степень лексической абстракции».

Таким образом, слово обладает одним предельно обобщенным сигнификативным значением, выражающим беспредельно широкое по охвату фактов и явлений действительности понятие [4;5]. «Это, как подчеркивает К.А.Горшкова, по-

тенсиально предполагает наличие бесконечного множества ситуативных употреблений, реализуемых в речи за счет сужения широкого сигнификативного значения, что является результатом сужения объёма понятия, выражаемого словом» [4;5]. Кроме того, зачастую «лишенное предметной соотнесённости, слово /широкой семантики/ выполняет роль формального элемента» [4;27].

В работе Е.И.Диановой отмечается: «В основе значений многозначного слова лежат разные понятия, в случае расширения одного из них возникает широкое значение, присущее именно этому ЛСВ, а не всему слову». Она же и высказывает мнение о том, что «слово с одним широким значением (т.е. широкозначное слово в чистом виде) не встречается, равно как и не все значения слова могут считаться широкими» [6;37].

Обращаясь снова к работе К.А.Горшковой, обнаруживаем указание на то, что категория слов широкой семантики действительно неоднородна. Выделяя еще одну особенность широкозначных слов — сочетание высокой степени лексической абстракции с высокой степенью грамматической абстракции, — она отмечает, что степень концентрации лексической абстракции может быть различной. На этом основании она делит широкозначные лексемы на 2 разряда [4;5-6]:

1) собственно слова широкой семантики, в которых лексическая абстракция достигает апогея, когда степень лексической абстракции и степень грамматической абстракции находятся в отношении тождества; примером является слово thing, в котором грамматическое значение предметности, т.е. субстантивности, в слове сосуществует с одним предельно общим сигнификативным значением вещности;

2) просто слова широкой семантики (matter, stuff, affair, case, fact), в которых лексическая абстракция достигает очень высокой, но не максимальной концентрации, когда степень грамматической абстракции выше степени лексической абстракции.

Таки образом, исследование К.А.Горшковой убеждает нас в существовании широкозначных лексем «в чистом виде», что ставит под сомнение Е.М.Дианова. Несомненно однако, что они довольно малочисленны в английском языке. Представляет интерес также исследование В.Я.Плоткина и Л.Я.Гросул «Широкозначность как лексико-семантическая категория», в котором они утверждают, что «широкозначность как особая лексико-семантическая категория складывается лишь в языках аналитического строя, где имеется потребность в словах, наделенных в высокой степени способностью участвовать в формировании стандартных синтагматических единиц, не теряя при этом своей лексико-семантической самостоятельности» [10;84]. В работе «Широкозначные глаголы состояния в английском языке» Л.Я.Гросул поясняет, что, во-первых, в аналитических языках значения слов определяет «жестко стандартизированный контекст»; а во-вторых, «тилизация синтаксических структур предполагает широкое использование в подобных структурах одних и тех же лексических единиц, которые, очевидно, не могут не быть широкозначными» [5;97].

В.Я.Плоткин и Л.Я.Гросул считают, что эврисемия теснейшим образом связана с грамматическим строем и что «широкое значение очень похоже на значения, присущие грамматическим категориям и разрядам слов... Однако лексико-семантической категорией широкозначность становится лишь

тогда, когда она охватывает слова больших частей речи, прежде всего глаголы и существительные» [5;85].

Детальное изучение широкозначного глагола get привело этих исследователей к выводу, что в английском языке «широкозначные глаголы объединяются в микросистемы, формирующие значения своих элементов» [10;35]. Несомненно, что существуют аналогичные микросистемы широкозначных существительных, но пока еще этот вопрос до конца не выяснен.

Расширяют современные знания о широкозначности также работы Л.Б.Лебедевой, в основном обращающей наше внимание на функциональные особенности широкозначных существительных. Она считает, что им, в частности, присущи «сходные виды связей с другими словами в лексико-семантической системе, отсутствие антонимии при возможности синонимии» [8;86]. Кроме того, исследователь добавляет: «Существительные широкой семантики в целом также характеризуется общностью синтаксического функционирования... Вместе с тем у синонимичных имен широкой семантики, соотносятся с совпадающими денстативными областями, характер функционирования не вполне идентичен» [8;87]. Она приводит в качестве примера обобщенные названия лица (рус. человек, личность; англ. man, person), значения которых дифференцируются довольно четко в области функционирования. Так, можно сказать «Она была незаурядным человеком» и «незаурядной личностью»; «Она была широкоплечим человеком», но вряд ли «широкоплечей личностью».

На основании достаточно обширного материала и несмотря на некоторые разногласия в ряде исследований по данной теме, представляется возможным объединить основ-

ные специфические черты широкозначной субстантивной лексики.

Таким образом, широкозначные лексемы характеризуются:

- 1) обобщенно — категориальным значением;
- 2) способностью к десемантизации (семантическому опустошению) и высокой заместительной потенцией;
- 3) сочетанием в себе высокой степени лексической абстракции с высокой степенью грамматической абстракции;
- 4) широкой синтаксической и лексической сочетаемостью, «широтой дистрибутивного диапазона»;
- 5) широким употреблением устойчивых сочетаниях;
- 6) сходством синтаксического функционирования;
- 7) преимущественно синонимичными отношениями между членами одной микросистемы в общей лексико-семантической системе;
- 8) возможностью «складывания» лексико-грамматических систем широкозначных лексем некоторых частей речи.

Исследования Н.П.Кудрявцевой высокочастотных ШЗЛ в разговорной речи дополняет этот список следующими чертами широкозначной лексики:

- 9) широкозначные субстантивные лексемы употребляются о сфере неофициального общения чаще, чем в официальной сфере (научно-техническом субязыке);
- 10) повышенная частотность употребления ШЗЛ сравнительно с другими речевыми типами составляет специфику английской разговорной речи;
- 11) широкозначная лексика максимально реализует свою потенциальную полиреферентность в разговорной речи [7; 2-3].

Итак, мы составили общую характеристику широкозначной лексики на основе современных работ известных авторов. Дальнейшие практические исследования слов с широким значением необходимы для усовершенствования данной системы характеристик и выделения наиболее важных из них.

Обращает на себя внимание гипотеза А.А.Уфимцевой о том, что некоторые словесные знаки с широкой понятийной основой «стоят на грани перехода из полноценных слов в дейктические» [12;104].

К этой группе слов она относит, например, существительные *thing, body, person, fact* и т.д.

Действительно, широкозначные слова обладают высокой заместительной потенцией и способностью к десемантизации, позволяющим им часто употребляться в функции субститутов, что роднит их с дейктическими словами. Таким образом, дейктичность — одна из характеристик широкозначных слов. Однако можно ли назвать некоторые эврисемичные лексемы дейктическими в чистом виде? Пока это еще вопрос, требующий дальнейшего изучения.

«Ценные сведения о широкозначности содержатся в работах, где дается анализ фактам, стоящим у истоков изменения значений слова, и, в частности, расширению и сужению значений слова, процессу логического и, в определенном смысле, временного развития его семантики» [9;8]. Это высказывание А.Л. Ленца, на наш взгляд, подтверждает необходимость достаточно пристального внимания к явлению языковой изменчивости, поскольку именно оно приводит зачастую к возникновению многозначных и широкозначных слов. Целый ряд исследований (К.А.Аллендорф, Г.Г.Бондарчук, Н.Г.Алексенко, Е.Б.Черкасская и др.) посвящен анализу различных сто-

рон лексического значения, в некоторых из них указывается на тесную взаимосвязь изменения значения слова и явления широкозначности, а также многозначности.

Исключительно важно отметить, что различные пути изменения значения слова влияют довольно по-разному на дальнейшее развитие словарного состава языка. Как отмечает большинство исследователей, в том числе и К.А. Аллендорф, «Модификация значения «чаще всего не ведет к полисемии», «не приводит ни к образованию омонимов, ни к стилистическому использованию слов» [1; 106 и 117]. Эти процессы более часто приводят к возникновению широкозначных лексем, поскольку либо в результате процессов расширения значение становится более общим и абстрактным; либо в результате процессов сужения исходное значение становится инвариантным для нескольких производных.

Что касается метонимического и метафорического переносов, они могут приводить к самым различным результатам: к возникновению полисемичных слов, «к образованию слов-омонимов, новых слов и словосочетаний, а также быть использованы как переносное употребление слов» [1; 118].

Объясняя возникновение и развитие широкозначности, В.Я. Плоткин и Л.Я. Гросул отмечают, что «широкозначность развивается иначе, без метафорических и метонимических переносов, путем растущего абстрагирования, отвлечения от конкретных свойств первичных денотатов, которые постепенно расширяют свой объем, не теряя при этом своего единства, не распадаясь на характерное для многозначности множество отдельных, хотя бы и связанных друг с другом денотатов» [10; 82-83]. Как видим, эти ученые также отрицают возникновение эврисемии в результате переноса.

Требует внимания точка зрения А.Л. Ленца, заключающаяся в том, что не во всех случаях расширение семантического потенциала слова приводит к приобретению им широкого значения: «расширение и сужение семантики представляют собой конечный результат изменения значения слова с точки зрения количества заключенных в нем признаков. Словесная единица может расширить сферу применения, охватить значительный круг понятий и, следовательно, обогатить свой содержательный потенциал новыми семантическими признаками, способными впоследствии закрепиться за данной словесной единицей и тем самым стать многозначной единицей, а не широкозначной» [9; 8]. По нашему мнению, если такое явление и возможно, то оно достаточно редко и требует отдельного изучения. Мы пока основываемся на заключении о том, что эврисемия — чаще результат модификации значения, а полисемия — результат переноса значения.

Литература

1. Аллендорф К.А. Значение и изменение значения слова // Ученые зап. 1-го МГПИИЯ. — М., 1965. — Т.2. — С.3-172.
2. Амосова Н.Н. К вопросу о лексическом значении слова // Вестник ЛГУ. — М., 1957. — №2. — С.152-168.
3. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. — М., 1973.
4. Горшкова К.А. Имя существительное широкой семантики «thing» в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Одесса, 1973. — 32 с.

5. Гросул Л.Я. Широкозначные глаголы состояния в английском языке //Грамматические и лексикологические исследования. — Кишинев, 1977. — С. 97-103.
6. Дианова Е.М. Анализ семантической структуры и сочетаемости существительного широкой понятийной основы //Семантические и стилистические особенности английских слов и словосочетаний. — М., 1985. — С.85-95.
7. Кудрявцева Н.П. Широкозначная субстантивная лексика в английской разговорной речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Одесса, 1988. — 16 с.
8. Ленца А.Л. Широкозначность глагола и контекст. — Кишинев, 1987.
9. Лебедева Л.Б. Функциональные особенности имен существительных широкой семантики. // Теоретические проблемы семантики и ее отражение в одноязычных словарях. — К., 1982. — С.86-90.
10. Плоткин В.Я. Гросул Л.Я. Широкозначность как лексико-семантическая категория//Теоретические проблемы семантики и ее отражение в одноязычных словарях. — К., 1982. — С.81-86.
11. Смирницкий А.И. Значение слова. // Вопросы языкознания. — М., 1955. — №2. — С. 72-89.
12. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. — М., 1968. — С. 75-111.

Е.А. Калинин

ВИДЫ ПОРТРЕТНОГО ОПИСАНИЯ В НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

“Научная фантастика”, “научно-фантастический” — довольно размытые определения литературного жанра, порожденного научно-техническим прогрессом, самого молодого из уже существующих видов и жанров художественной литературы. При этом, несмотря на свою молодость и продолжающееся становление, он приближается к своему 150-летнему юбилею. Точкой отсчета, как западные, так и отечественные литературоведы и лингвисты считают появление первых романов Ж.Верна. Отдельные фантастические мотивы обнаруживаются и до середины XIX века в произведениях разных авторов и разных жанров. В этих случаях фантастика отождествляется с искусством воображать и представляется специфическим методом художественного отображения жизни, использующим художественную форму — объект /образ, ситуацию, мир/, в котором элементы реальности сочетаются несвойственным ей, в принципе, способом, — невероятно “чудесно”, “сверхъестественно” [КЛЭ, 1968, 887]. Порождением этой “чудесной” фантастики являются невиданные существа, невозможные ситуации, волшебные предметы, наделенные сверхъестественными силами и способностями персонажи и т.д. Но эти первичные формы — совсем

не то, что представляет собой новый жанр — жанр научной фантастики. Сам термин “научная фантастика” — “Science Fiction” — свидетельствует о наличии в произведении двух аспектов и их взаимосвязи. Первая составляющая термина предполагает отражение реальных результатов научных достижений или технологий, а иногда формирует научную гипотезу, имеющую вполне реальные основания. Вторая составляющая, в соответствии с определением КЛЭ, включает создаваемое воображением ирреальное. Вместе два аспекта разрешают следующее толкование термина: воображаемое воздействие научно-технического прогресса на жизнь человечества. Данное толкование разделяется рядом теоретиков. Ср., например: “Назовем фантастической литературу..., где существенную роль играют фантастические образы. Научной будем считать ту фантастику, где необыкновенное создается материальными силами: природой или человеком с помощью науки и техники. Фантастику, где необыкновенное создается сверхъестественными силами, будем называть ненаучной фантастикой” [Гуревич, 1967, 33]. Сходные определения жанра обнаруживаются в справочных изданиях. Например, новое издание энциклопедии “Британика” — “The New Encyclopedia Britanica” — говорит, что “Science Fiction” — это литературный жанр, в котором писатель освещает то, как научные открытия влияют на человека [ТНЕВ, 1992, 552]. Особо подчеркивается роль достижений в физике и астрономии. Энциклопедия “NCA Family Encyclopedia” объясняет различие, существующее между научной фантастикой (“Science Fiction”) и фантастической литературой (“fantasy literature”) вообще. Оно заключается в том, что описываемые события и предметы имеют отношение к научным зако-

нам независимо от того, известны они нам или нет. По крайней мере, они должны выглядеть правдоподобно [NCA FE, 1990, 188]. Однако, как и большинство жанров, единого определения “научная фантастика” — “Science Fiction” — не имеет ни в нашей стране ни за рубежом. Определение жанра является предметом многих теоретических дискуссий, в результате которых изменению подвергается название термина. Это происходит в связи с появлением разных “подвидов” научной фантастики, которые возникают вследствие раз работанности (или предполагаемой работанности) различных сфер биологии, социофилософии, психиатрической медицины и т.д. Например, возникает термин “научно-технологическая фантастика”, которая предполагает отражение доверия к техническому прогрессу, “научно-гипотетическая”, или “социально-философская фантастика”, которая сосредотачивает свое внимание на социальных аспектах нынешних и предполагаемых достижений, и т.д.

Как сравнительно молодой жанр, научная фантастика входила в круг интересов исследователей весьма постепенно. Первыми ею заинтересовались литературные критики и литературоведы. В качестве объекта лингвистического исследования жанр научной фантастики долгое время не привлекал к себе должного внимания лингвистов из-за ошибочного представления о ней, как о литературе невысоких эстетических стандартов. Тем не менее, являясь жанром художественной литературы, научная фантастика обращает на себя внимание сегодняшних лингвистов в силу рассмотрения и толкования художественного текста с прагмалингвистической и функционально-стилистической точек зрения. Предметом лингвистического исследования становятся специфические

характеристики научно-фантастического художественного текста как элементы построения сложного поэтического целого. Всестороннее исследование представляет возможность рассмотреть элемент текста и как единицу языка (его стилистической системы), и как единицу художественной речи. Художественное произведение рассматривают как сложную функциональную систему, организованную в соответствии с конкретной коммуникативной установкой автора. Одним из элементов этой системы является, в частности, композиционно-речевая форма "описание". Она также представляет собой подсистему взаимосвязанных элементов, или так называемых видов, к которым традиционно относятся портрет, пейзаж, интерьер.

Предлагаемая статья излагает результаты исследования научно-фантастических романов известных английских и американских писателей-фантастов: Герберта Уэллса "The War of the Worlds", Рэя Брэдбери "Fahrenheit 451", Эдмонда Гамильтона "City at World's End", Айзека Азимова "Foundation", которое проводилось с целью выявления и анализа функционирования фрагментов текста, посвященных портретному описанию персонажей — людей. Всего в рассмотренных текстах было обнаружено 436 описательных фрагментов, из которых 320 (73,4 %) посвящено описанию людей ("Humans"), и 116 (26,6 %), объектом которых выступают инопланетяне ("Aliens").

Композиционно-речевую форму "описание" можно разделить на две формы: "динамическое описание" и "статическое описание". В первом предполагается фиксация различ-

* Выходные данные анализируемых произведений и список их условных обозначений приводится в конце статьи.

ных состояний и положений в процессе существования и существования предметов, т.е. изображение изменений, происходящих с предметами, их движение, перемещение относительно друг друга, что неизменно связано с представлением о течении времени, о действиях и изменениях состояния как о последовательном порядке во времени. В "статическом описании", наоборот, речь идет об изображении предметов в их качественной определенности, что связано с таким свойством времени как длительность, в их стабильности и неизменяемости в определенный промежуток времени, что и определяет такое качество формы как статичность [Бесмертная, 1972, 8].

К статическому описанию (собственно описанию) и относится портрет. Портрет в литературе — "это изображение наружности человека (черт лица, фигуры, мимики, жеста, одежды, позы, манеры поведения) как одно из средств его характеристики" [КЛЗ, 1968, 446].

По количественному параметру зарегистрированных фрагментов становится ясным, что внимание авторов больше сосредоточено на портретных характеристиках землян: 320 (73,4 %) против 116 (26,6 %). Это говорит об опоре авторов на известное, данное в опыте, реальное.

По доминанте описания все портреты делятся на три группы:

- внешний, т.е. традиционно отмечающий особенности строения и одежды персонажа;
- психологический, т.е. сообщающий о психическом (эмоциональном) состоянии персонажа;
- смешанный, представляющий сочетание двух первых.

Внешний портрет количественно превалирует над другими и включает 265 (60.5%) фрагментов.

He saw himself in her eyes, suspended in two shining drops of water, himself dark and tiny, in fine detail, the lines about his mouth, everything there, as if her eyes were two miraculous bits of violet amber that might capture and hold him intact. Her face, turned to him now, was fragile milk crystal with a soft and constant light in it.

[R.Br., p.32]

Ко второй по количеству фрагментов группе относится смешанный тип портрета (внешние характеристики и психологические) — 142 единицы (32.4%).

There were sad, haggard women tramping by, well dressed, with children that cried and stumbled, their dainty clothes smothered in dust, their weary faces smeared with tears.

[H.W., p.108]

Третью группу, самую малочисленную, составляют психологические портреты героев — 31 фрагмент (7%).

Wienis' gaze was cold.

[I.A., p.99]

Тот факт, что только 7% всех портретов отражают душевное состояние персонажа, заставляет прийти к выводу о превалировании чисто внешних характеристик в описании персонажей научно-фантастического текста и о сравнительной неразработанности их психологической сущности.

По своей протяженности все обнаруженные портреты можно разделить на собственно портреты, портретные зарисовки (рисунки в терминологии Горшеневой [Горшенева, 1984, 47]) и портретные вкрапления.

Примерами сказанного служат три приведенных ниже описательных фрагмента.

The tech-man was short, and his skin glistened with well-kept plumpness. His hair was a fringe and his skull shone through pinkly. The rings on his fingers were thick and heavy, his clothes were scented, and he was the first man Mallow met on the planet who hadn't looked hungry.

[I.A., p.196]

I went down, unfastened the door, and let him in, and locked the door again. I could not see his face. He was hatless, and his coat was unbuttoned.

[H.W., p.56]

A large-handed, stocky man whom Kenniston recognized as Lauber, McLain's truckdriver, came to the steps and spoke to the Mayor.

[Ed.H., p.91]

Первый из них представляет собой полное описание человека из будущего из романа "Foundation". Несмотря на то, что его мир является миром следующего тысячелетия, никаких существенных изменений в его внешности не происходит. Люди будущего похожи на людей XX века, об этом свидетельствует лексика, употребляемая при построении данного описательного фрагмента. Следующие два примера представляют собой портретный рисунок и портретное вкрапление. Портретный рисунок посвящен описанию внешности неизвестного читателю мужчины из романа "The War of the Worlds". Автор не упоминает ни его имени, ни его лица. Он лишь указывает детали его одежды, призванные подчеркнуть общий эффект растерянности и хаоса (см. завершающую фразу фрагмента).

Последний из приведенных примеров представляет со-

бой портретное вкрапление. Оно дополняет уже известные читателю основные физические параметры персонажа и способствует его индивидуализации при помощи качественных прилагательных: *large-handed, stocky*. Портретное вкрапление представляет собой чаще всего (как и в данном случае) не целое предложение, а его часть.

Персонажи научно-фантастического произведения различаются по степени внимания, которое им уделяется в тексте, и по той роли, которую они играют в событиях. Поэтому, в силу того, что в сюжет романа "The War of the Worlds" включено очень много второстепенных героев, встреченных рассказчиком во время войны с марсианами, автор не считает нужным останавливаться на полных портретных описаниях. В основном, здесь используются портретные рисунки или вкрапления.

"Как правило, в каждом произведении имеется один или несколько персонажей, которые являются ведущими (по признаку их важности для автора и по признаку важности их роли в сюжете) героями; рядом с ними есть персонажи второго плана, играющие более или менее важную роль в развитии действия, но не стоящие в центре внимания автора и читателя, и, наконец, есть персонажи третьестепенные, более или менее эпизодические, чье присутствие ограничено одним — двумя эпизодами, играющие роль окружения по отношению к герою или героям" [Долинин, 1985, 110]. Их называют, соответственно, героями первого, второго и третьего планов.

Как уже упоминалось, в анализируемых романах большинство описательных фрагментов представляют собой портретные рисунки, а не индивидуальные портреты, что объяс-

няется эпизодической ролью большинства персонажей. Данное обстоятельство объясняет количество портретных рисунков и вкраплений в романе Г. Уэллса: автор сосредоточен на показе масштабности и апокалиптичности происходящего. Героев второго и третьего планов автор даже не называет. У него они не определены, чаще всего это "какой-то мужчина" или "какая-то женщина". Данную функцию выполняет в тексте широкое употребление неопределенного артикля "а":
...with two friends bending over him, lay a man with a bare leg, wrapped about with bloody rags.

[H.W., p.109]

Индивидуализация, достигаемая портретом, не нужна автору, ему важно показать массу, охваченную единой всепоглощающей паникой:

... — the stream of flight arising swiftly to a torrent, lashing in a foaming tumult round the railing stations, banked up into a horrible struggle about the shipping in the Thames, and hurrying by every available channel northward and eastward.

[H.W., p.100]

Эффект масштабности в этом динамическом описании достигается путем использования автором лексических единиц "the stream", "the torrent".

Как и многие произведения научно-фантастического жанра, "The War of the Worlds" является одним из первых предупреждений человечеству о трагичности будущего. Произведения любого жанра художественной литературы неизменно несут признак антропоцентричности, так как написаны они для людей и о них. Этим можно объяснить тот факт, что во всех 4-х произведениях количество портретных описаний,

посвященных персонажам — людям, превалирует над фрагментами описания персонажей — инопланетян (см. указанные цифры в начале статьи).

Так, говоря о физических параметрах внешнего облика, в качестве примера можно привести полный портрет одного из героев первого плана романа "Fahrenheit 451" — Фабера:

Faber peered out, looking very old in the light and very fragile and very much afraid. The old man looked as if he had not been out of the house in years. He and the white plaster walls inside were very much the same. There was white in the flesh of his mouth and his cheeks and his hair was white and his eyes had faded, with white in the vague blueness there. Then his eyes touched on the book under Montag's arm and he did not look so old any more and not quite as fragile. Slowly his fear went.

[R.Br., p.91]

Это прекрасный пример релевантности портрета для достижения общей художественной цели произведения. Портрет построен на контрасте: в первой, развернутой, части, во втором "white", полисиндетоном, сравнением создается и усиливается эффект старости, окончания жизни. Её возвращение в последнем предложении непосредственно связано с основной коллизией романа — запрещением книг и их влиянием на людей. Люди будущего показаны ущербными в художественно-эстетическом плане, т.к. самое дорогое наследие прошлого — книги — вычеркнуто из их жизни тоталитарной государственной системой. Именно запрет, распространяемый на них, помогает оценить, насколько будущее ужасно по сравнению с прошлым. И это сравнение однозначно передается приведенным выше портретом.

Наряду с такими полными индивидуализирующими портретами ведущих героев, в тексте встречаются их портретные рисунки. Благодаря своей рассредоточенности в объеме всего текста, они позволяют читателю к концу произведения не только представить полный внешний и внутренний облик персонажа, но и дать его характеристику в той или иной ситуации. Так, в романе "City at World's End", наряду с полными описаниями одного из героев первого плана мэра Гаррисона, зафиксированы и многочисленные портретные рисунки данного персонажа.

There was a curious dignity about his plump figure now.

[Ed. H., p.91]

His voice was shaky, his eyes still stunned.

[Ed. H., p.21]

He glared at them, and his plump body trembled.

[Ed.H., p.38]

Из портретных описаний, в которые включено описание физических параметров персонажа: рук, жестов, одежды, физического состояния, своим количеством выделяется группа, посвященная описанию лиц персонажей. При этом снова следует заметить, что в основном это портретные рисунки и вкрапления. Например, в романе "Fahrenheit 451" они составляют 12,7% из всех портретных фрагментов описания людей в произведении. :

Her head was half bent to watch her shoes stir the circling leaves. Her face was slender and milk-white, and in it was a kind of gentle hunger that touched over everything with tireless curiosity. It was a look, almost of pale surprise, the dark eyes were so fixed to the world that no move escaped them. Her dress was white, and it whispered.

[R.Br., p.30]

В качестве выразительных средств языка используется прием метафоры "in it (face) was a kind of hunger", но "го-лод" не в прямом смысле — "желание есть", а в переносном — "желание жить, познавать, думать".

Пример портретного рисунка описания лица персонажа человека можно привести и из романа "Foundation":

The Grand Master's expression was stony. He did not budge.
[I.A., p.146]

Эффект выразительности достигается при помощи использования метафорического прилагательного "stony".

Следующий описательный фрагмент также взят из романа "Foundation":

Yate Fulham drew one hand along his ferocious red mustache.
[I.A., p.52]

Он представляет собой портретное вкрапление, в котором уточняется один из элементов внешности персонажа — его усы. Усы помогают герою обрести определенное выражение лица — выражение "зловещности".

При ознакомлении с цитированными романами, а также с подавляющим большинством прочих произведений научно-фантастического жанра обращает на себя внимание, по крайней мере, две контрастные особенности: указание времени действия, всегда удаленное от реального времени читателя (иногда с чрезвычайно точным указанием даты, как например в романе "Foundation" — 12.769 year of Galactic era), с одной стороны, и абсолютная сиюминутность, реальность портрета, с другой.

Ни один автор не вносит в портреты своих персонажей людей фантастические элементы, которые могли бы быть им

присущи в будущем. Это можно проследить как на описании отдельных элементов лица, например глаз персонажей, так и на их выражении. Люди будущего тысячелетия не отличаются от людей XX века: их глаза привычного цвета (blue); они выражают те же чувства и эмоции (bright):

He was old and almost bald and he walked with a limp, but his eyes were very bright and blue.

[Ed.H., p. 78]

Сказанное о лице, глазах, их выражении относится и к голосу. Можно сказать, что никаких фантастических изменений он не претерпел у людей будущего:

But her voice was remote and tired, and had no life in it.

[Ed.H., p.34]

Then, her voice suddenly dull, she asked...

[Ed.H., p.43]

Hardin's voice was softly ironic, as he addressed the same...

[I.A., p.127]

Цель данных описательных фрагментов заключается, в основном, в передаче голосом эмоций героев, их внутреннего состояния.

Авторы исследованных текстов не уделяют так много внимания описанию одежды, как, например, описанию лица или глаз. Более того, в описаниях одежды людей будущего нет ничего необычного или ирреального, основа — привычная человеческая одежда — small round caps, red jackets, shirts, trousers, boots.

Under the railway bridge I found a group of soldiers — sappers, I think, men in small round caps, dirty red jackets unbuttoned, and showing their blue shirts, dark trousers and boots coming to the calf.

[H.W., p.41]

Единственное указание на ирреальность происходящего в подобных портретах — это упоминание о необычной ткани (unstainable plastotextile):

A man in glaring blue and yellow uniform, shining and new in unstainable plastotextile, reached for his two bags.

[I.A., p.8]

Помимо описания внешности персонажа, созданию его разносторонней характеристики способствуют фрагменты, описывающие его внутреннее состояние. Как правило, они отличаются сложной контаминированной структурой и включают, по крайней мере, две композиционно-речевые формы. Например:

The men lay gasping like fish laid out on the grass. They held to the earth as children to things, ...

[R.Br., p.157]

He went away, depressed and worried.

[Ed.H., p.50]

Здесь описано действие [композиционно-речевая форма "повествование"] и его характер [композиционно-речевая форма "описание"]. Действие выражено глаголами движения, причастие образа действия создает непосредственно описание.

При исследовании были выявлены описательные фрагменты, в которых смысловой глагол нес на себе сему описательности действия. В роли таких глаголов выступают глаголы "to frown", "to laugh", "to shout", "to wheep". Если бы не отнесенность их ко внешности персонажей (поведению), можно было бы исключить эти фрагменты из описания.

They began to laugh, and to wheep, and then to shout and shout.

[Ed.H., p.154]

Lee frowned and shook his head slowly.

[I.A., p.130]

Характеристика персонажей относится к структуре портрета. Она является его вторичной производной и рассматривается как вторичная композиционно-речевая форма "описание" [Ганецкая, 1985, 4]. В качестве портретных характеристик такого плана служат следующие примеры:

He (James) had a bad habit of addressing one in the third person when in his more stately moods.

[I.A., p.52]

There was nothing particularly wrong about Mayor Garris. He was no more bumbling inefficient or venal than the average mayor of any average small city. He liked banquets and oratory, he worried about the right necktie, and he was said to be a good husband and father .

[Ed. H., p.19]

Проделанное исследование позволяет сделать два основных вывода :

1. Портрет персонажа-человека в научной фантастике как композиционно-речевая форма "описание" не отличается специфичностью структуры, семантики, стилистических функций от аналогичных образований в других жанрах художественной прозы;

2. Портрет персонажа-человека в научной фантастике не несет жанрообразующей функции и сам по себе, изъятый из ирреального контекста, не опознается как фрагмент научно-фантастического текста.

Список анализируемых текстов

1. I. A. — Isaac Asimov. The Foundation Trilogy. Foundation. Avon. Publishers of Bard, Camelot and Discus Books, 1974. 227 p.
2. R. Br. — Ray Bradbury. Fahrenheit 451. Short Stories. — Moscow, 1983, 160 p.
3. Ed. H. — Edmond Hamilton. City at World's End. Greenwich, Conn., Fawcet Publications, inc., 160 p.
4. H. W. — H.G. Wells. The War of the Worlds. — Aerie Books LTD., 203 p.

Литература

1. Бессмертная Н. В. Речевая форма “динамическое описание” и ее лингвистические характеристики. Автореф...к.ф.н. — К., 1972. — 24 с.
2. Ганецкая Л.В. Лингвистические особенности вторичных композиционно-речевых форм описания. Автореф...к.ф.н. — К., 1985. — 24 с.
3. Горшенева Е.С. Портрет персонажа в системе целостного художественного текста. Д... к.ф.н. — К., 1984. — 207 с.
4. Гуревич Г.Г. Карта страны фантазий. — М.: Иск-во, 1967. — С.33.
5. Долинин К.А. Интерпретация текста. — М.: Просвещение, 1985. — С.143-286.
6. Краткая Литературная Энциклопедия /КЛЭ/. — М.: Сов. эн., 1968, т.7, с. 887-895.
7. The New Encyclopedia Britanica. — London, 1992. — V.10. — P. 552.
8. NCA Family Encyclopedia. — USA, 1990. — V. 13. — P. 188.

Н.Л. Королева

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ФАМИЛИИ В ПРОЗЕ А.И. КУПРИНА

Центральным элементом антропонимической структуры является фамилия — официальное, зафиксированное в документах, наследуемое именование. Являясь условными антропонимическими знаками в реальной жизни, в пределах литературного произведения фамилии теряют свою абстрактность. Специфика художественного текста, компонентом которого является фамилия, выявляет ее способность быть средством индивидуализации действующих лиц. Участвуя в построении образа, фамилии очень плотно вписываются во внутреннюю структуру художественного произведения. Они как бы впитывают все контекстуально обусловленные характеристики персонажа, предопределяя читательского отношение к нему, которое формируется на основе типологических данных соответствующего персонажа и нередко сохраняется как “свернутая” информация о персонаже в памяти читателя даже после прочтения произведения. Таким образом на основную функцию фамилии — называть — в литературном произведении “наслаивается масса индивидуально и общественно значимых оттенков” [3;130]. В первую очередь информация о персонаже, выраженная в его фамилии, сразу же свидетельствует об отнесенности персонажа к той или иной национальности.

Долго прожившему за границей и много путешествовавшему А.И. Куприну, по натуре очень наблюдательному человеку, деликатно и в то же время точно удается подчеркнуть в своих рассказах и повестях особенности быта многих народов. А.И. Куприн знакомит читателей с представителями различных национальностей Европы и Средней Азии. Особое внимание привлекают тщательно подобранные автором для этих героев фамилии. В 195 исследуемых произведениях нами зафиксировано 37 английских, 57 немецких, 32 французских, 26 итальянских и 4 испанских фамилии. Общее количество действующих лиц (носителей фамилий) (167) превышает число самих лиц (156). Одна и та же фамилия может принадлежать персонажам, действующим в различных произведениях (в пределах одного произведения однофамильцы не зафиксированы), ввиду распространенности этой фамилии среди данной национальности или соответствий различных персонажей одному и тому же прототипу, фамилию которого автор сохраняет своим героем.

Фамилии большинства действующих лиц обладают рядом национально-распознавательных признаков. По мнению А.В. Суперанской, “в каком бы языке не употреблялось имя, оно обязательно имеет основу и формант (в том числе и нулевой)” [2;23]. Следовательно, любой антропоним, в том числе и фамилия, оформляется в соответствии с законами того языка, которому он принадлежит.

Например, устойчивый набор фамилиеобразовательных компонентов, несмотря на их десемантизированный статус, делает легко узнаваемыми в тексте произведениях А.И. Куприна немецкие фамилии.

- кампф (нем. *kampf* “борьба, бой”) – Ренненкампф, Ризенкампф;
- бах (нем. *bach* “ручей”) – Оксенбах, Шванебах;
- ман (нем. *mann* “человек, мужчина”) – Бауман, Тальман;
- берг (нем. *berg* “гора”) – Ашенберг, Гольдберг;
- дорф (нем. *dorf* “деревня”) – Геккендорф, Менцендорф, Эйзендорф.

Кроме указанных, в немецких фамилиях существует ряд других характерных признаков: многие из них образованы от апеллятивов с суффиксами *–ер* и *–инг*: Штольдер, Швейгер, Миллер, Рейтер, Келлер, Бергер; некоторые из немецких фамилий в своем конце содержат скопление согласных, после которых может следовать гласный: Клодт, Шмидт, Шульц, Отте, Брадке, Книгге, Фриессе, Эссе.

Подобные формальные определители существуют и среди французских фамилий. К ним относятся приставка *дю–* (образованная из слитного артикля *de+la=du*) – Дюкруа, Дюмон, Дювернуа, Дюпуи, Дюран; предлог *де*, обозначающий у французов дворянское происхождение; *де Мон*, *де Рик*, *де Пуддель*.

Многие из французских фамилий образованы от названия местностей, часто с характерными суффиксами *ак/як*: Ремильяк, Брессак. Фамилия одного из центральных персонажей французского происхождения в романе “Юнкера” происходит от названия провинциального французского городка Венсан.

Прекрасное знание французского образа жизни, французских обычаев, в том числе и распространенности фами-

лий, позволяет автору иногда давать необходимые для характеристики персонажа толкования и оценки, например, как это происходит в романе “Колесо времени”: автор выражает свое мнение о французской фамилии Дюран устами главного героя (русского эмигранта):

— Госпожу Дюран? (Ведь всем известно, что фамилия Дюран самая распространенная фамилия во Франции. Достаточно заглянуть в любой справочник или указатель.) [1; т.8, 39].

Фамилия Дюран также типична для французов, как Иванов — для русских. Русский читатель прекрасно понимает, что наделение героя распространенной и, как следствие этого, невыразительной фамилией Иванов является показателем его заурядности. Но особенность фамилии Дюран среди французов не может быть знакома русскому читателю. Поэтому оценка автора, подчеркивающая несоответствие такой распространенности, а следовательно ничем не примечательной, фамилии знатной даме очень важна.

В этой фамилии, как и во всех французских словах, ударение падает на последний слог. В повести “Молох” автор дает своему герою, бельгийскому инженеру, фамилию Андре, графически выделяя в ней ударение на последнем слог. Коренным населением Бельгии являются фламандцы и валлонцы. Не такой многочисленный, но все-таки значительный пласт населения составляют французы и итальянцы. Фамилия с проставленным в ней ударением помогает нам более точно определить происхождение героя, который может быть валонцем (язык валонцев приближен к французскому), или, что более вероятно, бельгийским французом.

Английские фамилии не имеют конкретных формальных,

характеристических признаков для русского читателя. Автор, показывая англичанина, часто дает ему фамилию, общеизвестную “как английская” и распространенную: Джонсон, Вильсон, Джексон, Ричмонд, Кук, Джернерс. В произведениях, посвященных английской тематике, эти фамилии, многие из которых восходят к прозвищам патронимического характера, свойственны людям незнатного происхождения и противопоставляются остальным: лорд Чальсбери — простой портовый рабочий Джонсон (рассказ “Жидкое солнце”). Интересна история фамилии Левисов-Менар (указанная в русском родословном сборнике) в романе “Юнкера”, носителем которой является персонаж, потомок шотландских аристократов, переселившихся в Россию. Это сложная фамилия; соединительным компонентом в ней является суффикс английского родительного падежа, указывающий на дворянское происхождение героя.

Не отличаются большим разнообразием форм итальянские фамилии. Преимущественной моделью их построения являются основы на удвоенный согласный (удвоенность часто теряется в русифицированных формах) с финалью —и: Чинизелли, Джеретти, Чирени, Бенедетти, Паоли, Менотти, Брюнелли, Джиованни, Рестуччи, Мазини и так далее. Однородность состава итальянских фамилий делает их легко узнаваемыми в тексте. Эти фамилии типичны для цирковых артистов, и сам Куприн называл Италию “родиной цирка” [1; т.7, 504]. По этой причине, выбирая себе псевдонимы, цирковые артисты старались придать им итальянскую форму. Например, в рассказе “Белый пудель” старик-шарманщик, мечтая о будущем своего воспитанника Сережи, говорит ему: “Фамилию мы тебе сочиним непременно итальянс-

кую.” [1, т.3, 283], подозревая, что многие причины успеха кроются в том, откуда происходит артист.

Из других языков в рассказах и повестях А.И. Куприна нами зафиксированы одиночные фамилии: 4 испанских — Вияльта, Пинья, дон Ганеро, Фрег (рассказ “Пунцовая кровь”); 1 румынская — Бузескул (повесть “Поединок”), 1 венгерская — Чельван (рассказ “Дочь великого Барнума”).

Группировка и описание зафиксированных в работе фамилий условны. Подобная систематизация фамилий по национальному признаку удобна для дальнейшего их изучения, т.к. “соответствие имен художественного произведения закономерностям национальной ономастики являются одной из предпосылок его реалистичности и художественной убедительности созданных писателем образов” [4; 119]. Из приведенных примеров видно, что способность фамилий определять национальность героев заключается прежде всего в соответствии их фамилеобразовательных элементов конкретной языковой норме, достаточно широко известной и за пределами данного национального этноса.

О национальности литературных героев можно судить не только по их фамилиям, но иногда и по ряду других признаков, например, по их речи, их местожительству, авторским комментариям, в том числе по этнонимам, а также по другим имеющимся в тексте видам наименования.

Самым весомым из перечисленных приемов определения национальности персонажа является этноним. При появлении этнонима учет всех остальных национальнохарактеризующих признаков проводится относительно него.

90% фамилий, выявленных нами в произведениях А.И. Куприна, принадлежат героям, которые являются пред-

ставителями национальности, определяемой с помощью фамилии, и соответствуют этнонимам. “...его звали Яков Яковлевич фон Шеппе. Это был очень чистенький добродушный немец” [1, т.3, 13]. Национальность героя, выраженная этнонимом, может ставится под сомнение в авторском тексте или в речи других действующих лиц. Только в таких случаях фамилия может опровергнуть этноним или, наоборот, подтвердить его. “... Сюзливан — кажется, ирландец по происхождению ...” [1, т.7, 264]. Фамилия героя ирландская, для этого достаточно вспомнить ирландского поэта О’Салливана, которая наряду с формой Сюзливан является огерманизированным вариантом фамилии человека, выходца из Франции, носившего некогда фамилию Сюзли.

В некоторых случаях мы можем говорить о несовпадении фамилии и истинной национальности героя. Эти случаи немногочисленны, но сюжетно обусловлены и входят в авторский замысел, например в рассказе “Прапорщик армейский” описывается носитель немецкой фамилии: “Фамилия у него немецкая — Бергер, но немецкого у него ничего нет ни в акценте, ни в наружности ...” [1, т.4, 154]. Ничего немецкого у героя нет, как потом оказывается, и в манере поведения. Построение образа героя здесь основывается на приеме контраста, когда герой, носящий немецкую фамилию, не соответствует ей и совершенно не похож на типичных немцев, со свойственными им аккуратностью, педантичностью и скрупулезностью.

Среди форм наименования, принадлежащих одному персонажу, фамилия является центральным, но не единственным определителем национальности. При этом должны учитываться все компоненты антропонимической формулы, обозначающей

героя. Прежде всего это относится к личным именам. Например, Генри Диббль (английские имя и фамилия), Джузеппе Рестуччи (итальянские имя и фамилия). Интересны случаи именования литературных персонажей, в которых автор преднамеренно допускает несовпадение имени и фамилии: Иван Иванович фон Геккендорф (русские имя и отчество, немецкая фамилия). В этих случаях изображены обрусевшие персонажи, чьи предки были выходцами из других стран, либо иностранцы, формы наименования которых были приспособлены к соответствующей языковой среде. Самая частотная в произведениях А.И. Куприна немецкая фамилия Миллер (5 случаев употребления для именования различных персонажей), но, например, в рассказе “Счастливая карта” она принадлежит русской дворянской семье (Влас Ильич, Николай Ильич Миллеры), а в другом рассказе, в “В зверинце”, – немецкой (Иоганн и Карл Миллеры).

Часто автору важно акцентировать не то, к какой национальности принадлежит носитель фамилии, а то, что она чужеродна конкретной национальной культурной среде. Фамилия капитана Дювернуа, героя повести “Поединок”, вызывает ироническое отношение к нему его солдат, которые искажают фамилию своего начальника, называя его “Дюверни-нога” (“народная этимология”). Причина неприятия иностранной фамилии иногда скрывается за необъяснимостью ее основы. “А вот тоже, говорят, был какой-то генерал Будбург фон Шауфус, – так его солдаты окрестили: Будка за цехаузом . . .” [1, т.4, 116].

Невозможность установления родства основы фамилии со словами родного языка и нехарактерность формы часто привлекает внимание. А.И. Куприн подчеркивает, что, чем

непонятнее, экзотичнее, экстравагантнее выглядит и звучит фамилия, тем больше у нее возможности произвести впечатление: “Что действительно произвело в публике неожиданный, но великолепный эффект, так это – иностранные фамилии. Выходит, например, на сцену молодой человек, подходит к героине и, прикладывая руку к сердцу, рекомендуется: “Маркиза, я – Фердинандо де ла Капо ди Монте, племянник вашего старого друга графа д’Аргентьюеля”. Галерка приходит в неописанный восторг.” [1, т.1, 211].

Нередко воспринимающие стараются ввести незнакомую фамилию в систему уже знакомых для них понятий и имен. В “Рассказе о рыбаке “раскасс” один из героев, француз, знакомясь с А.И. Куприным, выступающим под своей настоящей фамилией, не скрывая своего восхищения перед его талантом, объясняет, как ему раньше (еще до знакомства) удалось запомнить фамилию автора “Листригонов”: “. . . имя ваше. . . мне не ново. . . Теперь я вспоминаю, что ваше имя, мнемоническим путем я сочетал с именем великого французского композитора восемнадцатого столетия, которого звали Couperin” [1, т.8, 127].

Инородность иностранной фамилии сразу вызывает ту или иную реакцию на нее людей, окружающих ее носителя. Иностранная фамилия, оказываясь непонятной и непохожей на привычные формы фамилий, принятые в данном национальном этносе, уже сама по себе заставляет насторожиться его представителей, тем более если носитель этой фамилии вступает с ними в непосредственный контакт. Подсознательно герои находят быстрее общий язык и спокойнее принимают других действующих лиц с характерными для их среды фамилиями, чем с иноязычными, т.к. фамилия в любом слу-

чае связывается со своим носителем. Постепенно, с развитием сюжета, с возникновением ряда других проблем эта связь нарушается и недоверие сменяется другими видами отношений. Например, фамилия профессора Симонова, русского эмигранта, живущего в Париже, отторгается французами, традиционно именуемыми друг друга в основном по фамилиям, Симонова они именуют с помощью апеллятива: Господин профессор. В описанном случае (роман “Жанета”) французы исключили из употребления непонятную им фамилию, но со временем сумели принять и полюбить ее носителя.

Более чем очевидно, что если во французской среде естественными являются французские фамилии, то в русской — русские. Русский писатель, описывающий русскую среду с установкой на русского читателя, пользуется этим обстоятельством для создания конфликта. В повести “Поединок” главного героя с русской фамилией Ромашов окружают герои с иностранными фамилиями: Петерсон, Олизар, Зегржт, Бек-Агамалов, Андрусевич, Диц, Дювернуа, Клодт, Тальман. Созданная с помощью фамилий оппозиция в расстановке персонажей литературного произведения сигнализирует о возможном столкновении, которое произойдет между главным героем и средой. Как видим, фамилия позволяет автору расширить необходимую характеристику создаваемого персонажа и его окружения.

Очень часто для данной языковой среды за представителями других национальностей закрепляются единственные и “характерные” (в понимании носителей ее языка) формы фамилий. Например, в рассказе “Штабс-капитан Рыбников”, улавливая сходство главного героя с японцем, другие действующие лица в шутку дают ему “японские фамилии”: Ояма,

Фукушима, Куроки (скорее всего созданные на основе звукоподражаний словам японской речи или взятые от реальных исторических лиц); в цикле “Лазурные берега” повествователь забывает фамилию своего друга итальянца Чирени и пытается восстановить ее, но форма ее, типичная и неизменная для итальянской антропонимии (см. выше) сохраняется в памяти и становится формулой для подстановки в нее различных основ: Беррини, Феррини, Меррини [1, т.6, 51].

Оказавшись в чужом языке, а тем более в чужезычной художественной речи, фамилии редко проходят все этапы лингвистического заимствования (освоения): графического, фонетического и грамматического. Грамматического этапа достигают немногие, чаще всего грамматическое освоение антропонима (подчинение его правилам грамматики и оформление суффиксами языка-реципиента) возникает в результате каких-то исторических факторов. Например, фамилии народов, населяющие восточные регионы России оформлялись русскими суффиксами. В тексте художественного произведения фамилии, графически освоенные, переданные буквами алфавита того языка, на котором оно написано (транслитерация), влечет за собой и их фонетическое преобразование. Для подтверждения можно сравнить различные графические обозначения (родного для данной фамилии языка и принимающего) одних и тех же фамилий: Парфреман / Жокей в очерках “Рыжие, гнедые, серые, вороные...” — Porfrement / жокей в рассказе “Жокей и лошадь” /; генерал Гуаран — giniral Goirant; мэр Суванн — Souvan (очерки “Лазурные берега”); Арбузов — Arbousoff (рассказ “В цирке”). Графическое оформление латинским шрифтом со-

хранено в английских фамилиях Hawkins, Head (рассказ "Жокей и лошадь").

В исключительно редких случаях фамилии, содержащие в своих основах обозначения этнического характера, могут сигнализировать о действительной национальности героя, например Ванька Грек (рассказ "В недрах земли"), Володька Грек (рассказ "Яма") (фамилии, неоформленные суффиксально, возможно, происходящие из прозвищ, данных герою по его национальности). В остальных примерах мы можем говорить только о возможном установлении национальности первоносителя фамилии или обнаружении его местонахождения в период создания фамилии, что не входит в задачи исследования фамилий художественных произведений (Башкирцев, Калмыков, Лех).

Как показывает наше исследование, разнообразие фамилий персонажей в произведениях А.И. Куприна, выделяемых по инациональному признаку, очень велико. Дальнейшее изучение этого материала приведет к детальному описанию антропонимического пространства в художественном диалекте великого русского писателя.

Литература

1. Куприн А.И. Собрание сочинений в 9 томах. — М., 1970-1973.
2. Суперанская А.В. Структура имени собственного/ Фонология и морфология/. — М., 1969.
3. Суперанская А.В., Сулова А.В. Современные русские фамилии. — М., 1984.
4. Щетинин Л.М. Слова, имена, вещи. — Ростов: Изд-во Ростов. ун-та, 1966.

А.Э.Левицкий

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЕДИНСТВА СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Отличительной особенностью лингвистической теории на современном этапе является анализ функциональных свойств языковых явлений. В современном английском языке из-за особенностей его структуры, вследствие явно выраженных тенденций к анализируемости, прослеживается значительная зависимость семантики языковой единицы от её «узкого» контекста. Причем, под «узким» контекстом мы понимаем вербальное окружение языковой единицы, её функциональный потенциал, тогда как под «широким» контекстом подразумевается речевая ситуация общения, культурно-исторический фон. Английское слово достаточно гибко в функциональном аспекте, т.е. способно изменять свои функциональные характеристики при неизменности формы. Синтаксическое использование английского слова, его синтагматический потенциал тесно связаны с семантическими особенностями и определяют его роль в системе лексико-грамматических характеристик. Таким образом, носителю английского языка приходится в структуре значения, основываясь на своём языковом опыте, объединять собственно семантический и синтаксический компоненты. В структуре же логического значения важность

приобретает логика употребления конкретной языковой единицы в данном контекстуальном окружении.

Функциональная сфера английской полнозначной номинативной единицы настолько широка, что её крайние границы представлены в речи употреблениями в качестве мельчайших единиц языковой структуры (фонем, морфем), с одной стороны, а с другой, — в качестве коммуникативно-автономной единицы (предложения). Следует также учесть, что слово как основная единица номинации функционирует в качестве функционально-строенового элемента высказывания либо как самостоятельная коммуникативная единица.

Функция же формы рассматривается нами как её значение, хотя, безусловно, есть функциональные единицы, не имеющие лексического значения по типу полнозначных номинативных единиц (вспомогательные и модальные глаголы, предлоги, союзы, междометия, квалификаторы и слова диффузной семантики).

Понятие функции слова значительно шире его значения, поскольку передаёт с помощью значения внутрисконструктурную информацию о мире, мышлении, конкретной ситуации речевого акта. В этой связи мы во многом разделяем мнение Е.В.Гульги о том, что функция — «роль, присущая данному знаку в речевом процессе» [4;15].

В понятии «функция языковых единиц» выделяются потенциальный и результативный аспекты [3; 43-45]. Если же рассматривать функцию с точки зрения употребления языковых единиц, то здесь выделяются тоже два аспекта: конкретное употребление и класс таких употреблений. В направлении от семантики к употреблению языковой единицы функция представляется как потенциальный класс употреблений.

Как правило, одно и то же средство полифункционально [6;13], т.е. в его употреблении реализуются атомарные значения, принадлежащие к различным когнитивным, семантическим, морфологическим и синтаксическим разрядам.

Однако функция обладает свойствами относительными, они детерминируются данными, которые представлены в самой системе языка и определяются внутри этой системы в речевой реализации. Если функция языковой единицы определяется лишь по отношению к другим компонентам высказывания, то семантика — это свойство, связывающее их с внеязыковой деятельностью (денотатом или референтом) и понятием (сигнификатом).

Значение и функция — те аспекты языкового знания, которые формируют осмысленность разноуровневых единиц языка. Известно (см.2), что смысл — это основное условие, которому должна соответствовать любая разноуровневая единица, чтобы приобрести лингвистический статус.

В результате перечисленных особенностей структуры современного английского языка и тенденций развития его структуры достаточную гибкость приобретают не только лексические, но и фонетические, морфологические и синтаксические единицы. Таким образом, возможным становится приобретение единицами одного языкового уровня функционального статуса единиц другого:

- лексического — морфологического: —ability, all-, —born;
- морфологического — лексического: hyper /adj/, semi /n/;
- фонетического — лексического: /i:/ /n/, /ou/ /n/, /ju:/ ;
- лексического — синтаксического: Rabbit!, Nuts!, say!;

— синтаксического — лексического:

Where it's all, my gum, I'm from Missouri!, sort of, kind of..

Подобный процесс делает возможным, с другой стороны, приобретение отдельными единицами фонетического, морфологического и синтаксического уровней основных функционально-семантических особенностей полнозначных номинативных единиц. И так, хотя слово и выступает главной единицей номинации в языке, некоторые функционально переориентированные фонемы, морфемы, словосочетания и предложения способны репрезентировать конкретные понятия и функционировать в высказывании подобно лексемам, т.е. иметь свой сигнификат и выполнять некую синтаксическую функцию.

В современном английском языке предметно-логическое (номинативное) значение языковой единицы доминирует над формально-грамматическими признаками, характеризующими слово как типичную единицу номинации. Обобщённое же её вещественное значение, обозначение ею понятий предмета, качества как постоянного признака существенно предопределяет возможности синтагматического потенциала. Кроме того, синтагматический потенциал слова как номинативной единицы тесно связан с её функциональными и семантическими показателями. Тем самым, валентностный потенциал английского слова, совместно со скудностью флексивных форм словоизменения, способствует объединению с последующим сегментом линейной цепи. Довольно часто подобное соположение сопровождается выполнением несколькими единицами, расположенными контактно, единой синтаксической функции, а впоследствии приобретением единого пересмысленного значения: «There is Helen Jameson, I must say hello to her»/J.Symons/. /.../ it's just that we would-be

tycoons /Ibid./.. Owen's just had a special commendation for an English essay, everything's fine and dandy /Ibid./..

По категориальному значению, т.е. по функции в восприятии человеком реальной действительности и её отображению в языке, данные образования имеют следующие особенности: во-первых, в структуре человеческого речемысленного механизма они выступают в качестве кластерных концептов, во-вторых, в процессе кодирования/декодирования происходит преобразование сложных сигнификатов в соответствующие им языковые единицы усложнённой формы. Под сложным сигнификатом мы понимаем комплекс, закрепляющий обобщённое понятие, значение-гибрид. Таким образом, новая единица обозначает определённый объединённый сегмент объективной действительности, а акт коммуникации становится более экономным и экспрессивным. Информативная структура подобных образований определяется компонентным составом их составляющих, а их функциональная характеристика состоит в установлении соответствий между языковым знаком и определённым кластерным референтом.

Следует учесть, что целый ряд полнозначных номинативных средств в плане динамической синхронии находится на трёх стадиях интеграции словосочетания: соположении, сближении и инкорпорации, находящихся материальное выражение соответственно в словосочетании, словостяжении и сложном слове /ср. 7, 21/. Согласно данному подходу, первую группу составляют случаи типа a lecture room, a shade temperature, вторую — типа hard-and-fast, sleep-in, третью — a nightcap, a drumstick, a flypaper и др.

Если же рассматривать данную проблему с функциональной точки зрения, то так называемая промежуточная зона

«слово-словосочетание» действительно не однородна. Она характеризуется разной степенью идиоматичности и спаянности компонентов, что находит отражение в соответствующей связанности их сигнификативных значений, а следовательно, в функциональном подчинении вспомогательного элемента главному.

Наибольшим семантико-синтаксическим единением, а также значительной степенью идиоматичности характеризуются языковые единицы, генетически восходящие к предложениям: *How d'you do, What?, Queen Ann is dead!, A pretty kettle of fish!, What-it-takes.*

С функциональной точки зрения семантико-синтаксические единства в современном английском языке представлены следующими типами:

- устойчивыми словосочетаниями с непереосмысленными компонентами: *music centre, affirmative action, acid rain;*
- устойчивыми словосочетаниями, относящимися к рифмированому сленгу: *movers and shakers, nuts and bolts, frudge and mudge.*

Следует отличать данные единицы от парных словосочетаний [ср. 10, 4-19], поскольку биномы типа *advice and consent, far and wide, sooner or later, ladies and gentleman, face to face* отражают парность человеческого мышления, часто выражая семантически и синтаксически соотносимые понятия, в состав которых входят и необразные словесные штампы, авторские неологизмы, библеизмы. Подобные образования, в основном, служат способом создания экспрессивной избыточности. Довольно часто парные словосочетания обнаруживают способность к расширению, проявляющемуся в виде семантико-синтаксических отношений аддиции

и спецификации [см.5, 214-215]. Компоненты интересующих нас языковых единиц связаны отношениями семантического единства, которое приобретает новый смысл, отличающийся от значений составляющих его лексических единиц. Наличие подобных единиц коренится в природной склонности человеческого мышления к объединению, сопоставлению, а иногда и противопоставлению мыслей о явлениях и предметах внешнего мира, непосредственно или опосредствованно связанных друг с другом в процессе когнитивной деятельности по отношению к предметам объективного мира;

— комплексные имена собственные, употребляющиеся переносно: *Lady Bountiful, Lady Bracknell, Don Juan, Bertie Wooster.* В данных единствах наблюдается переход собственного имени от предметной номинации к сигнификации, обозначению определённого качества, оценки денотата;

— фразеологические единицы, представляющие из себя семантически изолированные образования, вводимые говорящим в речь в виде словесных блоков, для которых характерна цельность лексического значения: *couch potato, as they come, Irish apricot, number one;*

— связанные словосочетания, функционирующие в качестве устойчивых номинативных комплексов: *laid-back, hang-up, in-house;*

— словосложения, представляющие собой конденсированные словосочетания, единство которых закрепляется как графически, так и интонационно. Несмотря на то, что данные образования, как правило, многочленны, они имеют единые функциональные и когнитивные показатели: *a-go-go, fly-by-wire, one-on-one, rent-a-crowd, oven-to-table, right-to-work, all-in-one;*

— лексемы, возникшие в результате действия словообразовательных моделей, для которых необходим материал отдельных самостоятельных лексем:

- а) юкстапозиции (sunglasses, windscreen);
- б) редупликации (spit-spot, no-no, man-man, gumpy-tumpy);
- в) телескопии (prissy, vibronic, slimnastics, racon, pomato);
- г) аббревиации, которая представлена в языке акронимами WHO (World Health Organization), ОПЕС (Organization of Petroleum Exporting Countries), инициализмами PO = Post Office, RPM — Revolutions per Minute и собственно аббревиатурами PhD, Mr, Dr, St;

— грамматические структуры, основу которых составляют комплексы нефинитной предикации, структурно состоящие из двух компонентов, но функционирующие подобно сложным полнозначным языковым единицам и составляющие единые когнитивно-коммуникативные блоки: the Accusative with the Infinitive Construction, the For-to-Infinitive Construction, the Nominative with the Infinitive Construction, the Gerundial Complexes, the Nominative Absolute Participial Construction, the Accousative with the Participle Construction, the Nominative with the Participle Construction /e.g. You are seen running to the river; I saw Mary reading a book; Walking down the street, the idea struck me; She is known to be kind, etc./.

Рассматриваемые группы, как и многие другие языковые образования, не лишены определённых переходных случаев. В этих зонах особо ошутимо проявляется действие функциональной переориентации — явления многогранного, которое затрагивает изменение всех основных параметров язы-

ковой единицы. Определённая нестабильность проявляется в таких единствах, как brush fire /a/ :: brush-fire/v/, carry-on/adj/::carryon /n/, egg-beater/n/::eggbeater/n/. В подобных парах производная единица характеризуется большей степенью интегрированности как в функциональном, так и в семантическом аспектах. Следует обратить внимание также и на проявляющееся, как правило, отличие в лексико-грамматических связанных единицах.

Словообразовательные и словообъединительные правила ориентированы на синтаксис. Это и позволяет рассматривать полнозначные единицы языка не только лишь как средства номинации, но и как средства представления одного и того же содержания с помощью разноструктурных единиц и разных функций в высказывании. Как справедливо отмечает Е.С.Кубрякова, правила синтаксической деривации представляют собой образцы транспонирования единиц из одного класса в другой или же образцы транспозиции одного уровня (в частности синтаксического) на другой (морфологический): от синтаксиса — к слову [8, 123' (ср. as white as snow :: snow-white, as pure as water::water-pure). С этим частично пересекается проблема функционального статуса и таких единиц, как arm-chair, President Clinton, Twin Falls.

Аналитические лексические единицы, состоящие из двух и более компонентов, характеризуются общностью знаковой функции, которая зависит от степени связанности значения слова в его лексических, семантических, а также функциональных аспектах. Тем самым, данные образования затрагивают и смежные проблемы: идиоматичность сочетаний слов и их знаковые функции, клишированность речи, синонимии разноуровневых единиц языка.

Разделяя мнение В.Н.Телия, признаём, что при номинативном подходе к аналитическим лексическим коллокациям [11, 67] следует отнести сложные названия элементов «предметного ряда», такие как *white wine, light beer*. Их отличительный признак — родо-видовые и парциальные обозначения уже существующих объектов, называемых по видовым (*wine — red, white; tea — black, green, etc.*) признакам или же по соотношению части и целого (ср. русск. коленчатая чашечка, носик чайника и т.п.). Данные аналитические комплексы, а также родственные им типа *to get rid, to pay attention* тяготеют к главному значению ключевого слова, но обладают собственной номинативной «специализацией», которая проявляется в их функционально-семантической маркировке.

В современном английском языке довольно значительное место занимают также единицы типа *speech sound*, число которых неограниченно. Из-за незначительного количества флексий у определяющего компонента, который находится в позиции атрибута к определяемому им субстантиву, он теряет свою как функциональную, так и семантическую независимость и превращается как бы в чистую основу, активно взаимодействующую с основой последующего слова.

Несмотря на то, что О.С.Ахманова довольно спорно относила устойчивые словосочетания *first night, best man, common sense* к фразеологическим, она указывала, что в результате так называемого нестойкого «нейтрального словосложения» появляются единицы типа *stone well*, которые «колеблются между словосочетанием и сложным словом» [1, 56]. Позднее они трактовались уже и как связующее звено между синтаксическим и лексико-семантическими уровнями, т.е.

как продуктивное средство межуровневого обмена [см., напр., 9, 138].

Безусловно, что данные единицы, структурно напоминающие словосочетания, укладываются в один фонетический такт, определяют единый комплексный сигнификат и представляют собой функционально-синтаксическое единство в высказывании.

Итак, семантика и функциональные характеристики рассмотренных выше языковых единиц представляют не простое суммирование значений образующих их знаков, а их сложное комплексное взаимодействие, которое способно приводить к возникновению новых семантико-синтаксических единств, отражающих несуществовавшие ранее когнитивные сущности. Следует также признать значительную активность появления подобных семантико-синтаксических образований в английском языке на современном этапе его развития.

Литература

1. Ахманова О.С. К вопросу об отличии сложных слов от фразеологических единиц. //Труды Института языкознания. — Т.IV. — М., 1954. — С.50-73.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М.: Прогресс, 1974. — 447 с.
3. Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. — СПб: Изд-во СПбГУ, 1996. — 220 с.
4. Гулыга Е.В. К вопросу о взаимосвязи уровней (языковые макро— и микрополя) // Лингвистика и методика в высшей школе. — М., 1967. — Вып.4. — С.5-27.

5. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. — М.: Высшая школа, 1981. — 285с.
6. Кашкин В.Б. Функциональная типология перфекта. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. — 128 с.
7. Квеселевич Д.И. Интеграция словосочетания в современном английском языке. — К.: Выща школа, 1983. — 84 с.
8. Кубрякова Е.С. Особенности речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. — М.: Наука, 1991. — С.82-140.
9. Малкина Н.М. Взаимосвязь и взаимозависимость синтаксиса и семантики: / На материале французского аппозитивного словосочетания/. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1980. — 148 с.
10. Медведева Л.М., Дайнеко В.В. Парные словосочетания английского языка. — К.: Вища школа, 1989. — 184 с.
11. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — 288 с.

А.Д. Мартыненко

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ, АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

(на материале художественных произведений от второго лица)

Функционирование настоящего времени гораздо более сложно и многообразно в языке, чем глагольных форм, относящихся к другим временным пластам. Это связано прежде всего с тем, что при линейном членении времени на прошлое, настоящее и будущее возникает вопрос об определении пределов и характера настоящего момента и об языковых значениях настоящего времени.

Интересным материалом для исследования функционирования настоящего времени в различных языках и сопоставления этих функций являются произведения, написанные от второго лица. Для изучения функционирования настоящего времени в литературном тексте, написанном от второго лица, а также для исследования и сопоставления его значений в различных языках наиболее интересна и плодотворна теория, выдвинутая Г. Гийомом. Согласно теории представления времени Г. Гийома, настоящее время состоит из двух неразделимых частиц: частицы прошедшего и частицы будущего. Он называет их двумя составляющими хронотипами настоящего времени. По его мнению, соположение хронотипов прошедшего и будущего времен является как необ-

ходимым, так и достаточным условием существования настоящего времени. [3; 52]. Подобные высказывания о значении настоящего времени встречаются также в работах А.И. Смирницкого, О.Эсперсена, Б.Ильиша, В.В.Виноградова.

Вышеуказанные особенности настоящего времени позволяют ему выполнять наиболее разнообразные функции в языке, использоваться как для обозначения действий, протекающих в момент речи, так и для обозначения действий в прошлом, в будущем, указывать на вневременность, повторяемость действий.

В произведениях, написанных от второго лица единственного или множественного лица, основным планом повествования является настоящее время, что связано прежде всего с общей коммуникативной направленностью произведений, их ориентированностью на непосредственный контакт между всеми участниками данного речевого акта.

Анализируемые произведения, написанные от второго лица, имеют основным планом повествования настоящее время. Некоторые из них полностью написаны в настоящем времени: рассказы "Севастополь в декабре" Л.Н.Толстого и "Вот она, Америка" Дж.Апдайка, роман "Человек, который спит" Ж.Перека. Появление других временных планов эпизодично, их употребление обусловлено желанием автора выделить данный момент, описать события, относящиеся к другому временному промежутку или к другому пласту повествования. Например, Ж.Перек использует форму *Passe Simple* для того, чтобы показать оторванность действия от основного хода повествования, его полную завершенность: "A la fin il devint presque aveugle. On dut le chasser" [11; 153]

Роман М.Бютора "Изменение" имеет несколько времен-

ных пластов, которые относятся к определенным событиям жизни главного персонажа и имеют различную удаленность во времени и пространстве от момента повествования. Однако центром действия и ключевым моментом произведения является настоящее время. Настоящее время играет также функцию разделения различных временных пластов, но отрывки, выполняющие данную функцию, обязательно маркированы особыми пространственными указателями. Временная архитектура романа имеет четкую структуру и выполняет одну из самых важных ролей в определении коммуникативной направленности текста.

Включение в настоящее время частиц прошедшего и будущего позволяет ему выступать в самых разнообразных функциях. Основной особенностью функционирования настоящего времени в данных произведениях является его постоянное употребление в сочетании со вторым лицом. Поскольку второе лицо обладает преимущественно вопросительной модальностью, то употребление его в повествовании вызывает напряжение между участниками речевого акта. В подобных высказываниях возникают особые взаимоотношения между субъектом сообщаемого факта и субъектом факта сообщения как в плане референции, так и в плане модальности.

В утвердительном предложении конструкция "настоящее время + второе лицо" обладает модальностью приказа, совершения усилия. У персонажа возникает потребность проговорить для самого себя совершаемые им действия, однако употребление второго лица указывает на внутреннее сопротивление, приложение усилий, необходимостью собрать свою волю для совершения данного действия. Подобная ситуация имеет место при гипнозе, а также при других формах вну-

шения, М. Бютор также указывает на употребление этой конструкции следователем при допросе, или же в школьных сочинениях, где требуется представить себя на месте описываемого человека [2; 80].

При сопоставительном анализе оригиналов произведений и их переводов, выясняется, что наряду с конструкцией 2-л лицо + настоящее время также часто встречается форма повелительного наклонения и конструкция 2-е лицо + будущее время. Действие в высказываниях с этими конструкциями направлено в будущее, что дополнительно подчеркивает модальные особенности формы настоящего времени.

Форма повелительного наклонения является наиболее прямой формой выражения приказа, и поэтому постоянное присутствие ее в тексте и пересечение с настоящим временем изъявительного наклонения усиливают напряжение в рассматриваемой конструкции: "Examiner cependant de pris la figure de ses hommes qui se remuent autour de vous, et vous direz tout autre chose" [12; 10], "Последуйте их примеру, но неторопливо: вы же не мальчик!" [14; 93]

На модальность приказания указывают также многочисленные случаи использования в тексте конструкций типа :

1. Указание на необходимость: Надо (il faut): "Il faut fixer votre attention sur les objets qui voient les yeux." [10; 156], "...надо показать им, что ты человек смелый и решительный в своих чувствах" [7; 83]

2. Que+subjunctif, "Qu'il fasse beau, qu'il fasse laid, que la pluie tombe" [11; 79].

3. Употребление определений, уточнений tu (vous): "...qui est-tu, que fais-tu, toi qui froisses des journaux, toi qui restes plusieurs jours sans sortir." [11; 143]

4. Предложения с инфинитивом: "Ne plus rien vouloir...Trainer. Dormir" [11;58]

5. Вставка авторских комментариев: "You have never heard of the town before, this is important" [6; 53], "Выходя из этого дома страданий, вы непременно испытаете отрадное чувство, полнее вдохнете в себя свежий воздух..." [8; 93]

6. Предложения вводимые Comme si: "Comme si, a tout instant tu avais besoin de te dire..." [11;136]

Эти факты свидетельствуют о том, что местоимения "вы" и "ты" относятся не только к герою, но и к автору. Автор становится "персоной" над персонажем, управляет его действиями, в этих предложениях проявляются элементы нулевой фокализации произведения (согласно терминологии Ж. Женетт), где автор больше персонажа, позиция автора в этом случае всезнающая, почти божественна [4;21].

Степень напряжения между участниками коммуникативного акта зависит от употребление той или иной глагольной формы или числа местоимения в различных языках.

В английском языке 2-е лицо имеет одну форму для обоих лиц "you", которая в сочетании с настоящим временем имеет ярко выраженное значение безличности, что усиливается тем, что в рассматриваемых произведениях герой безымянен и не определен социально. "You go down between the beds and look for a face that is less stern..." [13; 20] Поэтому форма обращения более адекватна для выражения данной коммуникативной интенции. Форма императива принадлежит плану ближайшего будущего, обозначает действия, которые еще не совершились, является формой прямого приказания. "Arrive in some town around three, Having been on the road since seven, And cruise the main street..." [14;52]

В рассказе Дж.Апдайка от формы "you" происходит переход к местоимению первого лица множественного числа "we", что свидетельствует о возможности персонажа высказывать свои суждения, однако на фоне обобщения в первой части рассказа включается коллективное сознание: "... because we are only what we eat, we are whatever we say we are." [14;58]

Для обозначения действия, совпадающего с настоящим моментом, используется форма Present Continuous. Эту форму мы встречаем особенно часто в переводе романа М.Бютора "Изменение" ("A change of heart"), что свидетельствует о том, что в данном произведении действия больше связаны с настоящим моментом речи, и что параллельно употребляемое настоящее время (Present Indefinite) выступает в непосредственной функции обозначения момента речи.: "You are telling yourself: if there had been those peoples..." [9;274]

Для системы времен русского языка характерно более четкое видовое разделение, чем в других языках, поэтому существует две формы настоящего времени: совершенного и несовершенного вида. Важное значение для функционирования в тексте имеет также выбор формы местоимения: единственного или множественного числа. Форма настоящего времени несовершенного вида в сочетании с местоимением второго лица единственного числа приобретает значение обобщенности, что приближает его значение к английской конструкции "you + Present Indefinite". Ее употребление влияет на коммуникативную направленность романа М.Бютора, неадекватность оригиналу. "Ты встаешь, надеваешь пальто, снимаешь чемодан, берешь книгу" [7;236].

В случае со вторым лицом множественного числа при использовании формы настоящего времени совершенного вида

возникает очень сильная модальность приказания, однако для более четкого, лично обращенного приказания используется форма повелительного наклонения: "Возлюбите их, ибо они местные жители." [6;94] Совершенный вид встречается у Толстого в особенно неприятные моменты, где герой совершает с усилием действие, совершенно необходимое с точки зрения автора: "Вы увидите, как острый кривой нож входит в белое здоровое тело..." [8;93]. В переводе романа "Изменение" эта форма чаще всего употребляется для описания действий в плане воображаемого будущего, которое также довольно тягостно и нерешено для героя, сами мысли о котором требуют усилий и встречают внутреннее сопротивление: "Нет, ты не скажешь всего, не скажешь всего, что ты хотел сказать, тебе не удалось подготовить все так тщательно..." [7;174]

Конструкция "вы + настоящее время несовершенного вида" соединяет в себе оба вышеуказанных значения, в ней настоящее время наиболее сохраняет свое категориальное значение: "...вы приезжаете в некий город, едете по главной улице..." [6; 93]. С помощью местоимения "вы" автор обращается к социуму, но не к безличному, а как к множеству индивидов, так как имплицитно в ней присутствует значение местоимения "Вы" как вежливого обращения: "Вы начинаете понимать защитников Севастополя, вам становится почему-то совестно за самого себя перед этим человеком." [8;82]

Во французском языке при употреблении *Présent de l'Indicatif* со вторым лицом преобладающую роль играет частица будущего времени, в этой форме наиболее ярко выражена модальность приказания. В романе Ж.Перека очень близко соседство форм настоящего и будущего, там где экспрессивности настоящего становится недостаточно, где час-

тица настоящего сходит на нет, формы будущего времени преобладают. Однако связь времен неразрывна, что подчеркивается повторением одного и того же глагола в нескольких временных формах: "...tu ne sais pas vivre, que tu ne sauras jamais" [11;24]. При употреблении местоимения фокусное расстояние сокращается, возможны более резкие установки, суждения. Использование "tu" делает возможным констатацию фактов, выделение неприятных характерных черт героя, что приводит к приобретению настоящим временем значения вневременности: "Tu es un oisif, un somnabule, une huitre" [11; 28].

Вышеуказанные способности настоящего времени включать в себя частицы прошедшего и будущего, а также служить разделителем между этими двумя временными планами позволяют ему функционировать также и для обозначения привычных, повторяющихся действий, что встречается в рассказе Дж.Апдайка и у Ж.Перека: "Souvent, tu joues aux cartes tout seul" [11; 81].

Разделительная функция настоящего времени ярко проявляется в романе "Изменение" в отрывках, которые отделяют разные временные пласты друг от друга. В этом случае употребляется чаще всего не второе, а третье лицо, либо различные конструкции, которые служат для описания внешних событий, окружающих предметов. Однако эти описания пропущены через сознание персонажа: "За окном, на которое теперь уже реже ложатся дождевые капли, подплывает городок с колокольной, и ты отлично знаешь, что это станция Турню" [7;108]. Данные части произведения выполняют не только разделительную функцию, но и служат для введения, моральной подготовки читателя к следующей части, так как ис-

пользование пространственных указателей в начале отрывка зависит от последующего временного пласта.

Изучив функционирование различных форм настоящего времени в текстах, написанных от второго лица, замечаем, что настоящее время выполняет следующие функции: выражение приказа, разделение, обобщение, вневременность, обозначение повторяющихся действий и действий, совпадающих с моментом речи, что в целом совпадает с уже описанными основными значениями настоящего времени. Однако в данных текстах основной акцент стоит на функции выражения приказа, которая характерна для сочетания "второе лицо + настоящее время". В различных языках появление этого значения зависит от временной формы глагола, а также от числа местоимения. Так, в русском языке данную функцию выполняет сочетание местоимения "вы" с настоящим временем совершенного вида, во французском "vous" + Prsent de l'Indicatif, а в английском языке эту функцию может выполнять только форма повелительного наклонения. Важное место отведено также значению обобщения, которое наиболее четко проявляется в английском и русском языках в конструкции «ты (you) + настоящее время».

На основе проанализированного материала, можно сделать вывод о неизменном присутствии частицы будущего в случае употребления настоящего времени со вторым лицом в утвердительных предложениях, что подтверждается еще и тем, что в русском языке действие глаголов настоящего времени совершенного вида полностью перенесено в план будущего.

Именно соотнесенность с будущим позволяет этим текстам иметь столь сильное экспрессивное воздействие на читателя.

1. Гийом Г., Принципы теоретической лингвистики. — М.: 1992. — 224 с.
2. Butor M., Essais sur le roman. — P.: NRF, Gallimard, 1969, 184 p.
3. Guillaume G., Temps et verbe. — Copenhague: Munksqaard, 1932. — 112 p.
4. Mainqueneau D., Éléments de linguistique pour le texte littéraire. — P: Bordas, 1990. — 173 p.
5. Stefanini J., Linguistique et langue française. — P: Éditions du centre national de la recherche scientifique, 1992, — 263 p.
6. Апдайк Дж., Вот она, Америка/ Иностранная литература. — М., 1992, № 3
7. Бютор М., Изменение. — М.: Художественная литература, 1983. — 671 с.
8. Толстой Л.Н., Избранные произведения. — Львов: Каменяр, 1982. — 495 с.
9. Butor M., A change of heart. — N.Y.: Simon and Schuster, 1969. — 540 p.
10. Butor M., La Modification.— P.: Les Éditions de Minuit, 1957, 314 p.
11. Perce G., Un homme qui dort. — P.: Denoel, 1967, 163 p.
12. Tolstoi L., Les récits de Sebastopol. — М.: Изд-во литературы на иностранных языках. — 169 с.
13. Tolstoy L., Tales of Sevastopol. The Cossacs. — М.: Progress, 1982. — 367 p.
14. Updike J., Problems and other stories. — N.Y.: Fawcett Crest, 1991. — 285 p.

І.В. Олійник, І.В. Панченко

КОНОТАТИВНО-ПРАГМАТИЧНІ АСПЕКТИ БУРЛЕСКОВОГО ТВОРУ

Сучасні лінгвістичні дослідження характеризуються орієнтацією на розглядання мов особливих ознакових систем, кожній з яких притаманні певні риси, які властиві всім мовам світу, і в той же час, як такі об'єкти, що характеризуються специфічністю та ідіоматичністю.

Предметом нашого дослідження є стилістично релевантні елементи, які виступають як засіб створення конотативної інформації на лексичному та фразеологічному рівнях мови. Дані елементи розглядаються на матеріалі поеми відомого французького письменника XVII ст. Поля Скарона "Перелицьований Вергілій" та поеми видатного українського поета і драматурга кінця XVIII — початку XIX ст. Івана Котляревського "Енеїда", об'єднаних спільним сюжетом.

В останні десятиріччя велику увагу вчених привертає до себе метод лінгвістичної типології. Основною причиною цього є можливість вивчення різних мов незалежно від їх спорідненості або ступеня їх взаємного впливу. Метою подібних досліджень є виявлення схожостей та розбіжностей структур мов, що розглядаються, засобів вираження тих са-

мих означень та відмінності функцій однотипних елементів мовної структури. Унікальність кожної мови полягає не лише у наявності індивідуальних рис, але й в тому, як відбиваються в ній загальні властивості мови. Метою порівняльної типології є визначення співвідношення загального та специфічного у порівнювальних мовах. Отже, при проведенні порівняльного аналізу необхідно виявити всі можливі типи мовного вираження, що охоплюють дані мови, та показати на фоні цієї сітки типів те, що реалізується у порівнювальних мовах. Таким чином, встановлення ізоморфізму однієї чи кількох мов тісно пов'язане з виявленням їх аліоморфних характеристик, тобто системно-структурних розбіжностей між ними. Численні порівняльні дослідження наочно демонструють ізоморфність різних за походженням мов: в основі їх структури лежать ті ж самі загальні принципи. Тому теорія ізоморфізму є основою типологічного мовознавства при встановленні схожості різних елементів у системі, дозволяє ставити питання про наявність універсалій та фреквенталій у споріднених та неспоріднених мовах.

В наш час типологічні дослідження охоплюють різні галузі мовознавства і, перш за все, фонологію, граматику, лексикологію. Однак стилістики вони торкнулися у значно меншій мірі. Між тим реалізація типологічного підходу у застосуванні до проблем лінгвостилістики є, безумовно, виправданою та необхідною.

Значення лінгвостилістики як актуального об'єкту досліджень обумовлене тією роллю, яку стилістична система грає в існуванні мови, у багатоплановій мовній практиці, у вихованні таких найважливіших функцій мови, як комунікативна, естетична та пізнавальна. Стилiстика здатна якомо-

га краще відобразити національну специфіку мови, розкрити багатство її зображувальних можливостей та засобів вираження різних означень

Письменник в процесі художньої творчості відбирає ті елементи одержуваної ним про світ інформації, які він вважає особливо важливими та хоче передати читачеві, кодує цю інформацію у вигляді образів, кодує образи мовними засобами та створює художній твір. Декодування останнього являє собою виключно складне завдання через те, що дослідник не знайомий з кодом автора. Справа в тому, що код художнього тексту не може бути зведений до лексичної та граматичної будови мови. Це вельми складна, ієрархічно побудована система, в яку входить кілька субкодів або різні кодування (графічний, фонетичний, лексичний, код образів, стилістичних прийомів і т.і.). Отже, з'ясовуючи стилістичні особливості тексту, необхідно співвіднести план вираження та план змісту, визначити, наскільки вдало даний зміст переданий даними засобами.

Численні лінгвостилістичні дослідження показують, що фонд стилетворчих засобів кожної окремо взятої національної мови утворюють як національно самобутні, так і досить велика кількість інтернаціональних елементів, тобто тих засобів, що належать до кількох або навіть до багатьох мов. Існування останніх ще раз свідчить про незамкнений характер мовної системи, а також про постійне прагнення мов до взаємозбагачення шляхом мовних контактів. У зв'язку з цим виникає питання про роль контрастивних досліджень у галузі стилістики, оскільки вивчення національного та інтернаціонального у кожній мові сприяє більш глибокому про-

никненню у структуру та особливості функціонування мов, що розглядаються.

Дослідження твору художньої літератури може проводитись водночас кількома лініями: з одного боку, він може розглядатися як об'єкт літературознавчого, лінгвістичного, конкретно-історичного аналізу, а з іншого боку — як об'єкт семіотичного аналізу. Саме другий підхід здатний дати дослідникові найбільш чітке уявлення про художній текст як про цілісне автономне утворення, що характеризується єдністю двох його сторін — плану змісту та плану вираження. Семіотика — наукова дисципліна, яка вивчає побудову та функціонування різноманітних знакових систем, що зберігають та передають інформацію, відкриває і досліджує схожості мови та літератури як мистецтва, заснованого на мові. Отже, семіотику мови та літератури слід визначати як науку про такі знакові системи, які мають висловлювання.

Літературний дискурс з точки зору семіотики — це дискурс, в якому речення-висловлювання і взагалі вирази інтенціонально істинні, але не обов'язково екстенціонально істинні. Це дискурс, інтенціонали якого не обов'язково мають екстенціональні в актуальному світі і який отже описує один з можливих світів. Сукупність літературних дискурсів складає літературу.

Згідно з семіотичною теорією художній твір ґрунтується на єдності, що виникає як опозиція двох структур: об'єктивної (суспільство) та суб'єктивної (автор). Ця єдність та протилежність, одержуючи літературну репрезентацію, обумовлює перетворення художнього твору з абстрактного задуму до семіологічного факту, в яким мова набуває особливої смислової значущості, внаслідок чого вигадка в ній ме-

жує з реальністю. Художній твір — це своєрідна спроба вирішити літературним шляхом проблемну ситуацію. Письменник творить виходячи з того, що йому вже так чи інакше дається в ньому самому або в оточуючому його суспільстві. Кожна з двох структур, що лежать в основі художнього твору, належить системі відносин, яка включає в себе різні рівні: культурний, економічний, емоціональний, історичний і т.і. Саме тому художній текст тісно пов'язаний з історико-соціальною хронологією та, безумовно, належить до тієї епохи, яку він відображає.

Одним із засобів розкриття протиріч, що виникають між суспільством як об'єктивною структурою та людиною (автором) як суб'єктивною структурою, є комічне. Комічне як естетична категорія — це суспільно значуще життєве протиріччя (мети — засобам, форми — змісту, сутності — її прояву), що в мистецтві є об'єктом особливої емоційно насиченої критики. Під комічним можуть розумітися як природні (що існують незалежно від чиєїсь волі) явища та відносини між людьми, так і особливий вид творчості, сутність якого полягає у цілеспрямованій побудові певної системи явищ (в тому числі мовних) з метою викликати ефект комічного.

Кожний період в історії суспільного розвитку висуває власні специфічні комічні ситуації та типи характерів.

Таким чином, неможливим є проникнення у сутність комічного без глибокого аналізу тієї епохи, яка відіграє визначальну роль у створенні того чи іншого комічного твору.

У теорії комічного жанр бурлеску трактується як пародія на деякий відомий твір з елементами гротеску або як траверстування, гумор якого базується на переодяганні персонажів якого-небудь одного із знаменитих творів дав-

нини у національній одяг. Всім відомий піднесений класичний сюжет викладається “низьким” стилем. Кажучи про виникнення бурлеску, необхідно відзначити, що у традиційних суспільствах, де особливе місце посідали релігія, ритуал, сакральна сфера взагалі, священним об’єктам надавалась максимальна цінність. Бурлеск руйнує чарівність священного, ставить його під знак питання і таким чином перетворює те, що було об’єктом поклоніння, на повсякденне, принижує його.

Отже, аналіз художнього твору повинен базуватись перш за все на вивченні його позатекстового контексту (М.Бахтін). Останній включає в себе:

- епоху, коли жив та творив письменник, загальнополітичні та літературні течії цієї епохи, а також місце письменника у боротьбі різних напрямків;
- стан літературної мови епохи, що вивчається, та співвідношення провідних та другорядних її стилів;
- знання загальнонародної розмовної мови, її взаємодії з місцевими діалектами, знання жаргонів різних соціальних груп та класів.

У відповідності з даною схемою спробуємо окреслити той історико-соціальний фон, який став поштовхом для виникнення та розвитку бурлеску в українській та французькій літературах.

XVII століття у Франції було позначене зародженням нових буржуазних відносин та появою енергійних та рішучих представників класу буржуазії. У мові та літературі на зміну періоду Ренесанса, провідною ідеєю якого було всіляке збагачення французької мови, прийшов час пуризму та торжества канонів класицизму. Проповідуючи чіткість по-

етичної мови, раціоналізм та холодну урочистість, класицизм виявився дуже далеким від живої французької мови. Бурлеск в цих умовах виник як своєрідна реакція на високі жанри та високі почуття. Кожний бурлесковий твір, використовуючи сюжет славетних творів давнини чи окремих епізодів античної міфології, описує життя тодішнього французького суспільства з його численними протиріччями. Вирішуючи чисто літературні завдання, представники бурлеску прагнули скоротити прірву, що існувала між живою народною мовою і мовою класичної літератури та елітарних шарів суспільства.

XVII століття на Україні позначилось ліквідацією української автономії, розпуском Запорізької Січі. Вищі сфери українського суспільства відокремлювала від простих людей велика прірва, яку збільшував стан письмової мови, що знаходилась під впливом латинсько-польської схоластики, далекої від життя, від потреб українського народу.

За таких соціально-політичних та культурних умов бурлеск став тією зброєю, яка, руйнуючи церковно-схоластичні канони, готувала ґрунт для реалістичного зображення життя та побуту широких мас. Бурлеск пориває з попередньою літературною традицією — з псевдокласицизмом, націоналізує та модернізує діючі особи та події класичної давнини.

Художній твір є дуже складною та багатоплановою системою відносин, що поряд з предметно-логічною інформацією, яка описує подійно-фактуальну основу твору, містить інформаційну оцінку, емоційну, експресивну. Цей тип інформації (назвемо її стилістичним) має знакову природу. Користуючись термінологією Л.Єльмслева, вторинну семіотич-

ну систему, що несе стилістичну інформацію, назвемо конотативною. Змістом стилістичної інформації є різноманітні відомості про параметри ситуації спілкування, а її носієм виступає сукупність мовних одиниць, що мають певне предметно-логічне значення. Останнє містить відомості про належність адресанта до певної соціальної або територіальної групи, про його відношення до адресанта та до предмету повідомлення, про той клас жанрів, до якого може бути віднесене те чи інше повідомлення, і т.і. З точки зору семіотичної теорії стилістичне значення мовної одиниці є значенням конотативним, найдрібнішою коміркою плану змісту конотативної системи, яка надбудовується над системою даної природної мови.

Відношення конотативного змісту повідомлення в цілому до кожного з стилістичних означень одиниць, що входять до його складу, це відношення цілого до частини. При цьому стилістичне означення може мати одиниця будь-якого рівня мови: слово, стійке словосполучення, граматична форма, синтаксична конструкція і т.і. за умови, що є ще хоча б одна форма (означаюче), спроможна виразити те ж саме значення (означуване). При науковому аналізі необхідно виділити окремі сторони та властивості речей та явищ, саме тому стилістичні ресурси лексики, граматики, фонетики можна розглядати і окремо, але на спільній основі, як різні складові єдиного цілого — стилістичної системи мови.

Одним з найважливіших компонентів конотативного змісту твору є стилістично маркована лексика та фразеологія.

В “Енеїді” І.Котляревського лексичні одиниці (ЛО), що відносяться до розмовного стилю мають або іронічні, або зне-

важливі емоційно-експресивні відтінки, складають 126 (59%) одиниць. Основну масу стилістично маркованих іменників можна віднести до семантичного поля (СП) “Людина”, зокрема, до тематичних груп (ТГ) “Людина за складом характеру та способом життя”: проноза (78), йолоп (31), потіпаха (132), суціга (125), дундук (53); “Частини організму людини”: баньки (157), пика (142), морда (103). Стилiстично марковані дієслова, що мають емоційно-експресивні характеристики або відносяться до зниженої лексики, належать до СП “Дієслова руху”: пхатися (66), швендяти (92), шлятися (60); “Дієслова говоріння”: городити (9103), шпетити (52), верзти (64); “Дієслова, що означають процеси приймання їжі”: обжиратися (183), хлистати (72) і т.і.

Серед стилістично маркованих ЛО “Енеїди” є слова, що мають хронологічно-локальні характеристики, зокрема діалектні — 20 (10%): галити (58), псяюха (187), вомпити (64). Враховуючи, що будь-яке слово в художньому контексті переборює свою семантичну ізольованість, підпадає під вплив екстралінгвістичного контексту, виділимо групу ЛО, які не мають інваріантного стилістичного значення, або набувають його у контексті. Це слова, що означають специфічно українські реалії та відносяться до СП “Світ об’єктів та понять, створених людиною” — 63 (30%): чуйка (106), шарпанина (158), булдимок (75), чинш (57).

У “Перелицьованому Вергілії” П.Скарона ЛО, що мають негативні емоційно-експресивні відтінки та відносяться до зниженої лексики, складають 101 (61%) одиницю. Серед іменників переважна більшість належить до СП “Людина” та до ТГ “Людина за складом характеру та способом життя”: coquin (I,4), cосу (II,88), larron (II,112), pendard

(II,73); “Частини організму людини”: *minois* (II,152), *cu* (II,113), *trogne* (I,73).

До складу стилістично маркованих ЛО “Перелицьованого Вергілія” входять також архаїзми — 63 (39): *baye* (I,33), *chef* (I,18), *s'accagner* (IV,34), *grever* (III,96).

Великий стилістичний потенціал має також фразеологічна система мови.

В “Енеїді” І.Котляревського всі виявлені стилістично марковані фразеологічні одиниці (ФО) належать до розмовного стилю або мають знижену оцінність. Вони представлені переважно дієслівно-предикативними ФО. При цьому поряд з традиційними ФО — 41 (70%) — існує велика кількість ФО, які зазнали оказіональних трансформацій — 18 (30%).

Серед ФО найбільш широко представлені СП “ФО з актуалізованою семою “бити — карати”: *дати швабу* (142), *хвоста вкрутити* (84); “ФО з актуалізованою семою “бігти — втікати”: *дати дропака* (118), *дати драла* (67); “ФО з актуалізованою семою “образити — обдурити”: *фігу показати* (193), *збити з пантелику* (24).

У “Перелицьованому Вергілії” П.Скарона традиційні стилістично марковані ФО — 45 (63%) — відносяться до СП “ФО з актуалізованою семою “бити — карати”: *casser le sou* (II,11) *faire main basse* (IV,33); “ФО з актуалізованою семою “втікати”: *faire gille* (III,183), *plier gille* (III,183), *plier bagage* (I,15) і т.і.

З метою посилення експресивно-емоційних можливостей ФО П.Скарон використовує різноманітні оказіональні трансформації ФО — 26 (37%).

Отже, художній текст є складною багаторівневою сис-

темою, що характеризується єдністю двох її сторін: плану змісту та плану вираження і представляє актуальний світ, який є відбитком у свідомості його автора. Розвиток дії у художньому творі обумовлений опозицією його об'єктивної та суб'єктивної структур. Взаємодія останніх веде до створення особливої динамічної системи, що властива його авторіві.

Бурлеск як один з жанрів комічного є засобом розкриття у художній літературі суспільно значущих протиріч. Для творів бурлескового напрямку є характерною наявність особливої конотативної інформації — пародійно-травестійної, що базується на контрасті між величним характером сюжетної основи твору і зображенням побутових об'єктів та ситуацій.

Порівняльний аналіз засобів створення пародійно-травестійної інформації в “Енеїді” І.Котляревського та “Перелицьованому Вергілії” П.Скарона на рівні лексики та фразеології виявив глибокий ізоморфізм механізму реалізації конотативного змісту, що свідчить про універсальний характер цих засобів у Європейських мовах.

Література

1. Бурлеск і травестія в українській поезії. — К.: Держлітвидав, 1959 — 600 с.
2. Гак В.Г. О сопоставительной стилистике // Методы сопоставительного изучения языков. — Куйбышев: КуйБГУ, 1978. — С.48-53.
3. Олейник И.В. К вопросу о функции стилистических

средств в художественной литературе // Мова. — Одеса, 1993. — С.112-118.

4. Олейник И.В. Словообразование как фактор создания стилистического своеобразия произведения // Доклады конференции “Язык и культура”, 26-28 июня 1992 г. — Киев: Изд-во КГУ, 1992. — С.96 — 105.
- 5 Олейник И.В. Бурлеск. Черты сходства и различия в национальных языках // Тезисы конференции “Язык и культура”, 25-27 июня 1993г. — Киев: Изд-во КГУ, 1993. — С.58.
6. Пилинський М.М. Мовна норма і стиль. — К.: Наукова думка, 1976. — 288 с.

И.Г. Остапчук

О КАТЕГОРИИ АКЦЕНТНОСТИ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

Автор научного произведения, если он не эклектик и стремится к истине, не может быть равнодушным и бесстрастным в своих суждениях. Однако, контролируемый детерминантом нормы научного стиля, он преобразует свои эмоции и тем не менее находит средства для их выражения. Вот почему мы считаем, что такие категории, как оценочность и критичность, не только присущи научному стилю (они составляют его основу), но и входят в структуру мышления и лежат глубже, находя свое выражение не столько во внешних выражениях оценки качества, сколько в сознательном отборе научных фактов, постановке вопроса, упоминании и неупоминании работ, имен и т. п., и всегда показывают отношение автора, его позицию.

Экспрессия научной речи — это в основном экспрессия логического подчёркивания, акцентуации, эмфатического выделения содержательно значимых элементов высказывания для точности и убедительности изложения, активизации внимания читателя, сосредоточения его на существенных моментах содержания, облегчения читателю усвоения научной мысли. Именно с помощью особых языковых средств — *акцентуаторов* (термин Е.С.Троянской) [5, 21] — и достигается выразительность научной речи.

Акцентуаторы в научном тексте отличаются достаточным разнообразием. Это и акцентирующие частицы, некоторые модальные слова, разного рода усилители; и специальные обороты типа “подчеркнём, что...”, “обратим внимание на то, что...”; и различные по цели высказывания предложения, в том числе их последовательный ряд; это и вопросно-ответные комплексы; и особый словопорядок, и т.п.

В ходе научного изложения автор ссылается не только на то, что для читателя является известным, но и на то, что для него становится очевидным в силу его способности логически мыслить и умения пользоваться определенной системой доказательств.

Автор, с одной стороны, дает свою оценку важности какого-либо факта, с другой, — побуждает читателя присоединиться к ней. Так, комментируя вводимую информацию и порядок ее изложения, автор попеременно переносит центр тяжести то на собственные намерения, то на восприятие читателя, то на объективный смысл этого комментария. Но все три момента постоянно присутствуют в тексте в более или менее выявленной форме. А.Вежбицка сравнивает такого рода метатекст с «заметками на полях», которые с равным успехом могут быть сделаны как автором, так и реципиентом [1, 403].

Предметное содержание научного текста заключено, таким образом, в некую рамку, объединяющую авторскую интенцию и читательское восприятие. Её можно сравнить с рамочной конструкцией в художественной прозе, когда повествование имитирует ситуацию устного рассказа с образами рассказчика и слушателей. В научном тексте «рамка» не получает, конечно, ни сюжетного, ни композиционного оформ-

ления, а складывается из компонентов стиля, причём условным в ней является не столько «рассказчик», сколько «слушатель».

С помощью двуголосого метатекста наглядно выявляется коммуникативная направленность научного изложения: монологический письменный текст отражает диалогическую ситуацию научного общения.

Во французских лингвистических и медицинских текстах широко используются наречия, основной целью которых является активизация внимания читателя для введения новой и важной информации, а также для передачи значения усиленной достоверности. Это прежде всего наречия *naturellement, évidemment, manifestement, sûrement, bien entendu* и другие:

C'est évident sur la portion fixée que pourra agir la dose infinitésimale [H.F., N°2, 168]

Si tous les gènes d'un organismes étaient décodés en meme temps..., toutes les cellules seraient donc identiques. Ce n'est manifestement pas le cas [R, 627]

В следующем примере усилительная частица *bien* придаёт дополнительный оттенок уверенности автора в своей правоте:

Bien évidemment, la hiérarchisation de ces facteurs est perçue différemment par les médecins... [R, 703]

Безличные конструкции *il est clair, il est net, il est évident* и другие также функционируют в научной речи в качестве языковых средств усиленной достоверности. Автор как бы приглашает читателя убедиться в том, что истинность его выводов очевидна:

Il est net que la résistance à des choses fortes apparaît quand la fonction oxydatrice disparaît [H.F., N°3-4, 180]

Il est évident que la structure sous-jacente d'ou dérive l'énoncé elliptique est d'une nature différente de celle de cet énoncé [L.F., N°48, 35]

Регулярно употребляются во французских научных текстах вводные слова *en effet*, *bien sûr*, *certes* и другие. Они придают оттенок “заверения” всему высказыванию. Благодаря своей выразительности подобные предложения, которые располагаются обычно в начале абзаца, не могут не привлекать к себе внимания читателя. Например:

Certes, cela ne fait que prolonger l'usage classique de la notion... [L.F., N°48, 67]

En effet, les prédecesseurs de Condillac ont souvent recommandé des moyens lexicaux pour éviter les équivoques... [L.F., N°81, 17]

Подобная картина наблюдается и в русском языке. Наш анализ показал, что из лексических средств создания усиленной достоверности в русских текстах по медицине и языкознанию наиболее употребительными являются лексемы *несомненно*, *конечно (же)*, *очевидно*, *естественно*:

Естественно, представляют интерес такие семантические классы, которые... [ВЯ, №6, 8]

Этому, *несомненно*, способствует наличие флексии — о [В.Я., №5, 78]

Среди лексических средств выражения усиленной достоверности нельзя не отметить распространённые во французском языке конструкции *avec + N* и *sans + N*:

Les expériences avec le mercure ont été négatives, sans doute, parce que le sel choisi était toxique [H.F., N°6, 167]

Sans doute, les trois modèles d'une histoire de la langue ont eu chacun leur suite dans le développement linguistique ultérieur [L.F., N°50, 106]

Aujourd'hui, on peut affirmer avec certitude que la seule appréciation de l'évolution glycémique ne peut suffire... [D&M, 89]

Гораздо реже во французских научных текстах встречаются прилагательные, способные выразить убеждённость учёного в соответствии описываемого явления реальной действительности:

Le facteur psychique prend une place souvent insoupçonnée [H.F., N°2, 166]

Вообще, по мнению Н.Б.Гвишиани, усилительные наречия и прилагательные едва ли имеют другое значение, кроме эмфатического: “Подобное исследование требует перехода в область фразеологии и в первую очередь к основному противопоставлению семантического и метасемиотического уровней лингвистического анализа. Следует исходить из взаимодействия как бы двух тенденций в языке — интеллектуальной, определяющейся развитием прямых номинативных значений слов, непосредственно направленных на действительность, и экспрессивной, обогащающей язык своеобразными и индивидуальными употреблениями. Поэтому считается, что усилительные наречия и прилагательные могут реализовываться на метасемиотическом уровне, где наибольшую важность приобретает функция воздействия, и, следовательно, выражаются определённые экспрессивно-эмоционально-оценочные коннотации” [2,10].

Наши наблюдения показали, что в аспекте использования лексических средств усиленной достоверности во фран-

цузском языке какой-либо специфики лингвистических текстов по сравнению с медицинскими не наблюдается.

Морфологическим способом выражения усиленной достоверности во французских научных текстах по языкознанию и медицине является употребление глаголов в Futur Simple и Futur Proche. Будущее время французских глаголов чётко и определённо показывает беспорность авторских рассуждений, свидетельствует об уверенности учёного:

Ces germes provoqueront une infection uniquement si la colonisation se prolonge [R, 707]

La région d'un gène qui sera transcrite en ARN... est traduite selon le code génétique [R, 630]

Chaque hormone stéroïde pénètre dans la cellule et s'attache à une protéine qui va se fixer à l'ADN [R, 630]

Такой способ широко используется в медицинских текстах и реже — в лингвистических.

В русских научных текстах частота употребления будущего времени глагола более низкая. Это связано, видимо, с тем, что в русском языке будущее время реже встречается в переносном употреблении, в частности для указания на многократное повторение, обычность действия в настоящем, как это имеет место во французском языке, где Futur Simple по значению сближается с настоящим вневременным (Present Historique). Для иллюстрации приведём примеры из текстов обеих отраслей науки:

Ses institutions sur les rapports entre la langue orale et la langue écrite seront partiellement fausses [F.M., 28]

La fixation stable à l'interieur des vesicules sera assurée par une protéine liant le calcium [D&M, 112]

Для обоснования важности этих теоретических поло-

жений в применении к материалу английского языка мы обратимся к проблеме именных форм глагола... [ИЯВШ, 43]

Назначение научной публикации состоит в формулировке и доказательстве научной гипотезы, выдвижении новых научных концепций, формулировке внутренних законов существования и развития новых явлений. Естественно, что коммуникативное задание, имеющее такую экстралингвистическую основу, задание, состоящее в том, чтобы передать в языковой форме перечисленные выше понятия, не может не оказывать влияния на значение и употребление языковых единиц — как лексических, так и грамматических, которые служат для выражения модальных значений.

Поскольку в научной литературе много внимания уделяется изложению, обсуждению и доказательству теорий и гипотез, которые ещё нуждаются в подтверждении, язык научной литературы характеризуется большим количеством единиц, передающих различные оттенки модальных значений — от возможности и необходимости до проблематичности и ирреальности.

В связи с этим возникает вопрос о специфике общей (текстовой) модальности научного текста. Модальная “тональность” научного текста, рассматриваемая в качестве единого параметра речевого анализа, по-видимому, может быть определена на основе того, какие типы высказываний доминируют в тексте: действительные, возможностные или необходимостные, что в свою очередь выявляет “угол зрения” субъекта речи на описываемую в научном тексте действительность, то есть даёт возможность понять, рассматривает ли субъект речи действительность как пассивный наблю-

датель или как активно действующая личность, прогнозирующая возможность или необходимость явлений действительности [4,51].

Поскольку для научных статей типичны высказывания, характеризующиеся категориями всеобщности и общности, то многие языковые средства имплицитно в высказываниях модальность "необходимость". Такие единицы не только конституируют в научном тексте необходимостные высказывания, с помощью которых субъект речи выражает своё понимание (знание) действительности, отмечая в ней необходимые (закономерные) связи, но и являются средствами, с помощью которых субъект речи стремится воздействовать на читателя, обнаруживая свои коммуникативно-прагматические намерения. С точки зрения коммуникативно-прагматической функции необходимостные отношения могут быть высказаны субъектом речи в разной форме, с разной степенью категоричности: как настоятельное требование, запрет, указание или рекомендация, совет, пожелание, недоумение и др. Иначе говоря, в связи с разновидностью модального характера языковых средств, конституирующих необходимостные высказывания, в этих высказываниях обнаруживается различная степень проявления фактора субъекта речи в тексте, раскрывающая различный характер "общения" субъекта речи с адресатом.

Сравним, например, две группы модальных единиц, конституирующих высказывания с разной степенью категоричности.

1. Ярко выраженный характер категоричности придаёт высказыванию и тексту в целом употребление в нём единиц: *il faut, il convient, il est nécessaire; глаголов exiger, devoir,*

necessiter, отрицательных частиц *ni... ni, aucun(e), jamais* и других. Например:

Ni l'aspect psychologique du sommeil, ni l'influence des conditions environnantes extérieures ne sont abordés ici [P.M., N°42, 2740]

A l'examen clinique, il n'existait ni syndrome oedémateux, ni syndrome hémorragique. Il n'y avait ni splénomégalie, ni hépatomégalie [P.M., N°45, 2742]

Cet algorithme ne prétend en aucun cas d'être exhaustif... [RFA-IC, 67]

Cette hypothèse a été infirmée et exigée d'en chercher les raisons [L, N°14, 58]

В русских научных текстах категоричность выражается прежде всего с помощью единиц *следует, нужно, только, должны, требует, обязывает, настаивает*, а также с помощью неопределённых и отрицательных наречий и лексем *нельзя*. Например:

К наиболее характерным недостаткам лексикографического описания семантики слова *можно* отнести следующие... [ВЯ, №6, 15]

...нужна система внешних по отношению к языку понятий... [ВЯ, №5, 49]

Однако эта критика *никак* не оправдывает своего назначения [АХ, №4, 51]

Только актуализация слов в приведённых толкованиях... даст те содержания, которые можно отождествить... [ВЯ, №6, 53]

Данные в таком виде толкования *нельзя* отождествлять с значениями слов [ВЯ, №6, 54]

Прилагательные *необходимый, несомненный* в русских статьях по медицине и лингвистике встречаются довольно часто:

Несомненна древняя сопредельность иллирийской, фракийской и славянской языковых территорий [ИЯВШ, №27, 23]

Для убедительных подтверждений *необходимы* новые исследования... [ММ, №7, 42]

Наш анализ показал, что лексические средства выражения категоричности превалируют в текстах по медицине. Это объясняется, по нашему мнению, тем, что ведущим типом изложения в медицине является повествование, для которого характерно сообщение о развивающихся действиях, событиях, состояниях. Повествование создаёт динамическую картину процесса, научного эксперимента, именно поэтому оно характерно для текстов естественных наук. С помощью рассмотренных нами лексических средств категоричности высказывания в медицинских текстах субъект речи выражает значение необходимости как настоятельное требование, вменяющее в обязанность читателю совершить то или иное действие (интеллектуальное или физическое), как напоминание об ответственности, о долге перед научным коллективом, который возлагается на читателя.

Для лингвистических журналов более характерны тексты-описания, но иногда и в них встречаются такие высказывания, категоричность которых усиливается неоднократным повторением соответствующего языкового средства на небольшом отрезке текста. В нашем примере эти предложения следуют одно за другим и звучат как требование прислушаться к мнению учёного:

Способ описания *должен* строиться в соответствии с особенностями объекта., так же как и любой способ познания *должен* строиться в соответствии со специфическими характеристиками самого объекта. Способ толкования *должен* согласовываться с оценкой... Решению вопросов описания лексической семантики *должно* предшествовать построение теории лексического значения... [ИЯВШ, №26, 54]

Необходимо также отметить, что значение категоричности в этом типе высказываний может усиливаться с помощью других модальных единиц со значением “необходимости”, вступающих с указанными выше единицами в синтагматические отношения (например, *обязательно должны, необходимо должны* и др.):

Cette règle... impose de nombreuses contraintes expérimentales qui doivent absolument être prises en comptes dans les protocoles d'essais contrôlés des médicaments homéopathiques [HF, N°3-4, 151]

Доза *непрерменно должна* быть индивидуальной для каждого пациента [ММ, №6, 39]

Немаловажным морфологическим средством выражения категоричности является побудительное наклонение в научном тексте. Автор научной статьи стремится воздействовать на читателя. Обязательные планы воздействия актуализируются с помощью таких языковых средств выражения, без которых текст состояться не может. К таким облигаторным языковым категориям относится прежде всего категория наклонения. Если в высказывании используется глагол, то отправление текста просто обязан остановить свой выбор на одной из форм категории наклонения. При этом он актуа-

лизирует и интенцию. Наклонение рассматривается как грамматика речевых функций — ролей, взятых на себя отправителем и навязанных адресату, и ассоциирующихся с этим его установок. Причём это навязывание может происходить путём непосредственного и скрытого побуждения.

Для актуализации целевой установки отправителя, реализуемой как непосредственное побуждение, важную роль играет побудительный элемент соответствующего наклонения.

Побудительная подсистема языковой информации обладает константными прагматическими свойствами. Это информация о воле субъекта речи, апеллирующая к воле адресата с целью побудить его к тем или иным действиям (поведению). Побудительная языковая информация принадлежит к ядерным средствам, осуществляющим один из основных видов психического воздействия — приказание.

Известно, что под влиянием разнообразных факторов побудительная языковая информация подразделяется на несколько частных подсистем: категорическое побуждение (и его модификации: приказ, команда, требование, разрешение, запрещение и др.), смягчённое побуждение (и его модификации: просьба, мольба, упрощивание и др.), нейтральное побуждение (и его модификации: совет, инструкция, наставление, поучение, увещивание, предложение, пожелание и др.), каждая из которых имеет особенности в языковом оформлении [3,84].

Наш материал показал, что в научных статьях и по медицине, и по лингвистике встречается в основном нейтральное побуждение, например:

Notons que, dans cette série, l'hypercalcémie a été rapportée 1 fois à la prise... [PM, N°45, 2737]

Disons tout de suite que si les expériences avec l'arsenic se sont montrés positives, celles avec le mercure ont été négatives [HF, N°6, 167]

Признаем, что важной системной предпосылкой является необходимость в формальном разграничении мужского и среднего родов [ВЯ, №1, 75]

Анализ научных текстов показывает, что категоричные высказывания с эксплицитно выраженным значением значительно усиливают имплицитно выраженную в тексте “тональность” необходимости, акцентируя ключевые положения текста. Они являются средствами выражения в тексте категории фактора субъекта речи и способствуют тому, что необходимые отношения в тексте могут быть высказаны субъектом речи в разной форме с точки зрения коммуникативно-прагматической функции. В зависимости от прагматического характера доминирующих в тексте высказываний может формироваться тот или иной характер диалогических отношений субъекта речи с читателем. В зависимости от выбора языковых средств и вариации высказываний с различными коммуникативно-прагматическими функциями (а также их комбинаций) может создаваться своеобразный неповторимый колорит общей “тональности”, зависящей от коммуникативно-прагматических намерений конкретного субъекта речи и его языковых привычек.

Литература

1. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.8. — М., 1978.
2. Гвишиани Н.Б. Актуальные проблемы методики и методологии языковедческого исследования // Диалектика единичного, особенного и всеобщего в науке о языке. — М., 1980.
3. Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. — Л., 1978.
4. Лапп Л.М. Общая тональность научного текста с точки зрения объективной модальности // Функционирование языка в различных типах текстов. — Пермь, 1989.
5. Троянская Е.С. Общая характеристика лексики стиля немецкой научной речи // Лингвостилистические особенности научного текста. — М., 1981.

Т.В. Телецкая

К ПРОБЛЕМЕ МОДАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Понятие “модальность” восходит к классической формальной логике, откуда лингвистика заимствовала классификацию суждений на ассерторические (суждения действительности), проблематические (суждения возможности) и аподиктические (суждения необходимости) [Философская энциклопедия, 1969, т. II, 419-429], и, кроме того, на суждения достоверные и вероятные. Тем самым в общих чертах была задана смысловая область модальности.

В практике лингвистических исследований границы употребления термина “модальность” утратили свою определенность. Трактовка модальности в современной лингвистике необычайно широка, к тому же трудно найти двух авторов, которые понимали бы модальность одинаково.

В современном языкознании важную роль играет концепция В.В. Виноградова, рассматривающего модальность как семантическую категорию широкого объема. “Любое целостное выражение мысли, чувства, побуждения, отражая действительность в той или иной форме высказывания, облака-

ется в одну из существующих в данной системе языка интонационных схем предложения и выражает одно из тех синтаксических значений, которые в своей совокупности образуют категорию модальности" [Виноградов, 1950, 41]. В зависимости от порядка слов и интонации, В.В. Виноградов различает разные модальные формы предложений: повелительную, реально-утвердительную, реально-отрицательную, вопросительную, вопросительно-подтвердительную, желательную.

Концепция В.В. Виноградова легла в основу ряда более поздних трактовок модальности, предложенных советскими и некоторыми зарубежными лингвистами.

Широкое понимание модальности характерно для П.Адамца, который дает следующий перечень модальных значений: утверждение, вопрос, побуждение; реальность, достоверность, вероятность, нереальность; утверждение, отрицание; необходимость, возможность, намерение [Адамец, 1968, 88].

Многие авторы отстаивают точку зрения, согласно которой инвариантным значением модальности является отнесенность содержания высказывания к действительности; понимаемая таким образом модальность распространяется на отношения субъекта высказывания к действию (субъект может, должен, хочет сделать что-либо) и отношение говорящего к достоверности содержания высказывания. Такой взгляд на модальность, при различии в терминологии и некоторых интерпретациях, выражен, например, в работах Т.П.Ломтева, Г.А.Золотовой, Л.С.Ермолаевой, В.З.Панфилова, В.Н.Бондаренко. Наиболее распространенными терминами при такой трактовке модальности яв-

ляются "объективная модальность" для двух первых вышеуказанных типов модальных значений и "субъективная модальность" для третьего типа значений.

Если в советском языкознании основоположником самой распространенной концепции модальности был В.В. Виноградов, то в западной лингвистике эта роль принадлежит Ш.Балли. По мнению Ш.Балли, в любом высказывании можно выделить основное содержание (диктум) и модальную часть (модус), в которой выражается интеллектуальное, эмоциональное или волевое суждение говорящего в отношении диктума. Различаются эксплицитный и имплицитный модусы. Основная форма выражения эксплицитного модуса — главное предложение в составе сложноподчиненного с придаточным дополнительным. Таким образом, модальность, в трактовке Ш. Балли, выступает как синтаксическая категория, в выражении которой первостепенную роль играют модальные глаголы — подкласс глаголов, обозначающих суждение говорящего о предмете речи, отличающихся от других глаголов тем, что они могут присоединять дополнительное придаточное предложение [Балли, 1955].

Дальнейшим развитием концепции Ш. Балли явилось выделение нескольких типов модальности, основанное на функционально-семантической дифференциации модусов. В частности, Т.Б. Алисова различает два типа модальности: коммуникативную и субъективно-оценочную [Алисова, 1971]. При такой трактовке модальности в качестве основного модального значения выступает коммуникативная функция высказывания. По мнению Э. Бенвениста, утвердительные, вопросительные и повелительные предложения "отра-

жают три основные позиции говорящего, который воздействует на собеседника своей речью: говорящий хочет либо передать собеседнику элемент знания, либо получить от него информацию, либо приказать что-то сделать” [Бенвенист, 1974; 140]. Э. Бенвенист считает, что “именно эти три связанные с общением функции речи запечатлены в трех формах модальности предложения” (там же). Этот вид модальности рассматривается как основной в целом ряде советских и зарубежных работ [И.П.Распонов, Т.Б. Алисова, М. Грелл, А. Meunier]. При таком взгляде на модальность глагольное наклонение рассматривается как один из способов, служащих, наряду со многими другими, для выражения коммуникативных функций предложения, которые обозначаются иногда термином “синтаксическое наклонение”, введенным в употребление А.А. Шахматовым [Шахматов, 1941; 161-235].

Итак, различия в понимании модальности сказываются, в частности, в том, что объект этого понятия и охват им языковых явлений не совпадает в концепциях разных авторов. Представляется, однако, что большая часть принятых концепций не выходит за пределы определенного, хотя и довольно широкого круга языковых явлений и средств их выражения. Анализ ряда работ позволил составить перечень тех языковых явлений, которые относятся к модальности.

Особая сложность и проблематичность определения границ сферы модальности и соотношений разных членений внутри этой сферы обуславливает целесообразность соотнесения нескольких (по крайней мере двух) перспектив в представлении классификации модальных значений.

Так, А.В. Бондарко рассматривает модальность как комплекс актуализационных категорий, характеризующих с точки зрения говорящего отношение пропозитивной основы содержания высказывания к действительности по доминирующим признакам реальности/ирреальности. То или иное отношение к этим признакам представлено в значениях:

- 1) актуальности/потенциальности (возможности, необходимости, гипотетичности и т.д.);
- 2) оценки достоверности;
- 3) коммуникативной установки высказывания;
- 4) утверждения/отрицания;
- 5) засвидетельствованности (пересказывания/непересказывания).

По мнению А.В. Бондарко, “с модальностью частично связана семантико-прагматическая сфера качественной и эмоциональной оценки” [Бондарко, 1990; 60].

Вторая классификация представлена Л.А. Бирюлиным и Е.Е. Корди. Они считают общим семантическим признаком “модальных объектов” “точку зрения говорящего” и выделяют шесть типов значений, имеющих разнообразные (грамматические, лексические, интонационные) средства выражения:

- 1) оценка говорящим содержания высказывания с точки зрения реальности/нереальности (гипотетичности и т.п.), выражаемая при помощи форм наклонения и времени глагола, а также некоторых союзов, частиц и других элементов структуры предложения;

2) выражаемая модальными глаголами и другими модальными словами оценка обозначаемой в высказывании ситуации с точки зрения ее возможности, необходимости или желательности;

3) оценка говорящим степени его уверенности в достоверности сообщаемого, которая может выражаться модальными наречиями, вводными словами, а также сложноподчиненными предложениями с придаточным изъяснительным, где главное предложение содержит модальную оценку того, что выражено в придаточном;

4) целевая установка говорящего или коммуникативная функция высказывания. По этому признаку все предложения подразделяются на повествовательные (выражающие сообщение), вопросительные (выражающие вопрос), побудительные (выражающие побуждение) и оптативные (выражающие желание). Средства выражения этих значений различны: морфологические (наклонения глагола), синтаксические (конструкция предложения), просодические (интонация);

5) значения утверждения/отрицания, отражающие наличие/отсутствие объективных связей между предметами, признаками, событиями, о которых идет речь в предложении. Первый член оппозиции (утверждение) не маркируется, второй — маркируется грамматическими, словообразовательными и лексическими средствами и т.п.;

6) эмоциональная и качественная оценка содержания высказывания, выражаемая лексически, просодически (восклицательными предложениями), а также с помощью междометий. Кроме того, это значение может быть представлено либо сложноподчиненными предложениями, содержащи-

ми в их главной части оценочный модус, либо конструкция с вводными словами и оборотами.

Итак, в основном обе перспективы соотносительны, однако есть и некоторые различия. Так, во второй классификации потенциальность однозначно отнесена к нереальности (что отражает широко распространенную точку зрения). Нам же представляется, что статус потенциальности более сложен: в потенциальности заключены взаимосвязи ирреальности и реальности.

Сравнивая подсистемы модальных значений, выделяемых по разноаспектным признакам, можно заметить, что они частично пересекаются, так что возможны случаи, когда одно и то же значение (в зависимости от того, в каком аспекте оно рассматривается) входит в разные ряды.

Можно выделить три основных уровня представления иерархии модальных отношений в лингвистическом анализе. Первый уровень (наиболее высокий) — общемодальный. Речь идет об истолкованиях инварианта семантики модальности. Второй уровень — выделение и соотнесение отдельных типов (рядов) модальных значений. Третий уровень — это многоступенчатая вариантность (субкатегоризация) отдельных модальных значений (типы, разновидности и варианты значений возможности, необходимости, оптативности и т.п.).

Проблема модальности (впрочем как и другие проблемы) не может рассматриваться в духе полного единства. Здесь неизбежны расхождения и столкновения разных точек зрения. Важно эксплицитно выявить эти расхождения, стремясь объяснить их и попытаться наметить возможности дальнейшего углубления проблематики.

Анализируя категорию модальности в рамках функциональной грамматики, представляется необходимым остановиться на понятии “функционально-семантического поля” как основного принципа построения грамматики такого типа.

“Функционально-семантическое поле — это двустороннее содержательно-формальное единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими и лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, относящимися к той же семантической зоне” [Бондарко, 1983].

Функционально-семантические поля образуют в данном языке определенные группировки, в основе каждой из которых лежит определенная семантическая категория — тот семантический инвариант, который объединяет разнородные языковые средства и обуславливает их взаимодействие. Комплекс функционально-семантических полей модально-бытийных отношений, включающих поле объективной модальности и субъективной модальности, входит в группировку полей с акциональным (предикативным) ядром.

Как видно, функционально-семантическое поле модальности распадается на два поля: на поле объективной и поле субъективной модальности, которые взаимосвязаны и пересекаются как между собой, в рамках общего функционально-семантического поля модальности, так и с отдельными полями из других группировок. Так, выделяются зоны пересечения полей (например аспектуально-модальный семантический комплекс, свидетельствующий о сложной многоас-

пектной системности всего комплекса функционально-семантических полей).

Каждый семантический вариант в рамках данного функционально-семантического поля связан с определенными средствами формального выражения. Таким образом, функционально-семантическое поле представляет собой двустороннее (не только в направлении от значения к форме, но и от формы к значению) единство, охватывающее конкретные средства данного языка.

Поля в разных языках, базирующиеся на одной и той же семантической категории, могут существенно различаться по своей структуре.

Так, субъективная модальность во французском языке выражается с помощью следующих языковых средств:

- 1) определенного и неопределенного артиклей;
- 2) притяжательных и указательных детерминантов;
- 3) притяжательных местоимений, неопределенного местоимения “on”, указательного местоимения “ça”;
- 4) наречий и адвербиальных выражений;
- 5) предлогов и предложных выражений с существительными или глаголами в инфинитиве;
- 6) некоторых междометий;
- 7) некоторых союзов и союзных выражений;
- 8) апеллятивов с эмоционально-оценочной окраской;
- 9) различных просодических средств;
- 10) множества глагольных выражений;
- 11) глаголов в инфинитиве;
- 12) множества глагольных перифраз.

В отечественном языкознании всесторонняя характеристика средств выражения субъективной модальности в русском языке дана в трудах В.В. Виноградова. В круг этих средств он включает:

- 1) интонацию;
- 2) аналитические и синтетические формы наклонений глагола;
- 3) сочетание инфинитива с отыменными словами;
- 4) сочетание глагола с модальным значением с другим инфинитивом;
- 5) модальные слова и частицы.

Естественно, главное средство субъективно-модально-го значения — местоимение Я, остальные имеют вспомогательный по отношению к нему характер, координированы с ним и выступают совместно как единая система. В речи происходит постоянное и тесное взаимодействие языковых и речевых средств субъективной модальности, которое и создает общую субъективно-модальную окраску предложения.

Таким образом, языковая модальность — обширное и сложнейшее языковое явление, ее признаки не уместаются в рамках одноплановой операции деления как какой-нибудь конкретной грамматической категории, хотя она традиционно называется категорией. Модальность — это целый класс, система систем грамматических значений, проявляющихся на разных уровнях языка и речи. Недаром В.В. Виноградов поставил модальные значения в один ряд с системой логико-смысловых грамматических значений [Виноградов, 1974; 725].

Для глубокого изучения проблемы модальности нужны масса фактического материала из разных языков, целая серия частных и обобщающих исследований с выходом на стыковые позиции других наук, широкая дискуссия между представителями различных точек зрения.

Глубокая и всесторонняя разработки теории и практики лингвистической модальности имеет первостепенное значение, так как средства ее выражения представляют собой важнейшее организующее и актуализирующее начало в речевом общении.

Литература

1. Адамец П. К вопросу о модификациях (модальных трансформациях) со значением необходимости и возможности // 1968. Т. III, №2.
2. Алисова Т.Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. — М., 1974.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. — М., 1955.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М., 1974.
5. Бирюлин Л.А., Корди Е.Е. Основные типы модальных значений, выделяемых в лингвистической литературе. 1990.
6. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. — Л., 1990.
7. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. — Л.: Наука, 1983.

8. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке// Труды Ин-та русского языка АН СССР. — М.—Л., 1950.
9. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. — М., 1947.
10. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. — М., 1941.
11. Философская энциклопедия, т. II. — 1969.

И.С. Чиркова

ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

В настоящее время все больше внимания уделяется проблемам языковой номинации, в частности в области научно-технической коммуникации. Образование терминологических систем как совокупностей терминов в рамках определенных областей знаний тесно связана с функционированием “языков для специальных целей”. В англоязычной теоретической литературе принято традиционное обозначение LSP (Languages for Special Purposes), которые определяются как “комплексные семиотические системы, основанные на общем языке и производные от него, их использование предполагает специальное образование и ограничено коммуникацией между специалистами в близких областях знаний” [Никитина, 1988; с.61]. Специфику любого языка для специальных целей определяет закрепленная за ним терминосистема, на практике нередко пересекающаяся с некоторыми смежными терминосистемами.

Процесс именованя, происходящий в сфере LSP, известен как терминологическая номинация. В своей основе она представляет собой разновидность общезыковой номинации, совершенствующейся в соответствии с теми же основными принципами. Вместе с тем, в связи со спецификой научно-технической коммуникации, терминологическая номинация

имеет определенные особенности. Поскольку терминология представляет собой систему, искусственно созданную, “условно принятую семиологическую систему” [Гвишиани, 1986, с.7], то в процессе именованя и выборе для этого соответствующего языкового знака очень важна роль субъекта номинации. Какой признак будет избран при этом, во многом зависит от индивидуальной воли лица, имеющего научное понятие. “Языковая единица должна быть достаточно определенной и устойчивой, чтобы обеспечить взаимопонимание, а в то же время — достаточно гибкой и подвижной, чтобы обеспечить передачу новых смыслов” [Кубрякова, 1986, с.102].

Терминологическая номинация представляет собой целенаправленный творческий процесс, обусловленный взаимодействием внешних и внутренних факторов. Образование терминологических систем тесно связано с социально-профессиональной дифференциацией языка. Терминология каждой отрасли специализированной деятельности человека служит средством общения между людьми в пределах данной сферы деятельности, обеспечивая дифференцированное именование объектов этой сферы.

В терминологическую систему языка для специальных цели определенной области знания входят термины и номенклатурные наименования. Научно-технический термин можно определить как элемент научно-технической коммуникации, выражающий профессиональное понятие. Этот элемент носит знаковый характер и входит в лексико-семантическую систему определенной области знаний. Вопрос о номенклатурных наименованиях является предметом дискуссий и неоднозначного толкования среди лингвистов.

Одним из первых, кто обратил внимание на разграничение терминологии и номенклатуры, был Г.О. Винокур. Определив терминологию как систему понятий, а номенклатуру как систему названий, он выделил номенклатурные знаки в особую группу, отличающуюся не только от терминов, но и от имен собственных. “Что касается номенклатуры, то, в отличие от терминологии, под ней следует понимать систему совершенно абстрактных и условных символов, единственное назначение которых состоит в том, чтобы дать максимально удобное с практической точки зрения средство для обозначения предметов, вещей, без прямого отношения к потребностям теоретической мысли, оперирующей этими вещами” [Винокур, 1939, с.8].

Разработкой проблемы номенклатурной лексики занимался А.А. Реформатский. Он определил эту лексику как совокупность названий, соответствующих различным вещам, что может давать информацию о различии элементов и их порядке [Реформатский, 1986, с.167]. В духе этих идей высказывается А.Д. Хаютин, согласно которому, термины — это “родовые” и “типовые” наименования, называющие вещи обобщенно, абстрагировано, а единицами номенклатуры следует считать единичные и видовые названия, обозначающие единичные вещи и их разновидности [Хаютин, 1972, с.104].

Т.Л. Канделаки, исследуя понятийную соотнесенность термина, указывает на возможность разграничения его с номеном, исходя из характера понятия. Различая общие и единичные понятия, она указывает, что первые выражаются терминами, а вторые — номенклатурными наименованиями, причем для единичных понятий возможно лишь описание с пе-

речислением признаков, а не дефиниция [Канделаки, 1976, с.9].

Номены имеют много общего с именами собственными в плане выполняемых функций. Из основных функций слова, которыми являются номинативная и сигнификативная, у номенов и имен собственных явно преобладает номинативная. В связи с этим А.А. Уфимцева определяет номенклатурные наименования как “квазисобственные имена”, поскольку они “обладают сугубо денотативным значением, не имеют смысловой структуры и в силу этого ограничиваются сферой номинативно-классификационной деятельности языка” [Уфимцева, 1978, с.44].

Термины и номены представляют собой сопутствующие друг другу явления. Это определяется тем, что они порождены и обслуживают потребности тех же сфер науки и техники, однако обслуживают эти сферы с разных сторон. Невозможно оперировать научными понятиями, не указывая на конкретные объекты, с которыми имеет дело данная отрасль науки. Однако терминология и номенклатура имеют весьма существенные отличительные признаки.

Номенклатура отличается спецификой своих свойств как по сравнению с общеупотребительной лексикой, так и с другими слоями специальной лексики. Одной из специфических черт, отличающих номенклатуру от других слоев лексики, являются особенности ее предметно-понятийной соотношенности. Номены характеризуются повышенной предметностью, что сопровождается ослаблением их связи с понятием. Связь с понятием у номена осуществляется через предмет.

Номинативная функция присуща любому полнозначному слову, в том числе и номенклатурным наименованиям.

Само название этого пласта лексики соотносится со способностью номенов прежде всего называть явления действительности. “Nomen” — название как таковое есть эмпирическая, чувственно-воспринимаемая вещь. Оно есть знак, связанный с называемой вещью не в акте мысли, а в акте восприятия и представления” [Шпет, 1989, с.391].

Если термин, называя научное или техническое понятие, обобщает его, ставя в один ряд с элементами того же класса, то номен это понятие конкретизирует.

Исходя из характеристики языковых знаков, предложенной Ч. Моррисом, термины можно определить как знаки индексальные, а номены — как знаки характеризующие. Тогда термин будет соотнесен с десигнатом знака, а номен — с денотатом, поскольку десигнат знака представляет собой то, что знак может означать, то есть класс некоторых объектов; если же объект реформации реально существует, этот объект является денотатом.

Мы считаем, что номенклатурные наименования неразрывно связаны с терминологической лексикой, тем самым входя в терминосистему определенной области знания. Номенклатура существует постольку, поскольку существует терминология, и является вторичной по отношению к ней. Это доказывается также тем, что в терминологиях некоторых областей знаний присутствие номенов необязательно. Нет их, например, в системе наименований формальной логики, изобразительного искусства [Хаютин, 1972, с.24].

Термин и номен, как языковые знаки, имеют одинаковое строение. Номен можно определить как тип термина, у которого предметное значение преобладает над понятийным.

Номенклатура в различных сферах научной деятельно-

сти имеет свои особенности. Следует отметить ее неоднородность, что связано во многом с экстралингвистическими факторами, а именно с типом научного дискурса, в котором функционируют номенклатурные наименования. В рамках научной коммуникации можно выделить такие типы дискурса, в основе которых лежит научная статья, и такие, которые основаны на научно-технической рекламе. Каждый тип дискурса, в зависимости от совокупности условий, при которых он функционирует, характеризуется определенным набором языковых единиц. Таким образом, наличие разных типов номенклатурных наименований в каждом из типов дискурса вполне обусловлено.

Тексты научных сообщений характеризуются ясностью, логичностью, четкостью изложения, избегают переносности. Номены, функционирующие в научных статьях, малочисленны и представляют собой совокупность научных названий теоретического характера. Исследованию подверглись научные монографии и сборники статей общим объемом 490730 тысяч словоупотреблений (примерно 1500 страниц текстов). Средний процент терминов от общего числа словоупотреблений составил 10,75%, а средний процент номенов составил 0,32%.

Количество терминологических словоупотреблений более чем в 20 раз превысило количество номенклатурных. Кроме того, в текстах научных сообщений номенклатура взаимодействует с терминами в виде номинативных сочетаний, в которые термины включаются как признаки более широкого класса научных понятий, например Brune cycle' Dirac Delta function, Kirchoff's Law, Laplace Transform.

Такие сочетания носят конкретно-теоретический харак-

тер, что является результатом экстралингвистических факторов и тесно связано с коммуникативным заданием научных сообщений — информированием о каких-либо теоретических достижениях в определенной области знаний.

Номены в научных статьях/монографиях тесно связаны с терминами, без которых они не функционируют, и характеризуются особым способом образования — использованием имен собственных. Это объясняется тем, что любое теоретическое достижение невозможно без участия субъекта научной деятельности.

Научно-техническая реклама представляет собой совершенно иной тип дискурса с точки зрения как экстралингвистических, так и интралингвистических факторов. Номенклатура и реклама — понятия сопутствующие. Исследователи отмечают «наличие рекламной функции у номенклатурных единиц, что приводит к тому, что они бывают эмоциональны, экспрессивны» [Лейчик, 1982, с.24].

Номенклатура в текстах научно-технической рекламы представляет собой совокупность условных обозначений, которая носит прикладной и коммерческий характер. Это обусловлено определенной прагматической направленностью рекламных текстов. Исследованию подверглись 156800 тысяч словоупотреблений — примерно 500 страниц текстов научно-технической рекламы. Средний процент терминов составил 14,2%, средний процент номенов — 2%. Следует отметить, что их в 6,25 раз больше, чем в текстах научных сообщений.

В текстах научно-технической рекламы номены используются для обозначений компаний-производителей определенной продукции, например Aydin Corp, RASCOM, Alcatel NY,

Face Group, а также для именованя самой продукции: Kibunds, EM 200, Ear Mike, MD 100. Данную совокупность условных обозначений можно назвать коммерческо-технической номенклатурой. Коммерческие номены нацелены на определенную реакцию потребителя, привлечения внимания, возбуждения интереса, положительных эмоций и ассоциаций. Способы образования таких номенов — различного рода сокращения, аббревиация, собственные имена используются редко.

Литература

1. Винокур Г.О. Избранные работы. — М., 1939.
2. Гвишиани Н.Б. Язык научного общения. — М., 1986.
3. Канделаки Т.Л. К вопросу о номенклатурных наименованиях. // Вопросы разработки научно-технической терминологии. — Рига, 1973.
4. Кубрякова Е.С. Номинативные аспекты речевой деятельности. — М., 1986.
5. Лейчик В.М. Люди и слова. — М.: Наука, 1982.
6. Реформатский А.А. Мысли о термине. // Современные проблемы русской терминологии. — М., 1986.
7. Уфимцева А.А. Типы языковых значений. — М., 1974.
8. Хаяутин А.Д. Термин, терминология, номенклатура. — Самарканд, 1982.
9. Шпет Г.Г. Сочинения. — Правда, 1989.

V.P.Kolyada, T.I. Dombrovan

ON ONE MECHANISM OF SYNTACTIC CHANGE

It is evident that any language changes as the centuries pass. It concerns not only its phonetic system or its vocabulary. The same principle applies to the grammatical system of a language, including its syntax, too. Old English was an inflected language, the relation among words in a sentence being reflected with the help of terminations. That's why the order of words in a sentence was not so important, as it is nowadays, and it was possible to change a sentence like

"Ohthere s...de his hlaforde Aelfrede cyninge a...t. . ."
(Ohthere said (to) his lord Alfred (the) king that. . .)
into

"his hlaforde Aelfrede cyninge s...de Ohthere a...t. . ."

without change of the meaning, because the word terminations unmistakably revealed the subject and the object of the sentence. To express relationships, Modern English employs a more rigid word order and many more structure words, such as prepositions and auxiliaries, than did Old English.

In Old English the title of a person, as a rule, followed the name (AElfred cyning); now the order is reversed (King Edward, Doctor Watson). Take the West Saxon version of the Lord's Prayer, from Matthew 6 of the King James Version of

the Bible, and one will find "F...der ðre" at the beginning instead of "Our Father".

In Old English multiple negations were but a common thing, they served to emphasize the negativity of an utterance. In Modern English one negation is customary.

"No construction is everlastingly stable, no cherished rule remains unbroken. . . Go back a century or so and the rules are radically different even if on the surface they appear to be the same" (Burchfield, 158).

So, what are the internal factors that influence the syntactic change in a language? Is it possible to single out the principles and mechanisms of syntactic change? The aim of this article is to share our point of view on the problem, which (i.e. the point) follows, with some reservations in a few aspects, A.C. Harris and L. Campbell.

It is assumed that one of the mechanisms of syntactic change is the reinterpretation (reanalysis) of grammatical relations within a syntactic pattern, which doesn't involve any obligatory modification of its surface structure and is determined by the ambiguous meaning (or ways of interpretation) of the given syntactic pattern (See, e.g. Harris, A.C. and Campbell, L. 1995, Lightfoot 1979).

Thus, the reinterpretation of the grammatical relations in the Old English chain 'Noun-Verb-Adjective' must have resulted in coming into existence of passive constructions in Middle English. In the Old English period adjectives agreed in gender, number, and case with the nouns (pronouns) they modified, as in:

hie wordon gebrohte

"They were (in the state of being) brought" (cited in Harris & Campbell, p.398).

The "-e" on 'gebrohte' signals that it is adjective agreeing with the subject 'hie'. But the sentences with masculine gender adjectives of strong declension (that had zero ending in the Nominative Case Singular Number) like in

he w...s besett

"He was (in the state of being) surrounded" (cited *ibid.*) could be analysed in two ways: 1) as a Subject (he) – Verb (w...s) – Adjective (besett) chain, or 2) Subject (he) – Auxiliary Verb (w...s) – Verb (besett).

The ambiguity could be observed in Modern English as well in the sentences, such as

The gate was shut (and rusty),

The gate was shut (by someone).

The jacket was worn (and dirty),

The jacket was worn (by Grandpa).

Most grammarians agree that the construction be + –ed represents in today's speech two homonymous forms, namely the combination of the copula "be" with a participial adjective or a passive-voice verb-form. This, as we may assume, is the result of the reinterpretation of the structure in question. In Old English such combinations originally expressed the state of the subject caused by an action performed on it (as is seen from the examples above). But this kind of structure underwent some shift of functions: in many cases the speaker's attention was shifted from the state of the subject to the action which caused the state. In order words the combination in question was no longer a predicate expressing the state or quality of the subject (a compound nominal predicate). Later on an originally independent word with independent meaning (we-san/bëon) develops into an auxiliary word and becomes a gram-

matical marker. This kind of process can be accompanied by a concurrent weakening of both the meaning and the form of the word, though it is not at all obligatory.

A telling example of the change from a word to a grammatical marker is a shift in the meaning of the word "Will". The English "will" originally meant "want" (willan). The modal meaning of volition gradually developed into the meaning of the future: an action a person wishes to perform doesn't actually take place as yet, but may take place in the future. The shift in the meaning results in the semantic "bleaching" of the word "will", the latter being grammaticalized as a future marker. Initially the surface structure was not altered considerably, but its grammatical status changed.

As can be seen from the above analysis, in reinterpretation the new structure may co-exist with the old one, but it also can replace the latter due to the affection of surface grammatical relations. Let's consider a few more examples.

In Old English there were some types of so-called "impersonal" sentences not found in Modern English, in which a rule of inversion made initial subject indirect objects, e.g.

Nÿ ainca mē ("Now I think")

which corresponded to "me thinks now". It is very close to the Ukrainian "Мені здається". Similarly, Him relomp ("Йому вдалося").

This rule, apparently always optional, began to apply less frequently. Due to the weakening and eventual loss of case inflections in nouns, the effects of the rule, when it did apply, became less apparent, and the construction was changed: the surface object (mē, him) was reinterpreted as surface (and underlying) subject and began to be used in the Nominative Case

– I, he; thus the "impersonal" construction became "personal". In other words, as a result of restructuring, one construction ousted another.

In "Beowulf" (line 639) one may find a similar example, characteristic of the Old English period, where the underlying subject acts like the surface object, and the surface subject is expressed by the underlying object, as in:

aam wife aa word wel licodon

The.DAT. woman.DAT those.NOM. words.Nom. well liked (pl.)

that is very close to the Ukrainian "Жінці дуже сподобалися ті слова" or to the Russian "Женщине очень понравились те слова".

Like in the Ukrainian or Russian translations of the sentence, the agent of the action was expressed by the form of the Dative Case, whereas the verb agreed in number with the theme. In Middle English this structure began to co-exist with and later on was ousted by the different structure in which the agent of the action began to be expressed by the form of the Nominative Case, and the verb agreed with the agent, not the theme, as in:

The woman liked those words well.

Very often, as a result of reinterpretation, two words which at an early period didn't form a definite construction, at a later period do constitute a kind of set combination. This, we presume, was the way the continuous forms originated in English.

The forms of the continuous aspect first appeared in Middle English, but fully developed only in Late Modern English. Like in a wide variety of Indo-European languages, both ancient

and modern, the "be" + present participle combination is found in English of all periods, e.g.

OE he is singende (literally, "він є співаючий").

In Middle English this combination got confused with the verbal noun construction of the type

He is on singing (i.e. he is engaged in singing),

which also co-existed with "He is a-singing", and later developed into "He is singing" (Він саме співає). Thus, in English this free-word combination has been reinterpreted as a construction with the participle losing its adjectival sense and the verb "be" losing its stative meaning and came to be used as a regular means of expressing an action in progress at a given moment.

As one can see, syntactic change is possible (and evident) when some surface construction implies two or more different interpretations, and the grammar changes to include interpretations that were not formerly found. In other words, it is avoidance of surface ambiguity that is the cause of the reinterpretation (or restructuring) as an internal mechanism of linguistic change, which can introduce a new structure into a language.

Literature

1. Иванова И.П., Беляева Т.М. Хрестоматия по истории английского языка. — Л., 1980.
2. Ильиш Б.А. История английского языка. — М., 1968.
3. Baugh, A.C. A History of the English Language. — Ldn, 1978.
4. Burchfield, R. The English Language. — Ldn, 1985.

5. Chomsky, N. Aspects of the Theory of Syntax. — Cambridge, 1965.
6. Comrie, B. Language Universals and Linguistic Typology. — Oxford, 1989, 2nd ed.
7. Harris, A.C. and Campbell, L. Historical Syntax in Cross-Linguistic Perspective. — Cambridge, 1995.
8. Jespersen, J. Language, its Nature, Development, and Origin. — Ldn, 1922.
9. Lightfoot, D.W. Principles of Diachronic Syntax. — Cambridge, 1979.
10. Robertson, S. The Development of Modern English. — N.Y., 1954.

Содержание

ПЕРЕДМОВА	3
<u>Е.В. Абзимова</u> ПРОСОДИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ ЦЕЛЕУСТАНОВОК "ДОКАЗАТЕЛЬСТВО" И "СООБЩЕНИЕ" В АНГЛИЙСКОЙ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ.....	5
<u>О.Б. Алексеева</u> СУДЬБА ПУБЛИКАЦИЙ ФРАНЦУЗСКОГО ДРАМАТУРГА Э. РОСТАНА В РОССИИ И В УКРАИНЕ	15
<u>С.П. Бухлева</u> УДАЛЕННОСТЬ ГЛАГОЛЬНОГО ПРОЦЕССА ОТ СООТНОСИТЕЛЬНОГО МОМЕНТА	21
<u>И.А. Ваврищук</u> РЕДУПЛИКАЦИЯ И КОНВЕРГЕНЦИЯ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ДРАМАТУРГИИ)	27
<u>Т.В. Весна</u> ПРАГМАТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ЗНАЧЕНИЯ ЗООМОРФИЗМОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ОРИГИНАЛА И ПЕРЕВОДА ГАЗЕТЫ "МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ" ЗА 1991-1992 ГГ.)	33
<u>Ю.П. Водяницкая</u> МЕТАФОРА КАК ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ	45
<u>О.В. Воронюк</u> ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ИСХОДНОЙ ЕДИНИЦЕЙ И ИТОГОМ ПАРОНИМИЧЕСКОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПРИ ПАРОНИМИЧЕСКОЙ АТТРАКЦИИ	59
<u>А.Ю. Дубовик</u> ФЛОРИСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ Х.ДУЛИТЛ	71
<u>А.А. Изотова</u> ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ ШИРОКОЗНАЧНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ <i>MAN</i> И <i>PERSON</i> И ИХ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ	87

<u>А.А. Изотова</u> ДИСТИНКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ АНГЛИЙСКИХ ШИРОКОЗНАЧНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ	101
<u>Е.А. Калинин</u> ВИДЫ ПОРТРЕТНОГО ОПИСАНИЯ В НАУЧНО- ФАНАСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ	111
<u>Н.Л. Королева</u> НАЦИОНАЛЬНЫЕ ФАМИЛИИ В ПРОЗЕ А.И. КУПРИНА	127
<u>А.Э. Левицкий</u> СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЕДИНСТВА СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	139
<u>А.Д. Мартыненко</u> ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ, АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ОТ ВТОРОГО ЛИЦА)	151
<u>І.В. Олійник, І.В. Панченко</u> КОНОТАТИВНО-ПРАГМАТИЧНІ АСПЕКТИ БУРЛЕСКОВОГО ТВОРУ	161
<u>И.Г. Остапчук</u> О КАТЕГОРИИ АКЦЕНТНОСТИ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ	173
<u>Т.В. Телецкая</u> К ПРОБЛЕМЕ МОДАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	187
<u>И.С. Чиркова</u> ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ	199
<u>V.P.Kolyada, T.I.Dombrovan</u> ON ONE MECHANISM OF SYNTACTIC CHANGE	207

ЗАПИСКИ
З РОМАНО-ГЕРМАНСЬКОЇ ФІЛОЛОГІЇ

Записки з романо-германської філології:
Збірник наукових праць факультету романо-
германської філології ОДУ. — Випуск 2.
— Одеса, Одеський університет, 1997. — 216 с.

Сдано в набір 15.11.97. Підписано в печать 27.12.97.

Формат 60x84/16. Усл.печ.л.12,5. Уч.-изд.л. 12,5.